

ISSN 0869-6403

ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

9'93

НА БОЕВОМ ПОСТУ

В ОБЪЕКТИВЕ - ЧЕТЫРЕХБОРЬЕ

Офицерское
четырёхборье — это то,
что воспитывает
в профессиональных
защитниках Отечества
незаменимые для них
качества — силу, выносливость,
быстроту, умение
мастерски владеть
оружием.

Фото Б.БУЛГАКОВА.

В НОМЕРЕ:

■ Актуальное интервью	
ДУРБАЖЕВ В. "Всем трудностям наперекор,"	2
■ Войска: проблемы, события, люди	
ЧЕРКАСОВ Ю. Ночной захват при "Луне,"	6
КАРПОВ Б. На арктических широтах . . .	10
МЕДВЕДЕВ А. Дайте мне боевого „комиссара“!	15
* * *	
АФАНАСЬЕВ В. М. Т. Калашников: "АК создавал солдат — для солдата,"	18
МЯСОЕДОВ Н. Заслон (борьба зарубежных спецподразделений против массовых беспорядков)	22
СЕМИОХИН И. В боях за Новороссийск	25
СЫСОЕВ Н. Жандармский корпус России	28
УГЛОВ Ф. Неужели пропьем державу?!	32
■ Проза. Поэзия	
СЕМЕНОВ Ю. Командировка в неизвестность (повесть, начало)	36
БОГДАНОВИЧ А. Через все времена (стихи)	47
СЕЙЕРС Д. Чье тело? (роман, окончание)	49
■ Калейдоскоп интересов	
БАРАНОВСКИЙ В. Сэн'э — путь жизни . .	57
Шахматный клуб	59
Рыболовам и охотникам	60
Клуб знакомств "Возможна встреча," . . .	62

Главный редактор
ЛУКИЕНКО Л. И.
Редакционная
коллегия:
АМЕРХАНОВ В. Ш.
(зам. главного редактора),
АФАНАСЬЕВ В. В.,
БОНДАРЕВ П. Т.,
ВОЛКОВ О. Л.,
ВОРОЖЦОВ В. П.,
ДУРБАЖЕВ В. А.,
ЕРХОВ Е. И.,
ЗАЙЦЕВ А. П.,
КАВУН С. Ф.,
КАРЕВ А. Н.
(ответственный секретарь),
КАРПОВ Б. В.,
КОЗЛОВ И. Т.,
КОНДРОЕВ В. В.,
КОРОВНИКОВ А. В.,
КОТЛЯРОВ А. П.,
КУДРЯШОВ В. И.
КУЗЬМИН Н. П.,
МАЛЮТИН С. Н.,
ОВЧИННИКОВ В. В.,
ПРОКОПЕНКО Н. Н.,
СЕНЮКОСЕНКО Л. Ф.
(зам. главного редактора),
СМИРНОВ Л. Л.,
УШАР А. Г.,
ФЕДОСЕЕВ В. Ф.,
ЧЕРНЫШОВ П. П.,
ЯКУБОВСКИЙ В. И.

Учредитель — МВД России.

Издатель — Главное управление
командующего внутренними войсками:
111250, Москва, Е-250, ул. Красноказарменная, 9а.

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации. Регистр. № 01420.
Имеет приложения: газету «Ситуация» и сборник учебно-методических материалов «Войсковой вестник».

За достоверность информации, точность фактов, цифр и цитат ответственность несут авторы. При перепечатке материалов ссылка на наш журнал обязательна.

© Журнал «На боевом посту», 1993

Сдано в набор 16.07.93 г. Подписано к печати 27.08.93 г.
Формат бумаги 70x1081/16. Усл. печ. л. 5, 6.
Уч.-изд. л. 8, 8. Зак. № 2070. Тираж 11700.
Цена по каталогу 50 руб., в розницу — свободная.

Ордена «Знак Почета» типография «Красная звезда».
123826, ГСП, Москва, Д-317, Хорошевское шоссе, 38.

Художественное оформление
Э. П. Копылова.
Корректоры
Е. А. Богданова,
Н. В. Емелина.
На первой странице обложки:
фото А. Александрова.

Адрес редакции:
107120, Москва, Б-120,
Сыромятинский проезд, 8.
Телефоны:
361-82-57, 361-81-71.

**Генерал-майор
В. ДУРБАЖЕВ:**

**"ВСЕМ ТРУДНОСТЯМ
НАПЕРЕКОР"**

Заместитель командующего внутренними войсками МВД России по тылу отвечает на вопросы нашего корреспондента старшего лейтенанта С. КОЛЕСНИКОВА.

— Товарищ генерал-майор, ваше назначение на должность заместителя командующего внутренними войсками по тылу состоялось в новых экономических условиях, прямо скажем, разительно отличающихся от прежних. Как это отразилось на вашей деятельности? С чего начали свою работу?

— Начал по традиции с изучения войскового хозяйства округов, познакомился с работой и заслушал должностных лиц подчиненных подразделений главка. Это, согласитесь, не помеха в любой экономической ситуации. Старался подмечать и положительное, и недостатки. Небесполезным показалось мне еще раз посмотреть и на прошлую практику, в частности, на работу тыла в годы Великой Отечественной войны, чтобы почерпнуть опыта и оттуда, ведь не секрет, что многим нашим военнослужащим приходится нести службу в условиях, приближенных к фронтовым. После знакомства с людьми, их работой, проблемами, которые легли сейчас на плечи тыловиков, стало ясно, что по меньшей мере недальновидно отказываться от проверенных временем и практикой наработок прошлых лет, ломать устоявшиеся связи. В войсках немало хороших специалистов-профессионалов, на их опыт, на инициативу молодых и будем опираться.

Хоть я уже достаточно долго служу в войсках, пришлось соприкоснуться с совершенно новыми реалиями. Взять хотя бы те же контакты на межгосударственном уровне, в частности для обеспечения личного состава всем необходимым. Не секрет ведь, что в современных условиях дело это осложнилось недопоставками, невыполнением договоров...

— Вы упомянули об изучении опыта Великой Отечественной войны. Известно, что в те времена тылу отводилась хоть и важная, но все же в чем-то второстепенная роль. Сейчас, похоже, акценты несколько сместились именно в его сторону. Тыл словно передовая. Только и слышны разговоры о денежном довольствии, финансовых неурядицах, жилищном кризисе, материальных и технических затруднениях в обеспечении. Чем же вызвана "фронтовая горячка", ранее

размеренного и планового тылового хозяйства?

— Да, времена, когда все планировалось и выделялось нам согласно тем нормам, которые были определены наверху, кончились. Сейчас ситуация резко изменилась. Требования к тыловому обеспечению возросли, а бюджетные ассигнования на нужды войск заметно снизились. Достаточно сказать, что в первом полугодии нынешнего года мы получили всего лишь 77 процентов средств от запланированного и без того урезанного бюджета. Безусловно, это не могло не сказаться на боевой учебе личного состава, да и на деятельности тыловых подразделений наложило отпечаток, поставив их в чрезвычайные жесткие рамки. Нам дали ясно понять, что нужно использовать свои, войсковые резервы. Теперь все заняты поиском выхода из создавшегося положения. Отсюда и «фронтная горячка», ведь службы тыла обязаны изо дня в день людей кормить, одевать, готовить гарнизоны к зиме, перевозить грузы... Словом, обеспечивать жизнедеятельность войск. Если раньше, ремонтируя казармы, мы могли позволить себе улучшенную планировку, то теперь от этого волеяневолей приходится отказываться. Лишь бы крыша не текла да в стенах щелей не было. В расходовании денежных средств установлен определенный постоянный приоритет. На первом месте, конечно же, обеспечение боевой службы, денежное содержание военнослужащих, социальные вопросы, продовольствие, приобретение горюче-смазочных материалов. На остальные нужды, увы, — что останется...

— Владимир Андреевич, каковы, на ваш взгляд, самые уязвимые места в тыловом обеспечении войск?

— Забот, откровенно говоря, много. Вот, к примеру, одна из тех, что тревожат постоянно, — на сегодняшний день не хватает спальных площадей для военнослужащих срочной службы, мест в обеденных залах столовых на тысячи человек. Казармы многих частей, ряда училищ не отвечают нормам размещения военнослужащих, которые определены уставными требованиями. Но все эти вопросы, в общем-то, разрешимы, были бы деньги. Здесь поневоле вспомнишь старую поговорку: не в деньгах счастье. Но и без денег счастья не бывает. С философской точки зрения этот тезис, конечно, можно и оспаривать, но ведь и философ хочет кушать и иметь крышу над головой.

— Кстати, о крыше. Как один из многих бесквартирных, не могу не спросить о решении жилищной проблемы в войсках. Я слышал, что сегодня средства вкладываются не столько в капитальное строительство, сколько в покупку готовых квартир и домов. Так ли это? И почему покупать квартиры выгоднее, чем строить?

— На сегодня 13,4 тысячи офицеров и прапорщиков внутренних войск не имеют квартир. Жилищный дефицит преодолеваем по всем возможным направлениям: строим сами, участвуем в долевым строительстве, но

основой в решении этой насущной проблемы стала покупка готового жилья. Деньги выделяются стабильно — в первом полугодии мы получили почти половину запланированной на год суммы. А дома и квартиры выгоднее покупать потому, что деньги обесцениваются куда быстрее, чем растут стены. Строительство — дело неблагодарное. Сегодня внесли миллиард и думаем, что расплатились, а завтра нам снова счет предъявляют. Мы ждем ощутимых результатов от начавшегося реформирования организационно-штатной структуры войскового тыла. В частности, на базе квартирно-эксплуатационной службы создаются строительно-квартирные органы внутренних войск, в которых эта служба будет только одной из составных частей. В этой связи мы вводим собственные службы заказчика войскового строительства в округах и соединениях. Если до сих пор эти функции выполняли ОКСы УВД и мы довольствовались тем, что от них достанется, то теперь будем сами распоряжаться выделенными войскам средствами. Практика деятельности этих служб в одном из соединений на Северном Кавказе и в Пермском военном училище тыла дала хорошие результаты. Накопленный ими опыт работы мы используем для создания соответствующих структур, например, в Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде.

— В письмах в редакцию наши читатели — и командиры, и специалисты тыла — нередко сетуют на то, что львиная доля средств, предназначенных для покупки жилья, достается столице. Провинция, дескать, забыта. Справедливы ли эти упреки?

— Мы выделяем денежные средства округам в зависимости от количества бесквартирных военнослужащих. Где их больше — туда и средств вкладываем больше. В первую очередь удовлетворяются потребности тех, кто вообще не имеет жилплощади, и тех, кто пользуется льготами. Нельзя не учитывать и такой фактор: сегодня самое дорогое жилье в Москве и Санкт-Петербурге. В столице, к примеру, один квадратный метр обходится нам в 280 тысяч рублей. И если в Москве мы купим две квартиры, то на Урале за эту же сумму приобретем три, а то и четыре...

Кстати, если взглянуть на утвержденные командующим внутренними войсками планы распределения средств на приобретение жилья, сразу можно увидеть приоритеты «провинции». В текущем году столичные части и ГУКВВ по объему полученных средств далеки от первых мест.

Правда, командиры кое-где и сами создают себе проблемы. Недавно проведенной проверкой в войсках выявлены серьезные нарушения в распределении жилья, в расходовании денежных средств, выделяемых внутренним войскам на приобретение жилой площади. Например, в 1992 году в одной из частей в Красноярске в нарушение порядка приобретения жилой площади при долевом участии была куплена приватизированная двухкомнатная квартира по рыночной стоимости у военнослужащего этой же части, убывающего для прохождения службы на Украину. Переплата составила 100 тысяч

рублей. Квартиру без решения жилищно-бытовой комиссии отдала прибывшему начальнику финансовой службы, проигнорировав очередь. Так что порой причины для упреков и возмущений вызревают не в Москве, а на местной почве.

— Сегодня в миротворческих акциях участвуют тысячи военнослужащих внутренних войск. Зачастую в горячие точки они перебрасываются внезапно. Само собой разумеется, что в этих случаях боевые подразделения и тыловые службы должны тесно взаимодействовать. Какие конкретно принимаются меры для повышения мобильности тыла?

— Нам пока приходится действовать по принципу — все свое ношу с собой. Это и накладно, и существенно снижает оперативность действий войск. Планируем в ближайшем будущем приблизить базы снабжения к регионам, где войска выполняют боевые задачи. Хотя и это не универсальное решение — горячие точки, увы, все возникают и возникают...

Многое делается и для облегчения ноши солдата. На недавних сборах руководящего состава тыла Вооруженных Сил России их участникам представили десантника в полной экипировке. Семьдесят килограммов — такова масса «положенного имущества». Вряд ли даже самый дюжий молодец в такой экипировке справится с боевой задачей. Опыт показывает, что военнослужащий в отрыве от части вполне может обойтись и 18 — 20 килограммами носимого имущества.

Надо сказать, что в реформировании тылового хозяйства внутренние войска идут параллельно с армией. Уже подготовлены новые нормы экипировки военнослужащих, выполняющих задачи в отрыве от пунктов постоянной дислокации. Они изменены в сторону облегчения. Некоторые старые, громоздкие предметы солдатской амуниции планируется заменить современными, усовершенствованными. Например, на смену ватному матрасу приходит надувной. Вместо привычного одеяла — спальный мешок.

Пытаемся расширить возможности управления тыла в округах. По нашему мнению, следовало бы дать больше прав регионам в комплектовании ресурсов. Взять, к примеру, Уральский округ внутренних войск. Там всего две базы, которые снабжают войсковые подразделения, а части округа дислоцированы в нескольких областях. В перспективе рассчитываем иметь хотя бы по одной базе в каждой области региона. Строить же новые окружные и дивизионные склады, как хотели раньше, сегодня просто невозможно. Нет средств.

— Владимир Андреевич, согласитесь, в наших войсках без высокого профессионализма обойтись просто невозможно. И профессионала-командира мы себе более-менее представляем. А вот каким должен быть, на ваш взгляд, профессионал-тыловик?

— Непростой вопрос, хотя лучшие качества, и прежде присущие настоящему специалисту тыла, не девальвировались и сегодня. Однако дело в том, что процесс налаживания

рыночных отношений идет пока мучительно медленно, порождая при этом массу проблем. Старые хозяйственные связи оказались разорванными, восстанавливаются или заменяются они с трудом. Вступают в силу новые для нас экономические реалии, такие, как частная предпринимательская деятельность, бартер, безудержный рост цен, проблемы, связанные с «парадом суверенитетов». Например, предприятия, одевавшие войска, оказались по разные стороны границ бывших союзных республик, а ныне — самостоятельных государств. Шапки остались в Казханстане, кителя и брюки — в Белорусии, обувь — в России... И для того, чтобы одеть солдата или офицера с головы до ног, нужно выходить на межгосударственный уровень, а там нынче своих проблем невпроворот. И таких примеров можно привести множество.

Вот в этой стихии и должен уверенно ориентироваться современный офицер-тыловик. А посему ему надо успевать за временем, быть энергичным, компетентным во многих областях хозяйственной деятельности, уметь просчитывать перспективу на несколько ходов вперед, становиться, если можно так выразиться, и купцом, и дипломатом. В этом, наверное, и заключается сейчас профессионализм тылового работника.

— А хватает ли средств, чтобы обеспечить военнослужащих, особенно проходящих службу по призыву, всем положенным довольствием?

— Еще вчера солдатский паек стоил 92 копейки, а сейчас цена возросла до 620 рублей. Всего же на питание одного солдата тратится 226,3 тысячи рублей в год. И это при невероятных темпах инфляции. И тем не менее в последнее время удалось улучшить нормы довольствия военнослужащих: в рационе стало больше молочных, мясных продуктов. В целом же годовое содержание солдата раньше обходилось нам в тысячу рублей, сейчас — около миллиона.

Что же касается офицеров и прапорщиков, то в их обеспечении имеются некоторые трудности. Мы наладили выдачу пайков, но, увы, нигде не выдаем их в полном объеме, готовим определенные наборы продуктов. Нам выделяют много неходовых продуктов. Можно, конечно, завалить офицеров перловой крупой, но вряд ли это кого-нибудь устроит. Поэтому при нынешней нехватке продовольствия стараемся действовать по оправдавшему себя принципу: лучше меньше, да лучше. Перебои со снабжением встречаются сегодня в ряде частей Северо-Кавказского, Приволжского и Северо-Западного округов. Здесь пока, к сожалению, офицеры получают продукты в ограниченном количестве.

— Товарищ генерал, вам, вероятно, известно, когда разговоры о кардинальном изменении военной формы одежды перейдут в практическую плоскость? И как при этом будет выглядеть новый гардероб военнослужащего?

— Законодателем военной моды являются, конечно же, Вооруженные Силы. А мы с ними, если можно так сказать, одеваемся у

одного портного. Сегодня разработка основных предметов военной формы одежды для солдат, прапорщиков и офицеров завершена. Утверждены временные нормы снабжения. Новая форма уже проходит обкатку и в некоторых подразделениях Московского гарнизона внутренних войск, правда, пока только среди солдат срочной службы. Дойдет очередь и до других категорий военнослужащих. Первыми в этой очереди скорей всего будут части столичного гарнизона. Обновление их гардероба начнется либо в конце нынешнего года, либо в начале следующего.

Подчас высказываются сомнения в целесообразности введения новой формы одежды, так ли уж она необходима именно сейчас, когда мы не можем похвастаться достатком? Скажу одно: существующая уже не отвечает современным требованиям. Новая же, как показали проведенные исследования, более практична и удобна. Уходит в прошлое воспетая в стихах и песнях шинель. В свое время она сослужила военному человеку неоценимую службу, была его верной спутницей в походах и боях. Но приходит время, когда и заслуженные ветераны уходят на покой. Вот и теперь шинель в войсковом строю сменит зимнее пальто. Оно шире в талии, не застегивается до самого верха и обеспечивает более свободные движения. Шерстяной утеплитель и меховой съемный воротник защитят в любой мороз. Всего же вместо шинели разработано четыре вида верхней одежды: для каждого времени года — своя. Оттопали свое и сапоги. Переобуемся в ботинки с высокими берцами, а в северных районах, где без сапог не обойтись, они несколько видоизменятся.

— Сегодня панaceей от свалившихся на страну бед объявлено предпринимательство. Но ведь предпринимательство предпринимательству рознь. К сожалению, кое-кто понял это как способ наиболее быстрого обогащения любыми средствами. Отсюда — обман, воровство. Не обошло это явление и людей в погонах. Подчас из сообщений прессы узнаешь о том, что в ряде воинских частей хищения и бесхозяйственность достигли беспрецедентных масштабов. Известно, что и наши войска не миновала сия горькая и позорная чаша. Оцените, пожалуйста, моральный и материальный ущерб от этих преступлений, что делается в войсках для их профилактики?

— Масштабы хищений в войсках, конечно, гораздо меньше, чем за воротами воинских частей, но это, естественно, не повод для успокоения. В первом полугодии ущерб от них составил шесть с лишним миллионов рублей. Ясно, что в условиях растущей инфляции деньги эти, конечно, не те, что были, скажем, даже два-три года назад, но цифра тоже впечатляющая. Больше всего нас беспокоит, что пока хищения продолжают. Буквально несколько дней назад пришло донесение из Приволжского округа внутренних войск: на складе одной из частей обнаружена недостача имущества на 2 миллиона 336 тысяч рублей.

Воруется, как правило, тот, кто несет ответственность за сохранность имущества, имеет доступ к материальным ценностям: начальники складов, личный состав караулов, данный склад охраняющий. В 1991 году, например, со склада войсковой части, расположенной на Урале, было похищено более сотни полушубков. Казалось бы, командирам, специалистам тыла надо было в первую очередь обратить внимание на этот участок, а не нет, закрыли глаза, пустили все на самотек, контроль не усилили. И как результат — через год с этого же склада и опять же личным составом караула полушубков похищено и продано в два с половиной раза больше. Теперь разводят руками...

В прошлом году по фактам хищений возбуждено более тридцати уголовных дел.

Не снимая ответственности за наше собственное ротозейство, скажу все же, что борьбу с хищениями сдерживает и несовершенное законодательство. Нередки случаи, когда виновники пропаяны — военнослужащие срочной службы. Но согласно Положению о материальной ответственности 1985 года, которым мы до сих пор руководствуемся, с солдата можно удерживать... 100 рублей. Не парадокс ли? Некоторые военнослужащие, виновные в утрате военного имущества, спокойно реагируют на "разборки": пока суд да дело, они успеют повернуть свои махинации, а придет время расплачиваться — делают это без особых проблем. Для них время — тоже деньги.

Создаем барьеры хищениям. Лица, нечистых на руку, отстраняем от работы с материальными ценностями, увольняем. Ужесточаем спрос с командиров, начальников, у которых в подчинении проворовавшиеся. В каждом полугодии проводим аттестование начальников складов, от людей недобросовестных избавляемся... Надо сказать, что там, где к аттестованию, да и вообще к профилактике хищений относятся серьезно, есть положительные результаты — снизилось количество утрат военного имущества. Есть части (и их немало), которые длительное время вообще живут без хищений и утрат. Где налажен учет и контроль, подобных проблем не возникает.

Кстати, как-то заглохла у нас и пропаганда бережного отношения к военному и народному имуществу. Теперь редко в какой роте листовку или плакат на эту тему увидишь. А ведь это тоже профилактика.

— После разговора о проблемах тыла войск просто не могу не спросить: вы оптимист?

— Без оптимизма и веры нечего и за дело браться. Все проблемы, о которых говорил, разрешимы. Было бы желание, ну и, разумеется, повторюсь, средства. Словом, надо работать всем трудностям наперекор.

Фото подполковника Б. БУЛГАКОВА.

ВОЙСКА: проблемы, события, люди

НОЧНОЙ ЗАХВАТ ПРИ "ЛУНЕ"

НОЧЬЮ ОБСТРЕЛЯЛИ КПП-16 у села Хурикау на моздокском направлении, вблизи осетино-ингушской границы. В ходе ответных действий группой спецназа внутренних войск и работниками милиции захвачены пятеро вооруженных боевиков. С какой целью совершена преступная акция – для того, чтобы провести "разведку боем", или просто из желания пощекотать военным нервы? Кто ее инициатор? Из какого "арсенала" взято бандитами оружие? На эти вопросы ответит следствие. А пока сообщаем подробности ночного боя...

"На границе тучи ходят хмуро..." – с патристическим пафосом пели в далеких 30-х. Иные нынче времена. Другие песни. И линия границы уже не та, что прежде...

На этом участке пока еще внутрirosсийского административного кордона – между Северной Осетией и Ингушетией – тучи сгушались давно. То неизвестные бэтээры, угрожающе поводя стволами пулеметов, покажутся в поле зрения часовых. То загрохочут среди ночи автоматные очереди, направленные в бойцов. А то, бывает, подкатят к контрольно-пропускному пункту крупные ребята и давай страшать военных: "Прочь с нашей земли, вас сюда никто не приглашал. Останетесь – пеняйте на себя!.. Попытки офицеров спокойными, взвешенными словами погасить бушующие страсти, вразумить непрошенных гостей наталкивались на глухую стену: "Погодите, придет время – всех вас перестреляем!.."

Под таким психическим прессингом несут службу войсковые и милицейские наряды на "приграничном" шестнадцатом.

А что же работники правоохранительных органов Ингушской Республики, как они реагируют на хулиганские выпады против людей в погонах, обеспечивающих режим чрезвычайного положения? Порой весьма своеобразно.

Как-то через КПП без досмотра попытался проскочить шустрый "жигуленок". Само собой, бойцы тормознули "забывчивого" водителя. Начальник войскового наряда пригласил на КПП ингушских милиционеров: разбирайтесь с нарушителем, принимайте меры. А в ответ: "Зачем задержали человека? Не надо обстановку накалять!.."

– Вот те раз! Значит, закроем глаза на правонарушения в зоне ЧП, создадим для преступников режим наибольшего благоприятствования? – возмутился офицер. – Боюсь, не найдем мы с вами общего языка.

Да уж, только наивный не поймет, какие мотивы скрываются за лукавой логикой чересчур осторожных стражей порядка.

Почувствовав безнаказанность, владелец "Жигулей", разразился бранью, пригрозил:

— Скоро устроим вам веселую жизнь. Умоетесь кровью!

И, как оказалось, он не блефовал...

... В тот день на КПП заступили войсковой наряд во главе со старшим лейтенантом Сергеем Макаровым (по понятным причинам все фамилии в материале изменены), сотрудники милиции младшие сержанты Богдан Савчук и Александр Анисимов, маневренная группа в составе лейтенанта Юрия Бриндюкова, сержанта Юрия Донцова, рядовых Александра Дегтярева, Вадима Лисова, Юрия Анатольева и Сергея Викторова. Поначалу служба шла в обычном напряженном режиме: пропуская автомобили, надо глядеть в оба, в любом из них могут быть спрятаны стволы, боеприпасы, наркотики. Досмотр отнимает много сил, энергии, времени. Ну а о нервах и говорить не приходится.

К полуночи транспортный поток иссяк. Дороги словно вымерли. Из чернильной темноты повеяло тревогой.

В 0.10 со стороны границы послышалась беспорядочная стрельба. Вскоре оттуда примчался красный "жигуль".

— Помогите, ребята... Нас бандиты обстреливают, — с трудом ворочая языком от страха, выдохнул водитель.

А следом к КПП подъехали еще три "жигуленка", и КамАЗ.

— Выручайте, парни! Иначе будем тут до утра стоять — под пули не полезем.

От поста до ингушской территории — всего ничего, несколько минут быстрой езды, и Макаров без колебаний послал для прикрытия машин маневренную группу на бэтэре. На случай нападения оставил резервную броню, чтобы КПП не оголеть.

СОПРОВОДИВ ночных путешественников до ближайшего "заграничного" поста ГАИ, лейтенант Бриндюков предупредил ингушских милиционеров:

— Внимательно досматривайте машины, чтобы не допустить проезда вооруженных групп. Налетят — откроем огонь на поражение!

— Не волнуйся, командир, мимо нас и мышь не проскочит...

Только вернулся БТР — на малгобекской трассе замаячили две пары огней. Машины шли с приличной скоростью и минут через пять приблизились к КПП. Фары погасли. И тут басовито, взмахнув пулеметом. "Калашникова, танковый", — определил по звуку выстрелов старший лейтенант Макаров.

Команда "В ружье!", — и будто распрямилась туго сжатая пружина слаженного боевого механизма: нырнув в окопы, солдаты за-

няли круговую оборону, приготовились к отражению налета.

— Ну что, будем отсиживаться? А может, попробуем захватить наглицев? — подбежал к начальнику войскового наряда лейтенант Бриндюков.

— Давай рискнем, Юра! — секунду подумав, согласился Макаров. — Выдвигайся навстречу бандитам и действуй. Припечет — подошло резервный "бэтр"... Да, милиционеров не забудь взять для поддержки...

С сердитым ворчанием БТР вырулил на дорожку и, не включая фар, на малых оборотах двинулся туда, где угадывались очертания двух легковушек. Так, черепашьим ходом, чтобы не вспугнуть нападавших, проползли метров четыреста. Темные пятна на трассе обрели силуэты "Жигулей", и "Волги".

— Приготовиться! — обернулся командир группы к спецназовцам. — По команде "Вперед!", десантируемся из боковых люков и берем машины в клещи. При вооруженном сопротивлении — огня не жалеть. И... берегите себя, парни, очень прошу...

А после мысленно поблагодарил судьбу за то, что перед выездом в особый район ему, командиру взвода специального назначения, предоставили возможность подготовить солдат к действиям в экстремальных условиях. На занятиях заставлял ребят выкладываться до седьмого пота. Решая с подразделением тактические задачи по захвату вооруженных групп, в том числе и на бронетранспортерах, автомобилях, в пешем порядке, моделировал самые крутые ситуации. Учил солдат работать стремительно, дерзко и в то же время — расчетливо, осмотрительно, тесно взаимодействуя друг с другом. Эта наука не пропала даром. Парни успешно выдержали сложнейший экзамен на аттестат боевой зрелости — право ношения крапового берета.

Когда до легковушек с красными зрачками подфарников оставалось метров двести, ночную тишину снова вспорола гулкая очередь. Над крышей опоясанного железобетонными блоками вагончика пунктирной строчкой пронеслись трассеры. Лейтенант Бриндюков, будто сросшийся в этот миг с прибором наблюдения, заметил: стреляли из "Жигулей".

"Слабо попасть в цель из ПКТ без станка, охотнички с большой дороги, мать вашу...", — ругнулся про себя.

Внезапно бандиты врубили фары. Очевидно, для того, чтобы, осветив КПП, подкорректировать огонь. Яркие лучи выхватили из темноты БТР. Машины, как по команде, лихо радочно развернулись и — деру. Из бокового окна "жигуленка", вырвался сноп пламени. На этот раз пальнули по броне.

— Обороты, Дегтярев! — крикнул офицер механику-водителю. — Не дай им оторваться, братишка!

Стремительно набирая скорость, БТР пошел на преследование. Юрий занял место наводчика (рядовой Лисов — стрелок неплохой, но одно дело огневой рубеж с привычной мишенной обстановкой, и совсем другое — реальный бой, первый для не нюхавшего порошу солдата), включил фары и прожектор «Луна». Машины улепетывавших боевиков попали в лучевой капкан. Намертво. В поле не свернешь, чтобы за холмами укрыться, — грязища. Проселочных дорог поблизости нет. Только вперед — по световому коридору «Луны».

ПЕРВАЯ ОЧЕРЕДЬ бэтэровского пулемета ударила по верху кабин. Ноль эмоций. Водители легковушек отчаянно жали на газ. «Что ж, больше уговаривать не будем, дорожке сограждане», — опустил сетку прицела, лейтенант еще раз утопил кнопку электроспуска. Заднее стекло «жигуленка», разлетелось вдребезги, словно его и не было. Споткнувшись, «семерка», вильнула вправо и застыла на обочине. Рядом остановилась «Волга».

— Тормози, Дегтярев! Группа захвата, к бою, вперед!

Солдаты и милиционеры спешили и в считанные секунды преодолели пару десятков метров, отделявших их от машин. Ослепленные преступники так и не успели воспользоваться оружием. Они даже не сообразили, что произошло.

Скоротечной, как работа взрывного устройства гранаты, была рукопашная схватка. Бриндюков, Анисимов, Лисов и Виктор взяли троих в «Волге». Донцов, Анатолев и Савчук окружили простреленную «семерку». Им и досталась львиная доля риска.

Рванув заднюю дверцу, Юрий Донцов всем напрягшимся телом ощутил дыхание смерти: прямо в грудь ему нацелился ствол ПКТ. Еще мгновение — и пришедший в себя боевик нажмет на спуск. Выручила сержанта отменная спецназовская выучка (не раз потом мысленно поблагодарит лейтенанта Бриндюкова за боевую науку). Молниеносным приемом «отключив», бандита, выбил из его рук пулемет. И чуть не обжег ладонь раскаленным стволом. Значит, не ошибся взводный, взяв на мушку «жигуленка». Именно из него велся огонь по КПП и бэтэру. Об этом красноречиво свидетельствовали и россыпи пулеметных гильз в салоне.

При обыске солдаты обнаружили еще один ПКТ, автомат АК-74, подствольный гранатомет ГП-25, листолет ТТ и более трехсот патронов. Внушительный арсенал для внезапно-го «партизанского» налета!

Не нужно обладать богатым воображением, чтобы представить, какой опасности подвергались военные и милиционеры, рискуя выехать навстречу бандитам. Окажись среди тех более опытный стрелок, не

догадайся лейтенант врубить прожектор, у ночного захвата при «Луне», мог быть иной — трагический финал. Но, как говорится, свершившееся событие не имеет сослагательного наклонения. Бойцы вышли из схватки без единой царапины. Из пятерых боевиков слегка пострадал один — от осколков стекла, остальные отделались испугом да синяками...

Предвижу негодование некоторых виртуозов пера, взявших за правило оправдывать деяния экстремистов то безвыходными обстоятельствами, то благородными мятежными мотивами. Что, дескать, силы были неравны (бронетранспортер против легковушек), что военные играли не по правилам и слегка помяли парней, ставших жертвой провокации (кто-то вроде сообщил наивным ребятам о нападении осетинского ОМОНа на ингушское село, они и подрядились совершить акт мести — такая версия вскоре после захвата пятерки «мстителей», пойдет гулять с подачи руководства Ингушской Республики), что надо быть гуманными и снисходительными... Предвижу и отвечаю: игра шла по правилам, уважаемые коллеги. Были соблюдены все юридические нормы необходимой обороны. Более того, лейтенант Бриндюков проявил «неуставную», гуманность, дав предупредительную очередь. Согласно закону Российской Федерации о внутренних войсках, при отражении нападения с использованием стволов и транспортных средств оружие применяется без предупреждения. То есть командир мангруппы имел полное право в упор расстрелять машины, дабы не рисковать своими людьми, и никто не посмел бы привлечь его к ответственности за превышение полномочий в условиях режима чрезвычайного положения. Вот так-то, господа!

Для сравнения несколько слов о моральном облике участников вооруженного налета на КПП.

После обыска начался натуральный цирк, рассказывали мне солдаты и офицеры. Сделку предложили боевички: мол, отпустите нас с миром — возвращаетесь домой богатыми людьми. А когда гостей доставили в пункт временной дислокации части, один из нападавших, как потом выяснилось, житель Грозного, попросил оставить его наедине с начальником штаба ВОГ для важного сообщения, назвал конкретную сумму выкупа: «Двенадцать „лимонов“ привезут лично вам, если пообещаете отпустить меня. Одного меня! Остальные пусть сами выкручиваются».

Видя, что военные на эту удочку не клюют, боевики изменили тактику: назвались сотрудниками ингушского ОМОНа. Дескать, выехали на трассу после того, как услышали выстрелы, хотели помочь солдатам отразить нападение, клянемся...

Эту шутю белыми нитками легенду «помощники» (или все-таки «мстители»?) по-

вторили в процессе дознания работникам ОСГ МВД России. Думается, неопровержимые улики заставят их сознаться в совершенном преступлении. Не вызывает сомнения и то, что исполнители бандитской акции понесут наказание по всей строгости закона. А вот захотят ли извлечь выводы из этого урока другие горячие головы, которые спят и видят себя на тропе войны? Осознают ли бесперспективность конфронтации с российскими силами охраны правопорядка? Эти вопросы все еще остаются открытыми...

КАК ЭТО ни прискорбно, обстановка в зоне осетино-ингушского конфликта по-прежнему не внушает оптимизма. То чуть проявится, побалуует служивых людей двумя-тремя спокойными ночами, то снова обстрелы, угрозы, провокации. Игра на нервах, испытание безграничного терпения россиян, прибывших для поддержания на этой благодатной земле худого мира, который, что ни говори, все же лучше доброй ссоры. А может, «маловато будет, одного блестяще проведенного захвата для охлаждения воинственного пыла экстремистов? Может, стоит несколько раз повторить урок, дабы навсегда отбить охоту к лихим упражнениям в «проверке» боеготовности войсковых нарядов? Что ж, за этим, уверен, дело не станет, коль допекут «мстители». Прошли времена, когда над военными одерживали верх с помощью подлых бандитских уловок и многократного численного превосходства. Не те уже КПП стоят в зоне действия чрезвычайного положения на территориях Северной Осетии и Ингушетии. На месте прежних постов с хилыми заграждениями — маленькие крепости, без танков и артиллерии не сокрушить, толпой с налету не взять. И службу правят люди более прочного закала.

За одного битого двух небитых дают, говорят на Руси. Многому научились военные — от младших офицеров до генералов, — издавна горечь резких, но справедливых упреков за неустойчивость обороны КПП в первый день прошлогоднего вооруженного столкновения в Пригородном районе. И не только битые научились. Каждая новая смена приступает к выполнению боевых задач, обогащенная опытом предшественников, стараясь не повторять допущенных ошибок, заряжаясь примерами умелых действий в экстремальных условиях.

Вот и Бриндюков, прослуживший в войсках без году неделю, но из рассказов ветеранов гражданских войн в республиках бывшего СССР, а также из тех сведений о горячих точках, что почерпнул на занятиях по командирской подготовке, успевший немало узнать о лисьих повадках боевиков, психологически настроил себя: при нападениях, обстрелах — не утираться, сетуя на фактор внезапности и прочие бандитские штучки, а давать сдачи. По-спецназовски! На Кавказе уважают силу.

Разумеется, для успеха в бою одного желания заставить противника сдаться недостаточно. Нужна еще отменная подготовка — тактическая, физическая, моральная. Плюс инициатива и решительность. Эта аксиома, прочно усвоенная Бриндюковым, стала смыслом его жизни.

У молодого офицера призвание — служить в спецназе. Узнав о легендарных «красных беретках», внутренних войск, тогда еще второкурсник училища Советской Армии, он твердо решил для себя: место мое среди этих ребят. Добился распределения в оперативную часть. Первым среди выпускников 1992 года сдал экзамен на берет. Для него, кандидата в мастера спорта по офицерскому многоборью, это было не самое трудное испытание. Так себе, цветочки. Ягодки ждали впереди.

Словно предчувствуя погоню при «Луне», новичок в войсках, он забыл об отдыхе и нормальном режиме сна, нарабатывая со взводом потенциал победы. Страницы его рабочего черновика запестрели тактическими схемами — сам придумывал условия учебно-боевых задач, ломал голову над моделями защит и захватов, как шахматист над увлекательными этюдами: белые начинают и выигрывают. Перед каждым занятием внушал своим бойцам: чем сложнее, разнообразнее учебная обстановка, чем ближе к боевой, тем легче будет одолеть матерого, готового на все преступника. Рать сильна воеводой: за исключением сержанта Донцова бойцы, участвовавшие в захвате, — первогодки, в горячих командировках раньше никому бывать не доводилось, но в бою они работали как истинные профессионалы военного дела. Молодо-зелено?

И еще штришок к портрету лейтенанта. С юношеским максимализмом дал себе Юрий зарок лет до тридцати не жениться. Во-первых, узы Гименея, по его мнению, — серьезная помеха для командирского становления. А без личного «тыла», хоть месяцами ночуй в казарме, никто тебя не упрекнет, наоборот, спасибо скажут. А во-вторых, родителям, беженцам из Чечни, помогать надо. Пока холост, не накладно ползарплаты отдавать на содержание отца с матерью, мыкающихся на новом месте в бесплодных поисках работы.

Больше чем уверен: таких, как лейтенант Бриндюков, — не единицы. И захват при «Луне» — не случайность. Само время требует применения активной, наступательной тактики против преступных группировок в зоне ЧП. И закономерно приходят люди в погонах, способные выполнить этот важный социальный заказ.

Ну, кто там еще — на новенького?!

Ю. ЧЕРКАСОВ.

**НА АРКТИЧЕСКИХ
ШИРОТАХ**

- Новая Земля? Это где Брежнев воевал?
- Слушай, там, говорят, можно медвежью шкуру недорого взять, у местных...
- На Новую Землю?! Там же радиация — ядерный полигон ведь. Зря едешь! Тебе Чернобыля, что ли, мало?
- Там ведь никого нет — мораторий наши объявили...
(Из разговоров с московскими обывателями).

На снимках: полигонная любимица Машка; начальник караула сержант Илья Яковлев принимает доклад часового рядового Сергея Ястребова.

Фото старшего прапорщика Р.АЛЕЕВА и из архива полигона.

ВЧЕРА пришел военторговый борт-коробейник, и сегодня молодые женщины в камуфлированных цигейковых куртках с "молниями" (в мужнинных, летных) теснились в "Культтоварах". На Новой Земле не делают из товара культа, не болеют "вещизмом", как многие нынче на материке. Просто нынешнее с многими нулями жалованье, которое здесь, в Арктике, удваивается, создает иллюзию обеспеченности. А иллюзия эта в реальной жизни, увы, не обеспечена ни товарами, ни услугами. Всероссийский, всеэсэньговский дефицит вынуждает новоземельцев раскупать негибкие футбольные покрышки, скрученные винтом теннисные ракетки и хлипкие, наивно-пионерского образца рюкзаки с ляжками, простроченными одной ниткой. Все это добро раскупалось на глазах, потому что ничего другого пока на острове не услужили, а надвигалось лето, и уж коли нельзя порадовать детвору свежей клубникой, то пусть погоняют в футбол, поиграют в пинг-понг, а рюкзак... Семьям некоторых офицеров предстоит переезд, так что и рюкзаков брали помногу.

Наш провожатый капитан второго ранга Петр Петрович Копылов выбрал себе черный — в цвет флотского обмундирования, сложил в мешок мячи и ракетки. Женщины в очереди чаще всего обсуждали один вопрос: "Когда можно улететь?"

Забегая вперед, отмечу, что улетали мы с Новой Земли в Архангельск полупустым самолетом гражданской авиации, билет на который уже тогда стоил аж 22 (двадцать две) "штуки". Вот и стараются новоземельцы дожидаться военно-транспортного борта. Министр обороны генерал армии Грачев, побывавший на полигоне прошлым сентябрем, обещал помочь авиацией. Но приказы, даже министерские, нынче известно как выполняются — на момент нашей летней командировки прибытия только первого своего самолета еще ожидали. И с "вертушками", дефицит, хотя здесь это главный транспорт. У въезда на аэродром застрял навечно в снегу махонький старичок-МИ-четвертый. На ярко-зеленом борту — ярко-алая звезда и надпись: "Труженику Арктики. 1954 — 1979". Четверть века со дня основания полигона лопатил он холодное небо над российской землей площадью как Дания и Швейцария, вместе взятые, где малоато кислорода, где ясных дней в году в среднем 73, зато с туманами и штормами — 142. Неделю нас не могли забросить в поселок, а когда дали погоду, выяснилось, что на борту, загруженном под завязку, вакантное место — одно. Полковник-корреспондент и подполковник-проверяющий вынуждены были уступить его старшему лейтенанту — войсковому коллеге: Эдуард Смирнов летел на замену товарища, который просидел здесь уже не один месяц и мог просидеть еще неделю-другую, дожидаясь

следующей оказии. Тут ведь как бывает — отправились недавно офицеры порыбачить на выходные, а застряли из-за непогоды на десять дней. Хорошо хоть рыба ловилась...

По дороге к аэродрому подбросили и мы рыбака, который решил выскочить за навагой. Видно, старожил — лицо обветренное, места знает, одел жакет военно-рыбацкая, ловко пригнанная. "Есть наважка, — улыбнулся в предвкушении, потерев усы в нетерпении, поглядывая, чтоб не проскочить тропку на заливичик. — Правда, небольшая наважка, но есть..." — "А медведи? — Мы задаем "главный" наш вопрос в лоб, не боясь выглядеть наивными туристами, вроде американцев, высматривающих медведей на Красной площади. — Медведи-то сейчас в поселок не заходят?" — "Да как-то был случай — застрелили одного. Тот к продскладу пошел, а как увидал человека — деру. Кто кого испугался, трудно теперь сказать, только застрелили мишку. Лежал косолапый, пока комиссия из Архангельска не прилетела. Акт составили, тушу увезли..."

"Мишка на севере" — советская кондитерская классика, которую, как ни старайся, не превзойдут ни "Марсы", со своим "толстым, толстым слоем...", ни кокосовые "Баунти", ни тем более легкомысленная "сладкая парочка", "Твикс". Мишек, изображениями которых на Новой Земле украшены и школа, и кафе "Фрегат", рисовали здесь не с конфетного фантика. В частности, стэнд старший прапорщик В. Хвуст оформлял собственными фотографиями. Там и сопки, и фиорды, и олени... Есть и белый мишка, снятый метров эдак с пяти. Было это в 87-м.

Кроме рассказов о том, как несколько лет назад медведь напал на человека на отдаленной точке, а в самом поселке Белушья Губа бежал за женщиной, в моем новоземельском блокноте есть еще выписка из сугубо нашего документа.

Инструкцию, говорят, разработывал старый новоземелец Владимир Васильевич Кузнецов, а он-то калач тертый и, хоть в штабе теперь служит, лишних бумаг плодить не любит. Документ не из пальца высосан — совсем недавно, зимой, наши солдаты прятались от мишки именно в караульном домишке. Косолапый потоптался на крыше и ушел подобра-поздорову...

Не знаю, как звали того гостя, что забрел на огонек в караул. А вот красotka на иллюстрации к моим путевым заметкам — полигонная любимица Маша. Про нее рассказывал В. Лепский. Валерий Иванович — личность на Новой Земле известная, старожил. Первой его наградой задолго до двух "атомных" орденов была школьная серебряная медаль. Учился в Уральском политехе, про который говорят: "Его окончили Ельцин, Рыжков, Колбин и... Лепский". Он начинал еще

в шестидесятых. Взрывал десятки зарядов и в глазах «яро-зеленых», должен выглядеть этаким монстром в военной форме. Отнюдь — очень обаятельный человек, приятный, незакомплексованный собеседник, патриот Новой Земли и до мозга костей служака, на каких еще держатся армия, флот, ядерный щит России. Это он, Валерий Иванович, подарил мне фотографию Машки и вспомнил: в прошлом году прыткая молодежная газета поместила ничего не подозревавшую Машку под заголовком «Весь изрытый взрывами, абсолютно весь». Это был очередной пасквиль о новоземельском полигоне, на которые хватает мастаков всяких оттенков — «зеленых», «желтых»,...

Прошлой осенью Минатом выбросил на Новую Землю большой десант репортеров из многих стран. Пишущая, снимающая братия убедилась в том, что радиационная обстановка на архипелаге нормальная. Но... надо же было как-то «уесть», военных ядерщиков. И вот «Военное ревю», с останкинской верхоуры бросает в мир «сенсацию»: «Испытания ядерного оружия на Новой Земле... привели к тому, что у коренного населения заболеваемость раком печени встречается в десять раз чаще, а раком пищевода и более того...». Ложь, по мнению ведущих специалистов полигона начальника отдела радиационной безопасности В. Брилева и начальника терапевтического отделения местного госпиталя И. Бабушкина.

Разоруженческая истерия не стесняется в средствах. Господин Джон Камфнер из лондонской «Дейли телеграф», предположил своим умозаключениям о российском ядерном полигоне пугающе-разоблачительный, на его взгляд, заголовок — «На Новой Земле продолжает жить Советский Союз. Там иностранные журналисты хорошо выучили слово „показуха“. Некоторые наши издания услужливо перепечатали избранные пассажи британского подданного: «Женщины страдают серьезной депрессией как из-за темноты, так и из-за того, что им здесь совершенно нечем заняться».

Как это нечем?! А постоять, как на Большой земле, в очередях — разве не женское занятие? Да разве ж ведомо это заморскому репортеру! Нам повезло больше, чем коллеге Джону, — мы прилетели на острова в полярный день и увидели множество улыбчивых, симпатичных женщин, не нуждающихся в антидепрессантах. В дешевой уникальной школе, куда заглянули мы по приглашению директора Светланы Алексеевны Поликарповой, нас встретила дежурный учитель Бронислава Аллямовна Филиппович. Разговорились. Как ни пытался я уловить признаки «серьезной депрессии», — ничего не обнаружил. У жены офицера, прожившей на Севере уже четыре года, трое детей школьного воз-

раста. Кроме учительствования в начальных классах, она, как многие здесь, занимается с детьми спортом, ходит в бассейн, посещает сауну. В конкурсе «Дочки-матери», семейный дуэт Филиппович занял третье призовое место и был отмечен чудо-печью. А еще девочки обучаются музыке в школе искусств, а сын-девятник занимается спортом под водительством отца, мастера спорта по баскетболу. Еще я узнал, что семья недавно приобрела по случаю антикварное пианино немецкой работы аж 1828 года! Как попало оно на острова, в какую навигацию завезли уникальный инструмент — неизвестно, только переходит он из одной офицерской семьи в другую, чтобы, думая о будущем, не забывали прошлое...

Будущее единственного в России ядерного полигона видится пока туманно. Туману напустил мораторий.

Новоземельцы напрасно надеялись, что «перестройка», не преодолет Карские Ворота. Увы. В ход пошли изыски, призванные поставить под сомнение саму идею создания полигона. Некто Ф. Фридман пишет в «Правде Севера»: «Свое летосчисление Новоземельский островной Совет ведет с 1924 года. Почти все это время его председателем был Тыко Вылко.

В пятидесятые годы в связи с начавшимся военным строительством новоземельцы были насильственно выселены. Напрасно Тыко Вылко слал телеграммы и письма Главному Военно-Морскому Флоту страны Горшкову, председателю архангельского облисполкома Маликову — ничего не помогло. Вся власть перешла к военным. И вот спустя 33 года открывается новая страница истории островного Совета. Для организации подготовительной работы по созданию островного Совета образована рабочая группа» (4 ноября 1990 г.).

Отыскавший в архивах «любопытные», факты Фридман умалчивает о других. Оказывается, в 1954 году в становище Белушья Губа было всего 104 ненецкие семьи. В связи с необходимостью создания полигона Советское правительство обратилось к Тыко Вылко с просьбой рассмотреть возможность переселения с Новой Земли на материк. От имени островного Совета на сходе он заявил о согласии оставить Новую Землю в связи с необходимостью укрепления обороноспособности СССР и «всем разом возвращаться на родину отцов и дедов — на Большую землю, в бескрайнюю пещорскую тундру». Вот так было дело.

Узнав, что здесь служит ненец, да еще потомственный оленевод, я захотел непременно с ним познакомиться. Оказалось, что матрос Евгений Сядей — один из двух ненцев, проходящих службу на Новой Земле, имеет непосредственное отношение к знаменито-

му роду Вылко. Эту фамилию носит отчим моего нового знакомого. Кочевая жизнь оленевода Евгению по душе. Что касается экологической обстановки, то, какие бы ветры ни дули на материк, пасутся себе олени стада, как паслись и сорок ядерных лет назад, и сто. Лысье олени и рыба без чешуи? Евгений смеется — приезжайте, посмотрите. Не из лысой же шкуры мы свои малицы и тобоки шьем! А рыба без чешуи — так это голец, он так и назван, что по природе таков. Вот и все дела!

Военные поддерживают жизнедеятельность ядерного полигона России, кормят, одевают, обувают людей, обучают их Родину защищать. Каких-то установок, методических разработок, директив по военно-патриотическому воспитанию здесь не требуется. Здесь обеспечено совершенно уникальное и стопроцентно надежное воспитание полигоном.

Мы были в школе в первый день лета. В Международный день защиты детей отмечали свои дни рождения Северный флот, руководитель полигона В. Ярыгин и мой однопольчанин — военнослужащий внутренних войск старший лейтенант А. Задорин, выполняющий здесь задачу со своими подчиненными. Все эти события легко выстраивались в один логический ряд, работающий на развитие этой темы — воспитание полигоном.

Детвора слепила к своему празднику снежную бабу возле нашего общежития. Сказав одному из карапузов: «Привет, Чижик-Пыжик!», я неожиданно получил от юного новоземельца щелчок по носу за панибратский тон: «Я вам не Чижик-Пыжик». — «А кто ты?» — «Я — Дима». Дмитрий едва доставал до холки лохматого пса, но был так же серьезен с виду — таким палец в рот не клади. Достоинство у новоземельцев с пеленок в крови.

Еще один диалог. На этот раз Олег, девятиклассник, беседует с журналистами прошлого года пестрого десанта.

— Как тебе живется на Новой Земле?

— Хорошо живется!

— А говорят, здесь радиация?

— Радиация? Не знаю. А сгущенка у нас — во! — оттопырил перед носом дотошного гостя большой палец.

1 июня в новоземельской школе выпускники писали сочинение. Трое парней стоят на крыльце — уже «отстрелялись». Дмитрий Овсянников, Николай Кинякин, Владимир Романко будут поступать соответственно в нижегородское училище тыла, питерское военных сообщений и сезонно-полевой военноморской институт. Выбор неудивителен — если подавляющее большинство выпускников этой школы поступают в вузы, то для юношей эти вузы — военные.

Слава Богу, подумалось мне, что есть еще на самом краешке земли русской такие мес-

та, эти оазисы искреннего патриотизма, где с малолетства осознают граждане великой России свою причастность к святому предназначению отцов — защите Родины.

И не случайно именно у школы повстречали мы в тот первый летний день капитана первого ранга В. Ярыгина. Командовавший до недавнего времени авианосцем «Адмирал Кузнецов», нынче Виктор Степанович получил хозяйство, окруженное, как и могучий корабль, студеными морями, арктическими льдами, перестроечными проблемами. Надо отдать должное — каперанг Ярыгин уверенно стоит на капитанском мостике.

Мораторий висит над ядерным щитом державы дамокловым мечом. В сложном хозяйстве Новой Земли нет то одного, то другого, а то и того и другого разом, а в ответ на просьбы о помощи слышат из Центра: «Вы же знаете, какое время! Да вы же и не работаете там — мораторий ведь!»

Мораторий держит на архипелаге и наших военнослужащих, временно выполняющих задачи по охране специальных грузов. За прошедшие месяцы пломбы на фургонах и контейнерах осмотрены тысячи раз — все в порядке. Иначе и быть не может. Только недоумевают наши офицеры — почему за нелегкую службу в Арктике получают они, как за обычную командировку, скажем, в Рязань? У старшего лейтенанта Эдуарда Смирнова нынешняя командировка третья. За две первые он провел на Новой Земле ни много ни мало семь месяцев. В горячих точках — двойная оплата, двойная выслуга. А в холодных краях? Моряки и армейцы здесь по справедливости получают свои двойные льготы. Почему же забыты наши?

На бойцах насчитал четыре варианта формы одежды: летний х/б камуфляж, летняя х/б «песчанка», и старого образца х/б и п/ш. Рядовой Дмитрий Крестьянинов показал свои сапоги — голенища протерты до дыр. Давно носит свой комплект полушерстяного обмундирования (выдано оно солдату было уже бывшим в употреблении) рядовой Абдулкадыр Абакаров. Приехали в Арктику наши в шинелях. Хорошо хоть на месте выдали ватные куртки да фетровые сапоги. Талоны на дополнительное питание кафе и магазины местного военторга и дело отказываются принимать — организация не перечисляет на их счет положенные суммы, без чего выданные солдатам талоны на 95 рублей остаются простыми бумажками. В соседнем же гарнизоне солдаты, во-первых, причитающуюся им сумму получают наличными, а во-вторых, сумма больше — 210 рублей. У этих солдат «хозяин», богаче.

Местному караулу выдают дополнительное питание на боевой службе, нашим — нет. Почему? Пока не разрешены эти вопросы, трудно агитировать за контрактную службу

достойных новоземельцев. А ведь сержант Илья Яковлев, младший сержант Дмитрий Бычков и рядовой Алексей Крыцын откровенно признались, что уже подумывают об этом, прослужив по году-полтора.

На Новую Землю отбирали по желанию, хотя личного состава, увы, как и везде, некомплект. Из всех наших новоземельцев только один откровенно затосковал по родимой сторонке, по зеленой травке... Остальным служба здесь не в тягость, хотя условия не из легких: долгая полярная ночь, морозы, ураганные ветры, когда снег летит не сверху вниз, а параллельно земле.

У нас во внутренних войсках есть свои ветераны-новоземельцы. Один из них — недавно уволившийся в запас Леонид Николаевич Вакулич. Он отчетливо помнит караул, который возглавлял четверть века тому назад. Тогда они выполнили свою задачу и должны были сниматься. Последнее указание было: "Через тридцать минут за вами прилетит вертолет — будьте готовы...". Они, как пионеры, всегда были готовы, тем более — на зимние квартиры. Но прошло полчаса, и вместо "вертушки", прилетел... снежный буран. В какие-то мгновения в море унесло вагончик и палатку. Караул лейтенанта Вакулича укрылся в заброшенной штольне. Все думали — вот-вот угонится Север. Какое там! Но караул никто не снимал, продолжали нести службу, выставляли положенные посты, страхуя друг друга, чтобы не сгинуть в кромешной круговерти. Связь пропала — к снежной буре добавилась магнитная. Харчей у них было — шесть банок кильки и три буханки хлеба. Это на крепких, здоровых молодых. Бог его знает, на какое время. Оказалось, на трое суток. Ураган прекратился так же внезапно, как и начался — враз наступила звенящая тишина. Лейтенант Вакулич оглядел личный состав. "Всем побриться, подшиться, проверить оружие", — начальник караула старался казаться строгим, а самого распирало от гордости за своих бойцов, за свой караул — не хлюпки!

Через сорок минут прилетел вертолет, из которого вышел контр-адмирал. Лейтенант Вакулич построил личный состав, доложил как положено. Председатель Государственной комиссии не выдержал — совсем не по уставному обнял офицера, долго хлопал его по плечам: "Молодцы, ребятки, молодцы!". Тут же распорядился представить всех к наградам, так и сказал: "Всем — „За боевые заслуги". Медали они получили, правда, свои, эмблематические — "За отличную службу по охране общественного порядка". И то верно — общественный порядок во время службы караула никто не нарушил. Вот такие были на Новой Земле картинка...

Штатные полигонщики-испытатели очень ревниво относятся к тем чужакам, кто пре-

тендует на звание ветерана подразделений особого риска. Понятное дело, в расчете на льготы уже кто только не обращался на полигон за подтверждением своей причастности к ядерным испытаниям. Кто-то где-то пролетал, кто-то что-то строил, кто-то когда-то принимал участие... Но можно с полной уверенностью сказать одно — наши офицеры и солдаты находились зачастую на самых передних рубежах зоны риска, в эпицентре ответственности.

Впрочем, сейчас волнует и другое. Полигон должен работать. Единственный в России, он сорок лет работал не только на оборону, но и в интересах народного хозяйства.

А пока Новую Землю вниманием не обходят — уже двинулся к ее берегам теплоход "Анна Ахматова", на борту которого среди ветеранов-новоземельцев участники международной конференции под девизом "Ядерные испытания: от моратория — к всеобщему запрету".

Министр обороны России вполне законно, разумно не позволил судну зайти в Белушью Губу. Согласитесь, вряд ли какой-то военный начальник в любой стране мира разрешил бы митинговать на военном объекте.

Но, похоже, не всех это устраивает. И вот уже летят в самые высокие инстанции протестующие телеграммы, а некоторые средства массовой информации вновь публикуют на своих страницах очередные "полигонные страсти".

А пока над ледяными островами дуют политические ветры разных румбов, жизнь там идет своим чередом. Полярный день сменяет ночь, один буран — другой, часовой — часового на посту, работают взрослые, ходят в школу дети.

Рассматривая в новоземельской школе фотографии ребятни — что может больше радовать сердце?! — обратил внимание на улыбающегося задорного пацана. Оказалось, это первоклашка Попов. Чем интересен? Да просто тем, что он новоземелец в третьем поколении. Здесь, на полигоне, служили оба деда. Эту же школу окончили родители. Сюда вернулись после окончания вузов. Для них Новая Земля оказалась еще и эпицентром любви...

Полковник Б. КАРПОВ.
Новая Земля — Москва.

ДАЙТЕ МНЕ БОЕВОГО "КОМИССАРА"!

Продолжаем разговор, начатый майором М. Кибакным в статье "Замполит умер... Да здравствует „замполуд“?" (На боевом посту, 1992, N 11 — 12)

ЭТИ СЛОВА не так давно услышал из уст одного командира как крик души в ответ на упреки за упущения в работе по укреплению воинской дисциплины, поддержанию здорового морального климата в коллективе. (Надо думать, под "комиссаром" подразумевался не суровый политбоец с арсеналом жестких приемов и методов воздействия на массы, а современный офицер-воспитатель — тонкий психолог, чуткий педагог, умелый организатор, короче говоря, должностное лицо, без которого подразделение, часть выглядят осиротевшими.)

Дайте мне боевого "комиссара"... Такое пожелание в разной форме все чаще и чаще выражают многие отцы-командиры. Особенно те, кто, забыв о нормальных условиях жизни и службы, мотается по горячим точкам, нередко тянет воз за себя и "за того парня", мечтая о золотых временах, когда механизм организационно-воспитательной работы, оставшийся в полуразобранном виде после реформирования политотделов, заработает в полную силу и командирская ноша станет хоть чуточку легче.

Да, дефицит воспитателей, крепких профессионалов-"замполудов", я уж не говорю о вооруженных передовой методикой новаторов, дает о себе знать с пугающей остротой, во всяком случае, в нашем недавно сформированном соединении. Прошу понять меня правильно, все прекрасно знают о кадровых брешах в "боевых порядках", войск и пока мирятся с двойной, тройной нагрузкой (взводных, ротных тоже значительный некомплект), не ропщут, набравшись терпения в ожидании лучших времен. Тем важнее заострить внимание "верхов", на очень актуальной, с моей, командирской, точки зрения, мысли: надо решительно доворачивать реформу, начатую еще с "перестройки", политорганов и освобождения армии от строгой партийно-политической опеки, в сторону реального совершенствования воспитательной работы — и в кадровом, и в организационном, и в идейном, и в материально-техническом аспектах. А умников, которые считают, что командиру "замполуд" нужен как телега пятое колесо, что институт воспитателей при погонах следует упразднить, как отживший

свое, — этих умников, охваченных "реформаторским, зудом, из уютных штабных кабинетов — да к нам бы, в район чрезвычайного положения, в палаточный городок. Пусть проявят себя в организации боевой службы, учебы и воспитательного процесса тож. Но уговор: не в качестве проверяющих чиновников. И чур, без замов по работе с личным составом. А через месяц-другой поинтересуемся, не изменилось ли их мнение на тот счет, нужен или нет командиру боевой зам по воспитанию.

Вспоминается очень поучительная для скептиков, разочаровавшихся в высоком предназначении политработника, нынешнего "замполуда", история. В 1989 году стал я командиром батальона оперативного назначения. Прибыл в подразделение, начал изучать состояние дел и... схватился за голову. Чем угодно можно было назвать этот, теперь уже мой батальон, но только не воинским коллективом. Дисциплина хромает на обе ноги, добрая половина численного состава — люди, присланные на доукомплектование из других частей (на тебе, Боже, что нам негоже), нет здоровых традиций, в казарме верховодит "отрицаловка", с "дембельскими" настроениями, молодые офицеры поражены бациллой "пофигизма". И, как назло, должность замполита вакантная, когда пришлют — неизвестно.

В общем, на два фронта приготовился воевать — и командовать, и "комиссарить". К счастью, подоспела подмога. Зная о трудном положении в батальоне, политотдел прислал на "усиление", опытного политработника капитана Г. Закревского.

Всего пару месяцев потрудился Геннадий Владимирович, но столько полезного успел сделать, что и сегодня, спустя четыре года, мысленно говорю ему командирское спасибо.

Остро стояли проблемы с размещением, питанием личного состава (тогда еще не было штатной должности заместителя комбата по снабжению). Мой временный помощник тут же подставил свое плечо и, проявив недюжинную хозяйскую сметку, помог вытащить из прорыва тыл. Дружно работая в од-

ной упряжке, сумели переломить настроение офицеров, направили в нужное русло их энергию. Основательно позанимались со всеми категориями сержантов, до каждого младшего командира дошли. И со старослужащими Закревский толково разобрался, сумел повлиять на тех, кто воду мутил, и мне подкинул ценную информацию для размышлений.

Так благодаря двухмесячному "усилению", тяжелобольной батальон стал потихоньку выздоравливать, подниматься на ноги. А через год мы вышли на первое место в полку. По всем показателям. Многие с трудом верили, что в передовиках — подразделение, на котором совсем недавно, как говорится, пробу негде было ставить.

Потом был Карабах... Несколько раз попадали в такие крутые ситуации — лучше не вспоминать, дабы не травить душу. Но несмотря ни на что, бойцы мои действовали умело и слаженно. Никто не дрогнул, не струсил, не оставил в беде товарища. Когда выходили из этого пекла, думал: "Хоть и не было тебя с нами, Геннадий, но вижу и твою заслугу в том, что батальон успешно выполнил поставленную задачу и не приходится краснеть за солдат".

Вот вам и значение политработы! Роль боевого замполита!

А КАКИМ он должен быть сегодня, не умерший, а сменивший название специальности профессиональный воспитатель при погонах? Прежде всего, на мой взгляд, хорошим психологом, способным глубоко вникать в заботы и нужды подчиненных, заинтересованно изучать и личность, и коллектив, умеющим, если хотите, душой чувствовать людей. А главное, вести с ними живую работу.

Ну какой, скажите на милость, из офицера зам по личному составу, если он не интересуется настроениями бойцов перед заступлением на службу, не считает нужным спросить, чем озабочен, скажем, рядовой Иванов, получивший письмо из дому, забывает напомнить командиру взвода, чтобы тот поздравил рядового Петрова с днем рождения?... Намеренно акцентирую внимание на элементарных педагогических примерах: у многих молодых "людоведов", даже до таких простых вещей руки не доходят.

Как-то в одном из подразделений нашей части напился солдат. Ладно бы разгильдяй, архаровец, а то ведь добросовестный, дисциплинированный парень. Разбираемся. И что же? За несколько месяцев у него ни одного поощрения. Изюм всех сил старался боец проявить себя на службе, на занятиях, в сурочном наряде, а сержант и взводный — ноль эмоций. Обидно? Обидно! А тут день рождения у парня. Ждал: кто-нибудь из старших поздравит, проявит внимание. Да так и не дождался. И решил, значит, залить спиртным обиду...

Получил он, разумеется, строгое взыскание. Как ни крути, виноват на все сто, при любых обстоятельствах солдат обязан контролировать свои поступки, тем более, не у теши на блинах находится, а в зоне чрезвычайного положения. Но и ротному "замполюда" — два балла за такой подход к людям. Числится в подразделении воспитатель, а толку...

Полностью согласен с майором И. Мучаком, чей отклик на статью "Замполит умер..." опубликован в № 5 — 6: истинный профессионализм воспитателя предполагает умение заглянуть в душу солдата; воспитатель сам должен идти к людям, не дожидаясь паломничества. А у нас? Горе ли, торжество у подчиненного — все едино: "Смирно! Шагом марш!". И точка. Начинают шевелиться, стучать в солдатские сердца, когда в роте ЧП и надо принимать экстренные меры.

Откуда же берутся такие горе-воспитатели? Разные мнения слышал. Одни корень зла видят в эпохе застоя. Это она, мол, заморозила систему воспитательной работы на бумажно-бюрократической стадии, отбив у замполитов на много лет вперед тягу к творчеству, смелому поиску. Другие кивают на "разрушительные" реформы. Вот были, дескать, политорганы — учили уморазуму, все и вся контролировали, за порядком следили, и механизм пусть со скрипом, но работал, а нынче и спросить с неумеих-"замполюда" некому. Третьи сетуют: в учебных программах военных вузов катастрофически мало часов отводится на изучение педагогики и психологии, оттого и нет в подразделениях и частях молодых Макаренко и Сухомлинских.

Правильно, застой не способствовал полету ППР на крыльях творчества. Но разве не в то время проходило становление капитана Закревского и сотен таких же, как он, замполитов-трудяг? Они и для творческих экспериментов находили возможности, нередко набивая шишки, получая втыки за проявление несанкционированной инициативы, и рутинной, черновой работы не чурались. Согласен, перегнули палку с авральным реформированием политорганов, принизили статус воспитателей, нанесли ущерб их должностному авторитету, лишили ясных перспектив. Однако есть у реформы и плюсы — она открыла простор для инициативы, предоставила "замполюдам", больше самостоятельности, руки развязала. Разве не так? Теперь насчет училищ. Верно, низок удельный вес педагогики и психологии в учебных программах. Да и многие преподаватели так же далеки от жизни войск, как декабристы от народа. Но если у человека отсутствует призвание к воспитательной работе — не помогут ни учебники, ни учителя, ни многолетняя служба в должности ротного "замполюда". Попробуйте возразить!

В прошлом году призвали к нам из запаса лейтенанта Андрея С. (не называю фамилию

по причине его длительного пребывания в зоне осетино-ингушского конфликта). Он немного прослужил после окончания политехнического училища, затем попал под сокращение, уволился и теперь, к счастью, снова — в боевом строю. Говорю «к счастью», потому что есть у него огромное желание работать с людьми, любовь к профессии. Бойцы это чувствуют, доверяют ему, как близкому другу, стараются брать пример с лейтенанта. А некоторые коллеги Андрея С. скоро поседят на ротах, а с войнами как не было, так и нет контакта. И это не вина их, а, скорее, беда. Не дано, стало быть, не дано. И чем мучить себя, подчиненных бездарными воспитательными потугами, лучше переqualificироваться, пока не поздно, перейти на другой участок службы.

К слову, любопытная закономерность вот уже много лет наблюдается. Зачастую выпускники командных училищ в качестве воспитателей проявляют себя ярче отдельных профессиональных «людоведов». Есть над чем голову поломать? Несомненно! Ведь подготовка будущих офицеров-воспитателей — это краеугольный камень всех реформ в духовно-нравственной сфере воинской жизни.

А закладку такого камня следует начинать, по-моему, с коренного пересмотра системы профотбора в военных училищах. Какой вариант взять за основу? Да хотя бы вот такой: на третьем курсе, когда у командиров и преподавателей складывается достаточно полное представление о наклонностях и способностях питомцев, осуществлять их профессиональную ориентацию с учетом всех психолого-педагогических наблюдений. Глядишь, и снизится процент брака при выпуске, реже будут приходиться в подразделение лейтенанты, у которых начинается рефлекторная зевота при одном упоминании о работе с людьми.

И ЕЩЕ об одной проблеме хочу сказать несколько слов. Вряд ли открою Америку, напомню: важная prerогатива воспитателя — организация культурного досуга военнослужащих. Особенно в горячей точке, где, как правило, нет ни клубов, ни библиотек, ни дискотек, а единственный «очаг культуры» — палатка, «кубрик», ПТУ или заставленный койками спортзал, где в свободное время лишь выручают импровизированная волейбольная площадка, кроссовая дистанция на сельской улице с разрушенными, мертвыми домами да телевизор, видак и кинопроектор (при их наличии, конечно).

Хороший зам по работе с личным составом, зная состояние солдат после службы, обязательно подберет фильм, как говорится, под настроение. Сегодня, предположим, патриотическая струнка в душах звучит. Хорошо, посмотрите, парни, «Они сражались за Родину». Переживайте, думайте. В другой раз, после тяжелой операции, где спецназовцам пришлось силушку применить, луч-

ше всего пойдет французская кинокомедия: надо снять нервное напряжение, расслабиться. Потом, для разнообразия, в самый раз крутой боевик с оптимистическим финалом — великолепный импульс для молодых воинов, приунывших от тягот и лишений горючей командировки.

Проницательные читатели наверняка догадались: я нарисовал идеальную картину. Тонкий психолог — «замполуд»? В походном клубе богатая фильмо- и видеотека? Ну, предположим, знаток солдатских душ у нас найдется. И не один — при всем дефиците боевых воспитателей (в категорию знатоков включаю также некоторых командиров — есть еще порохи в педагогических пороховницах у нашего брата). А вот клубная машина, фильмотека, видеомагнитофон, радиоузел, походная фотолаборатория и прочее культпросветимущество — это для нашей части пока из области фантастики. Пробовали как-то у местных дельцов видак с кассетами напрокат взять, а у них цены — похлеще бандитских пуль, сразу бьет наповал.

Вот такое у нас материальное обеспечение культурно-воспитательной работы. Хуже, чем во времена избы-читальни и красной юрты. Понятно: в стране экономический кризис — не до жиру. Но никто и не требует государственной заботы о досуге служивых по американскому варианту, продемонстрированному на зависть нищим странам во время операции «Буря в пустыне». Нам хотя бы клубную машину, положенную, к стати, по штату, — во как нужна! Да дешевенький отечественный видачок. Да несколько переносных черно-белых телевизоров. Иль не заслужили воины такой милости от державы?

Заслужили! И воспитатели их — тоже. Потому как нельзя длительное время вести работу с личным составом без современных технических средств — ни в местах постоянной дислокации, ни в боевых командировках. Это все равно что гнаться на допотопном кукурузнике за реактивным лайнером.

Будем скупиться в мелочах — загубим и без того буксующую реформу. Окончательно. Никакие «комиссары», ее потом не вытянут. Даже самые боевые.

Подполковник А. МЕДВЕДЕВ.

Гонорар перечисляется в фонд помощи военнослужащим внутренних войск «Чужого горя не бывает».

«... Сегодня Калашников стоит выше остальных. Он является ведущим специалистом... Его оружие формирует основу цельной системы стрелкового оружия... Разумно предположить, что конструкторское бюро Калашникова в течение многих лет будет удерживать первенство и его влияние на конструирование... стрелкового оружия успешно продолжится еще долгое время.»

(Из книги Э.Изепла "История АК-47").

М.Т.КАЛАШНИКОВ:

"АК СОЗДАВАЛ СОЛДАТ - ДЛЯ СОЛДАТА"

Повышенный интерес к судьбе этого человека вполне понятен, особенно со стороны людей при погонах. Еще бы — творец известного во всем мире боевого автомата, носящего его имя! С этим автоматом ежедневно, ежечасно в караулах, войсковых нарядах выполняют боевые задачи воины внутренних войск МВД России, с ним многие наши парни участвовали в жестоких схватках с преступниками, в том числе с боевиками разных мастей в горячих точках, когда от надежности штатного оружия зачастую зависело практически все. И не было случая, по крайней мере на моей памяти, чтобы кто-то из ребят после боя пожаловался, мол, «калашников» отказал, подвел. А это значит, сколько из службу несущих он спас жизни! Вот почему, когда журналистские пути привели меня в Ижевск, постарался выполнить многочисленные пожелания наших читателей — встретиться с доктором технических наук полковником в отставке М.Т.Калашниковым, создателем АК, и расспросить поподробнее о его жизни, творчестве.

Во время предварительного телефонного разговора Михаил Тимофеевич поначалу отказывался от беседы, дескать, занят сильно да и не очень жалует пишущую братию, которая нередко в погоне за сенсацией такого насочиняет... Однако, узнав, что материал готовится по просьбе солдат, сержантов, офицеров внутренних войск, решил сделать исключение.

— Будете писать, обязательно передайте через журнал мою глубокую и искреннюю благодарность военнослужащим внутренних войск, особенно тем, кто находится в горячих точках, — так начал разговор легендарный конструктор. И добавил: — Я, когда позволяет обстановка, стараюсь бывать в частях и подразделениях внутренних войск МВД. Простите меня за высокий стиль, но их нелегкая служба — ежедневный подвиг во имя Отечества!

С удовольствием выполняю волю Михаила Тимофеевича Калашникова.

А ТЕПЕРЬ запись состоявшейся беседы. Она, к слову, проходила в салоне выдавшего вида «Москвича». У входа в солидное здание Совета Министров республики, куда приезжал по делам конструктор и где была назначена встреча, выстроились в ряд сверкающие «Волги», новых моделей, рядом с которыми пожарного цвета «персоналка», глав-

ного конструктора старшей фирмы страны по производству стрелкового оружия выглядела, мягко говоря, скромненько.

— Все это пустяки, — перехватив мой взгляд, улыбнулся Михаил Тимофеевич. — Главное — успеть закончить начатое.

— А между прочим, тот же Стоунер, автор винтовки M16, сами говорили, имеет не одну

машину, личный самолет и несколько заводов, — не удержался от реплики водитель, по всей видимости, болезненно переживающий несоответствие транспортного средства, на котором возит Калашникова, заслугам шефа.

— Нет-нет, грех обижаться на недостаток внимания ко мне, — отреагировал на реплику конструктор. — Две Звезды Героя, ордена. И главное — есть дело, которому продолжаю служить, коллектив единомышленников, КБ... Наконец, я лауреат двух Государственных премий.

— Среди вопросов, которые я выписал из писем читателей, собираясь на встречу с вами, есть, статьи, и такой: когда и за что вам были присуждены высшие у нас в стране премии? С первой как будто все ясно...

— В 1949 году я был отмечен Государственной премией — она тогда называлась Сталинской — за создание автомата АК-47. А в 1961-м — Ленинской — уже за разработку целого комплекса стрелкового оружия, в том числе за модернизированный автомат и ручной пулемет.

— И еще вопрос, его задали ребята, которые только собираются служить в войсках: насколько соответствует истине утверждение, что к созданию своего знаменитого автомата вы приступили, не являясь профессиональным конструктором, будучи танкистом в звании старшего сержанта?

— Все верно. За конструирование автомата, а точнее пистолета-пулемета, я взялся, когда проходил службу в сержантском звании. Шла война. Я с первых же дней участвовал в боях, командовал тридцатьчетверкой. В сентябре 1941 года под Брянском был тяжело ранен, попал в госпиталь под Ельцом. Во время долгого лечения не раз слышал от бойцов, хлебнувших окопного лиха, упреки в адрес конструкторов, по сути, оставивших солдата без автоматического оружия, тогда как фашисты не выцеливали даже, а обстреливали, буквально заливали свинцом все вокруг, и мы несли большие потери. Да что там говорить, я же сам все это видел не раз. Короче, тогда и задумал попробовать сконструировать надежный и безотказный пистолет-пулемет для матушки-пехоты.

— Вам это, к счастью, удалось. Что же определило успех вашего, казалось бы обреченного на провал, замысла? Вы ведь, если не ошибаюсь, не имели тогда даже среднего образования?

— Ну, успех-то, допустим, пришел не сразу, на пути к нему и неудач хватало. Если же быть кратким, отвечая на вопрос, что позволило одержать победу, то я бы сказал так: АК создавал солдат — для солдата. Я знал, что нужно бойцу в бою, и это в конце концов оказалось решающим...

— Михаил Тимофеевич, а можно подробнее рассказать, как же рождался автомат, с которым заступало на службу не одно поколение воинов. С волнением вспоминаю, как более четверти века назад сам принимал военную присягу с АКМ в руках...

— Первые наброски пистолета-пулемета под пистолетный патрон я сделал еще в госпитале. В местной библиотеке нашлась кое-какая литература, в частности труды по эволюции стрелкового оружия конструктора В.Г. Федорова. Пришлось основательно заняться общеобразовательной подготовкой, ведь и чертеж несложный я тогда не умел толком выполнить.

Но идея всецело завладела мной, я уже не смог от нее отказаться.

После выписки из госпиталя для долечивания меня отправили туда, откуда призывали в армию. На станции Матай, что в Казахстане, я со своими задумками пришел в железнодорожное депо. Меня, слава Богу, не только не высмеяли за мои дерзкие мысли, но внимательно выслушали, более того, выказались всячески помогать. Выделили комнатушку, дали возможность изготавливать детали в мастерских. Каждый считал своим долгом хоть чем-то быть полезным.

Когда опытный образец был собран, я повез его в Алма-Ату, где пробился чуть ли не к первым лицам республики. По рекомендации секретаря ЦК Компартии Казахстана доводка изделия продолжалась в мастерских московского вуза, эвакуированного на юг. Пистолет-пулемет на испытаниях показал неплохую стрельбу, однако патеку в жизнь так и не получил. Прежде всего потому, что к тому времени на вооружение поступил ППС — пистолет-пулемет Судаева и отпала острая необходимость в создании аналогичного автоматического оружия.

Но начато полученное неожиданное продолжение. Мое детище попало в руки академика Благоднарова. Признанный авторитет в области стрелкового оружия увидел в нем несколько интересных решений, а по моему рекомендации не останавливаться в поиске. Его обстоятельное и сердечное письмо-отзыв о работе храню до сих пор. Оно окрылило, придало силы. Тем более что дальнейшую службу я проходил на испытательном стрелковом полигоне в Подмоскowie.

— Значит, вы на полигоне продолжили работу над пистолетом-пулеметом?

— Не совсем так. На полигоне я приступил к работе над автоматом, а заводно и ручным пулеметом, позже — над самозарядным карабином под патрон 7,62 мм. Увы, в споре с именитыми конструкторами я оказывался всякий раз слабее... Переживал, конечно, но не отчаивался, извлекал уроки для себя. И пришел успех: в 1946 году мы собрали опытный образец автомата, который через год был рекомендован для принятия на вооружение в Вооруженных Силах страны под названием "7,62-мм автомат Калашникова (АК)".

— И все-таки не очень укладывается в голове, что вы отважились на конструирование оружия, не имея никакого, хотя бы небольшого опыта технического творчества...

— Опыт, пусть небольшой, у меня, пожалуй, все-таки был. В армии я занимался немного рационализаторской деятельностью. Например, в бытность курсантом танковой школы, где учился на механика-водителя в конце тридцатых годов, придумал нехитрое приспособление, упрощающее стрельбу из

пистолета ТТ через смотровые щели в танке: без него, того приспособления, стрелять было трудно и опасно. Затем изготовил к пистолету магазин большей вместимости патронов, чем у токаревского. Примерно тогда же сконструировал счетчик выстрелов из танковой пушки. А незадолго до войны принимал участие во всеармейском конкурсе на создание счетчика моторесурса танка. Прибор получился простым, надежным, им заинтересовался командующий Киевским особым округом генерал армии Георгий Константинович Жуков. Во время встречи прославленный военачальник вручил мне часы...

— Выходит, ваш выбор профессии конструктора вовсе не случаен?

— Как сказать. Ведь вполне могло случиться так, что дальше тех первых опытов дело бы и не пошло... Помнится, примерно в те же годы я увлекался, и довольно серьезно, поэзией, писал стихи, печатался в армейских газетах, даже попал на окружное совещание молодых литераторов. Однако поэтом так и не стал. И дело не только в войне, просто почувствовал сам, что это не то, чему могу посвятить себя...

— Но вернемся к АК. Он на вооружении у нас почти полвека. И все эти годы вы его настойчиво совершенствовали. По какому пути вы шли? Ведь если брать в целом, то, как известно, принципиально автомат не менялся.

— Это если не вдаваться в подробности. Но за десятилетия многое нами доработано и изменено в автомате. Так, в 1959 году на вооружение принят АКМ — модернизированный вариант. В нем введен ряд усовершенствований, существенно улучшивших боевые и эксплуатационные характеристики автомата: появился замедлитель срабатывания курка, что в конечном счете повысило кучность при стрельбе из устойчивых положений (лежа с упора, стоя с упора и т. п.); повышена прицельная дальность до 1000 метров; введен вместо штыка штык-нож, которым можно также перекусывать колючую проволоку и проволоку, находящуюся под током...

В дальнейшем к автомату был разработан дульный компенсатор, что опять же положительно сказалось на кучности боя.

Позже на основе принципиальной схемы автоматики был создан новый, унифицированный с предыдущим, комплекс оружия калибра 5,45 мм (АК-74, РПК-74 и другие).

— Кроме нескольких разновидностей автомата, которые выпускаются в Ижевске, производится и другое боевое оружие, носящее ваше имя. Участвуете ли вы в его совершенствовании, есть ли контакты с предприятиями, где его изготавливают?

— Обязательно. Без моего разрешения, без согласования с нашим КБ никто не вправе вносить изменения в конструкцию «калашниковых». А их немало. Мы постоянно встречаемся с коллегами, обсуждаем пути совершенствования нашего оружия, и эти контакты дают свои результаты.

— Михаил Тимофеевич, у вас есть ученики?

— Время кустарей-одиночек, пожалуй, прошло. Каждое новое изделие — плод труда многих и многих людей, причем самых разнообразных специальностей. Конечно же, в конструкторском бюро у меня немало тех, с кем, образно выражаясь, съеден не один пуд соли, кого я по праву могу назвать своими учениками, кому стараюсь передать свой накопленный в течение многих лет опыт. К их числу отношу и сына Виктора, он тоже конструктор.

— Не исключаете, что когда-то появится стрелковое оружие Калашникова-младшего?

— Скажу на этот счет так: сын не лишен честолюбия, в здоровом понимании слова, и делает все, чтобы превзойти отца...

— В своей работе вы наверняка не раз встречались с известными нашими конструкторами. Как складывались ваши взаимоотношения, кто из них оставил наиболее заметный след в вашей судьбе?

— Так или иначе мне доводилось общаться практически со всеми ведущими специалистами в области стрелкового оружия, находящегося ныне на вооружении в войсках. Близко, к примеру, знал создателя пистолета ПМ — Николая Федоровича Макарова. Милейший был, я вам скажу, человек, очень талантливый и очень скромный. Бок о бок трудился с Драгуновым, автором знаменитой 7,62-мм снайперской винтовки Драгунова (СВД). Мало кто знает, что в производственном объединении «Ижмаш», где когда-то творил Евгений Федорович, продолжают дело два его сына — Михаил Евгеньевич и Алексей Евгеньевич...

Много дали мне как конструктору творческие контакты с Симоновым, Константиновым.

Чувство безмерного восхищения у меня всегда вызывал Михаил Марголин, тот, который в свое время сконструировал спортивный пистолет, признанный и у нас, и за рубежом одним из лучших образцов спортивного оружия, названный его именем. Поразительно, но ведь Михаил Владимирович свое творение доводил до совершенства, будучи слепым...

— А у вас не было никогда соблазна заняться созданием мирного — спортивного, охотничьего оружия?

— В начале этого года на международной выставке-ярмарке «ИВА-93», проходившей в Нюрнберге, состоялась презентация двух новых систем нашей фирмы: на базе моего автомата — охотничьего карабина «Сайга» калибра 7,62x39 и на базе винтовки Драгунова — карабина «Тигр», калибра 7,62x53. Отлично, что охотникам по душе пришлись новинки. Так, американские специалисты, неизменные участники подобных выставок и большие знатоки оружия, присматривались, присматривались и закупили пять тысяч штук «Сайги», и две тысячи «Тигров»...

Сейчас активно работаю над двумя модификациями «Сайги».

— Михаил Тимофеевич, примерно в то же время — в феврале этого года — вы участвовали и в другой международной выставке оружия — в Абу-Даби, столице

Объединенных Арабских Эмиратов. Какие впечатления вы вынесли с нее?

— Прежде всего — чувство гордости. Что бы ни говорили о России, о нас, о свалившихся на нас бедах и проблемах — наше российское оружие, в том числе и стрелковое, вызывает у тех, кто его видел хотя бы однажды в деле, восхищение. Короче, в Абу-Даби мы не ударили в грязь лицом! Наши же “калашниковы”, по оценкам самых строгих экспертов, по-прежнему опережают по своим характеристикам — и технологическим, и боевым — все зарубежные аналоги.

— Как лично к вам отнеслась публика в Абу-Даби?

— Не стану лукавить, моя персона была там весьма популярной. Мне буквально не давали покоя с раннего утра и до поздней ночи. Там же получил официальные приглашения от представителей восьми стран, в том числе США, Германии.

— Вы многие годы жили под покровом секретности. Трудные, надо полагать, были эти времена? А как часто сейчас вы бываете за границей? С кем из западных оружейников поддерживаете связь?

— Насчет того, трудно или нет быть человеком-невидимкой, отвечу так: и я, и другие люди, работавшие в различных структурах военно-промышленного комплекса, искренне считали, что так нужно, и потому никаких особых проблем и вопросов в связи с этим не возникало.

Конечно, еще несколько лет назад я и думать не мог, что когда-то смогу выехать за пределы государства, что буду давать интервью западным журналистам, вести диалог с американским военным историком...

— Вы имеете в виду в данном случае Эдварда Клинтона Изелла, который написал о вас книгу “История АК-47” и снял о вас фильм?

— Да. Этот ученый, доктор Изелл, в восьмидесятые годы работал над созданием серии документальных фильмов о конструкторах-оружейниках двадцатого столетия и один из них посвятил мне. Параллельно, в общей сложности более десяти лет он работал над тем, чтобы по крупицам собрать материал для упомянутой уже вами книги. Неоднократно писал мне, добивался встреч со мной. Я же был не волен распоряжаться собой... Короче, такая встреча состоялась не так скоро: если не ошибаюсь, лишь в 1989 году.

Позже я побывал по приглашению доктора Изелла в Соединенных Штатах. Там встречался с ведущими иностранными оружейниками современности, в частности с хорошо известным в мире Юджином Стоунером, как уже говорилось, автором штурмовой винтовки M16, и специально приезжавшим в Америку, чтобы увидиться со мной, Исраэлем Галили-Блашниковым, много работавшим с системами Джонсона, Холлика (“Узи”). Примечательно, что оба они, и Стоунер, и Галили, как и я, были солдатами на фронтах второй мировой, один — в американской армии, другой — в британской. Так что борьба с фашизмом явилась для нас троих как бы отправной точкой в стремлении сконструиро-

вать мощное автоматическое стрелковое оружие для скорейшей победы над общим врагом. Кстати, возможно, вашим читателям интересно будет узнать и о такой детали: Юджин Стоунер, чья винтовка находится на вооружении во многих армиях мира, как, собственно, и я, до сих пор не имеет специального или высшего образования...

— Извините, если я верно уловил: вы, доктор технических наук, не имеете вузовского диплома? Случай поистине уникальный...

— Мне бы, бесспорно, не составило большого труда закончить институт, получить соответствующий документ. Но для чего? Впервые, и времени для этого никак не выкраивалось. И потом, разве какие-то “корочки” определяют уровень знаний, потенциал человека, тем более творческий? Я практик, и я делал свое дело. А чтобы из него, этого дела, получался толк, я всю свою жизнь сам учился, учился и учился.

— А как стали доктором наук?

— Докторскую степень мне присвоили, даже не став слушать моего научного доклада по подготовленной диссертации, — по совокупности выполненных работ.

— Наслышан, что в Воениздате готовится к выходу ваша книга “Записки конструктора-оружейника”, в которой вы подробно рассказываете о пройденном пути, о том, как рождались образцы оружия, равных которым нет в мире.

— Книга уже выпущена в свет. К сожалению, из-за мизерного, на мой взгляд, тиража ее мало кто знает. И вообще она, к глубокому моему огорчению, получилась не такой, какой я ее хотел видеть. И тираж, как уже отмечал, и качество полиграфического исполнения, объем, бумага — все это, как говорится, оставляет желать лучшего. Ну да ладно. Важно, что в этой книге я как бы подвожу итог сделанному, всей прожитой жизни — уже пора, ведь 10 ноября мне исполниется 74 года...

— Пользуясь случаем, от редакции, себя лично, от всех наших читателей поздравляю вас с грядущим днем рождения! Желаем здоровья покрепче, счастливого и плодотворного продолжения творчества!

— Спасибо. Передайте и мои самые теплые пожелания вашим подписчикам, всем военнослужащим внутренних войск. Главное же — пусть все они после службы вернутся домой, к своим родным и близким живыми и здоровыми.

Полковник В.А.ФАНАСЬЕВ.

Опыт использования современных спецподразделений по борьбе с массовыми беспорядками накапливался и анализировался десятилетиями. Но практически точно установлено, что их историческим прообразом являются особые полицейские формирования британской администрации в Индии и других колониях. Именно они послужили моделью для создания подобных сил в других государствах. Правда, строгих стереотипов

ме того, им в помощь привлекались «специальные констебли», — полицейский резерв на случай объявления чрезвычайного положения, а также английские полицейские «голубые береты». Позднее к ним прибавились и другие формирования — антитеррористические, снайперские, защиты дипломатического корпуса.

Ныне практически во всех странах в составе спецподразделений подавлением массо-

вых волнений занимаются профессионалы высокого класса («Кидотай» в Японии, «Челери», в Италии и т. д.). К их услугам прибегают, как правило, тогда, когда иные меры не дали положительных результатов, либо в дополнение к основным силам.

Характерные особенности спецподразделений — оперативность принятия решений и мобильность действий. Именно это, в частности, отличает и германскую «Группу 9», названную так по номеру параграфа закона, регламентирующего ее применение. Укомплектована она снайперами, подрывниками, химиками, радистами, обеспечена разнообразным оружием и транспортными средствами, включая бэтэзы и вертолеты.

ЗАСЛОН

БОРЬБА ЗАРУБЕЖНЫХ СПЕЦПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПРОТИВ МАССОВЫХ БЕСПОРЯДКОВ

никто никогда не придерживался по причине национальных особенностей различных народов. Более того, правительства справедливо полагали (и полагают), что слепое копирование, бездумное подражание, бесспорно, вредны хотя бы потому, что позволяют преступникам выработать ответный стандартный комплекс мер. И это относится в равной степени ко всем аспектам деятельности правоохранительных органов. Так, по глубокому убеждению американских специалистов, традиционные методы борьбы с бунтовщиками изначально ставят полицию в невыгодные условия: она уже не столько контролирует ситуацию, сколько защищается. При этом они ссылаются на «классические» инциденты в некоторых университетских городах, например в Колумбии, Беркли, когда полицейских буквально забросали бутылками с зажигательной смесью, пластиковыми и зажигательными бомбами. Что поделаешь, на ошибках учатся. И не только на своих. Примерно в это же время (конец 60-х — начало 70-х годов), тщательно проанализировав зарубежную (в том числе и американскую) практику, британские власти приняли решение ввести в состав лондонской полиции (департамент Д) особое подразделение по борьбе с беспорядками и терроризмом. Его сотрудили, что называется, до зубов вооружили и обучили снайперской стрельбе. Кро-

Использование специальных полицейских подразделений в Голландии для усмирения массовых беспорядков также опирается на солидную правовую базу. Бургомистр города или губернатор провинции, которому подчинены правоохранительные органы его территории, вправе формировать особые отряды подавления — «мобильные бригады». Аналогичные структуры имеются и в Бельгии.

ВЕСЬМА ИНТЕРЕСНЫМ, на наш взгляд, является опыт применения в чрезвычайной обстановке японских полицейских формирований «Кидотай», (в переводе — мобильные части специального назначения), созданных после майских демонстраций 1962 года исключительно для борьбы с гражданскими беспорядками. Это сегодня одно из лучших по степени организации и уровню профессиональной подготовки формирований во всем мире. «Кидотай» неоднороден и включает в себя, во-первых, регулярные части крупных городов (всего 9700 человек, из которых 5700 — в Токио) и, во-вторых, «Канку-Кидотай», — региональные силы (4200 человек).

Основная боевая единица «Кидотай», — так называемое «мобильное подразделение», (в Токио их десять). Это батальон (четыре линейные роты по 70 — 80 человек и одна штабная — 120 человек). Все сотрудники — добровольцы, к отбору которых предъявляются достаточно высокие требования. Кроме политической благонадежности кандидат должен обладать целым рядом необходимых качеств. В частности, быть квалифицированным полицейским, закончившим одногодичную школу и дополнительные курсы усовершенствования, не менее 160 см роста, 50 кг веса и не старше 30 лет. Через два-три года службы в «Кидотай», полицейские возвращаются в свои прежние подразделения, но уже, как правило, на более престижные должности. Впрочем, возможность продвинуться по служебной лестнице с лихвой дополняется и другим немаловажным стимулом — материальным.

ОДНАКО В РАЗРЕШЕНИИ проблемы борьбы с массовыми волнениями создание отборных и прекрасно подготовленных полицейских частей — лишь одна сторона медали. Другая — установление жесткой ответственности граждан за отклонения от правил проведения демонстраций, митингов и собраний, за массовые нарушения общественного порядка.

Правда, в различных странах и санкции, и критерии оценки правонарушений несколько отличаются друг от друга. В Германии, допустим, всякий человек, пытающийся помешать проведению разрешенных собраний и демонстраций и предпринимающий с этой целью насильственные действия или всего лишь навсего угрозы, — непременно наказуем. Как, впрочем, и тот, кто во время обще-

ственной акции сопротивляется или препятствует ее руководителю в правомерном осуществлении своих полномочий по поддержанию порядка. А если выясняется, что у него при себе оружие или иные предметы, которыми можно при желании нанести телесные повреждения, — суровой кары не избежать. Руководитель же, который отказывается допустить на массовое мероприятие полицейских, лишается свободы на срок до трех лет (в лучшем случае отделяется весьма крупным штрафом). Столь же жестким воздействиям подвергаются лица, призывающие во время тех или иных акций к насильственным действиям. Можно не сомневаться: по подстрекателям плачет тюрьма.

Во Франции и Великобритании организация несанкционированной демонстрации (а также активное участие в ней), ношение оружия в любом собрании или на публичном сборище тоже считается серьезным уголовным преступлением.

В Швеции нарушение общественного порядка, намерение использовать групповое насилие против власти, невыполнение распоряжения разойтись и вторжение без разрешения в охраняемый район грозит лишением свободы до 10 лет (в порядке исключения — солидным штрафом).

Не позавидуешь «самодеятельным», демонстрантам и в Японии: с ними особо не церемонятся.

А первым правовым актом, направленным на борьбу с массовыми волнениями, считается английский «Закон о предотвращении беспорядков и бунтарских собраний...», принятый в 1714 году. В соответствии с ним сотрудники правоохранительных органов приближались к бунтующим настолько близко, насколько возможно, после чего старший громко произносил следующую фразу: «Наш суверенный король приказывает всем лицам, участвующим в сборище, немедленно разойтись и мирным образом отправиться в места проживания или работы». Отказ подчиниться приравнивался к тяжкому преступлению. А спустя два с лишним столетия в английском законе об общественном порядке записали: «Если 12 или более собравшихся вместе лиц незаконно применяют или угрожают применить насилие с какой-либо общей целью и поведение их (вместе взятых) таково, что присутствующий в данном месте человек, обладающий в разумной степени твердостью духа, испытал бы страх за свою личную безопасность, то каждое из этих лиц... виновно в массовых беспорядках». Судебное преследование осуществляется на основании обвинительного акта Королевской службы обвинения; наказание — тюремное заключение сроком до 10 лет или штраф.

В США то же преступление влечет за собой штраф до 10 тысяч долларов или срок до 5 лет тюрьмы (впрочем, случается, применяют то и другое одновременно). Понимая под «публичными беспорядками» любые нарушения общественного спокойствия, связанные с

«совершением акта насилия группой из трех или более лиц, который вызывает непосредственную опасность или приводит к ущербу или причинению повреждений по отношению к не принадлежащей им собственности или другому лицу», закон тем не менее оговаривает, что совершаемые в устной и письменной форме «защита идей» или «выражение взглядов», не сопровождаемые призывами к насилию, не могут рассматриваться как «подстрекательство к публичным беспорядкам или бунтам».

Юридическая практика США богата многочисленными примерами применения строгих мер к участникам массовых выступлений (в том числе и на политической основе), чему способствует обширная правовая база, например такие законы, как «О восстании и мятеже, направленных против интересов США», (10 тысяч долларов штрафа, до 10 лет тюрьмы или то и другое одновременно), «О нападении на государственных служащих правоохранительных органов (их штатных сотрудников или лиц, привлеченных к этой работе), оказании им сопротивления, совершении действий, препятствующих осуществлению их функций» (5 тысяч долларов или 3 года тюрьмы без применения оружия и, соответственно, 10 тысяч долларов или 10 лет — с применением), «О нанесении умышленного ущерба или грабеже собственности федерального правительства», (10 тысяч долларов или год тюрьмы), «Об уничтожении принадлежащих правительству моторизованных средств, использующихся для локализации публичных беспорядков», (10 тысяч долларов или 20 лет тюремного заключения), «О незаконном владении или использовании взрывчатых веществ», (10 тысяч долларов или 10 лет тюрьмы). Да действующий в нашей стране хотя бы половина этих правовых актов, безусловно, количество правонарушений многократно бы сократилось.

НЕСОМНЕННЫЙ ИНТЕРЕС представляют и появившиеся сравнительно недавно в законодательстве некоторых стран нормы, конкретно определяющие контрмеры полиции во время массовых акций. В Италии, например, демонстрантам запрещено «принимать участие в публичных мероприятиях, проходящих в общественных местах, в защитных шлемах или с лицом, закрытым полностью либо частично любым средством с целью затруднить опознание личности». Если уж выступаешь против закона — то «с открытым забралом», и никак иначе. Всякий человек, просто поднесший руку к лицу, может быть обвинен в попытке «затруднить опознание личности», и подвергнут судебному преследованию.

На борьбу с массовыми волнениями населения, гражданскими беспорядками непосредственно направлено и чрезвычайное законодательство зарубежных стран, предусматривающее введение промежуточного

между военным и обычной обстановкой положения. В США в период беспорядков ограничивают передвижение людей, продажу огнестрельного оружия, боеприпасов, спиртных напитков, требуют закрытия бензоколонок, дабы не допустить изготовления зажигательных средств на бензиновой основе. И, естественно, вводят комендантский час.

В Германии, Великобритании и Франции в случае опасности, угрожающей основам демократического строя, объявляется чрезвычайное положение. Одновременно значительно расширяются полномочия административного и карательного аппарата: отменяются или приостанавливаются основные конституционные права и свободы граждан (личной неприкосновенности и неприкосновенности жилища, тайны переписки, свободы слова, печати, информации, собраний, демонстраций, забастовок, общественных организаций, выбора места жительства и передвижения), для государственных органов легализуются беспрепятственные аресты, задержания, подслушивания телефонных разговоров, усиливаются уголовные и административно-полицейские репрессии, отменяются ограничения на применение вооруженными силами и полицией физических мер принуждения, сокращаются или ликвидируются возможности обжалования гражданами и общественными организациями незаконных действий государственных органов, резко сужается сфера судебного контроля, устанавливаются запретные зоны и районы усиленного полицейского режима. И немалый опыт учит — эти меры полностью оправдывают себя, ибо демократия — не стихия беззакония, а гуманное устройство общественных процессов и институтов и оптимальное управление ими.

**Полковник внутренней службы
Н. МЯСОЕДОВ.**

**Отдел научно-технической информации
ГИЦ МВД России.**

В БОЯХ ЗА НОВОРОССИЙСК

(Из записок фронтового корреспондента)

Член Союза журналистов полковник СЕМИОХИН Иван Степанович родился в 1916 г. на Орловщине. В 1940 г. окончил Харьковское военно-политическое училище. В период битвы за Кавказ был корреспондентом армейской газеты «Знамя Родины». После войны работал в военных периодических изданиях, в том числе с 1969 по 1974 г. был главным редактором журнала «На боевом посту». Сегодня мы публикуем воспоминания ветерана войны и журналистики, посвященные 50-летию освобождения Новороссийска от немецко-фашистских захватчиков.

В ОКТЯБРЕ 1943 года завершилась битва за Кавказ. Войска Северо-Кавказского фронта и Черноморский флот разгромили немецко-фашистскую группировку, создавшую на участке от Новороссийска до Азовского моря сильно укрепленную и глубоко эшелонированную оборону, названную Голубой линией. В состав 18-й армии входил 290-й отдельный стрелковый полк войск НКВД, принимавший активное участие в оборонительных и наступательных боях. Мне, тогда корреспонденту армейской газеты «Знамя Родины», приходилось часто бывать в боевых порядках воинов этого полка, писать об их исключительной стойкости и мужестве в борьбе с сильным и коварным противником. То, что я увидел и пережил вместе с ними, оставило неизгладимый след в моей памяти...

Десант на Мысхако

СТРЕМЯСЬ дотянуться до бакинской нефти, гитлеровское командование создало мощную опорную базу в Новороссийске и сильно укрепило его пригородный район. Однако 4 февраля 1943 года, несмотря на ожесточенное сопротивление противника, десант моряков под командованием майора Ц. Куникова сумел высадиться у рыбацкого поселка Станичка и захватить плацдарм южнее Новороссийска, названный бойцами Малой землей. Это создавало серьезную угрозу гитлеровцам с фланга и мешало их флоту использовать в своих интересах Цемесскую бухту. Гитлер приказал утопить советский десант в море. Разгорелась ожесточенная битва, не затухавшая в продолжение 7 месяцев. Днем и ночью при поддержке авиации и артиллерии танки и пехота противника атаковали захваченный советскими войсками плацдарм, чтобы сбросить морских десантников в Черное море. Но ни в феврале, ни в марте этого сделать не удалось. Тогда германское командование приняло решение подготовить и в апреле провести операцию под кодовым названием «Нептун». Цель — нанести мощный удар в центр плацдарма, расщепить, а затем уничтожить группировку наших войск, высадившихся на Мысхако.

17 апреля 1943 года началось вражеское наступление. Ценой больших потерь гитлеровцам удалось вклиниться в оборону наших частей. Особенно тяжелая обстановка сло-

жилась на стыке 8-й и 51-й стрелковых бригад. Весь день на этом участке шеляростный бой. С каждой атакой фашисты наращивали силу удара. Создавалась реальная угроза гибели десанта и потери Малой земли. Командование 18-й армии вынуждено было пустить в ход резервы. В ночь на 22 апреля на плацдарм был переправлен 290-й стрелковый полк войск НКВД под командованием подполковника И. Пискарева.

Из доклада командования 290-го полка заместителю начальника внутренних войск НКВД СССР.

... С момента получения нового приказа 21.4.43 полк вышел из состава 1-й особой дивизии НКВД — в оперативное подчинение 18-й армии и 22.4.43 был выброшен морским десантом на полуостров Мысхако.

24 апреля высадившийся полк атаковал вклинившегося в оборону десантников врага. Под сильным артиллерийским, минометным и ружейно-пулеметным огнем подчиненные подполковника Пискарева прорвали передний край обороны гитлеровцев, уничтожив и подавив несколько дотов, блиндажей и огневых точек противника. Но из-за наступающей темноты и понесенных потерь полк дальше продвигаться не смог и окопался на достигнутом рубеже, сдерживая контратаки врага.

Через четыре дня пискаревцы вновь перешли в наступление. Преодолев упорное сопротивление немцев, полк к середине дня 30 апреля восстановил передний край нашей обороны, занимаемой войсками десантной группировки до 17 апреля.

Из доклада командования 290-го полка заместителю начальника внутренних войск НКВД СССР.

В момент непосредственно боевых действий на Мысхако... полк поставленную боевую задачу по ликвидации образовавшейся брешли... выполнил. Таким образом, полк ликвидировал создавшуюся опасную обстановку для всей десантной группы и всего Мысхако.

Бои, которые в течение этой недели вел на Малой земле 290-й полк, проходили у меня на глазах. Перед началом контр наступления наших частей я и мой товарищ по газете

Сергей Борзенко (впоследствии Герой Советского Союза) обратился к начальнику политотдела управления десантными войсками полковнику И. Рыжову с просьбой сказать, где развернется самое важное для малоземельцев сражение. Он нам ответил, что это произойдет в полосе наступления прибывшего на плацдарм полка войск НКВД. Впрочем, мы и сами догадывались: раз в бой бросят воинов внутренних войск, то это неспроста. О них уже шла добрая молва по всем фронтам Великой Отечественной. Так и вышло.

Атака пискаревцев была мощной и стремительной. В моем блокноте сохранились записи о том, как действовали бойцы и командиры 290-го.

"24 апреля 1943 г. в 18.00 полк атаковал гитлеровцев на участке прорыва. Немцы встретили наших мощным огнем. Продвигаясь вперед, чекисты несут потери, но боевой настрой их по-прежнему высок. Оказавшимся в глубине обороны гитлеровцев некоторым подразделениям приходится действовать в полном или частичном окружении."

"Уже стемнело, но бой продолжается. Наши дерутся как львы. Политрук Нагорнов вывел роту из огневого мешка, лично подорвал немецкий дот гранатами. Старший сержант Сергеев, будучи раненным в бедро, продолжает вести огонь из пулемета. На его счету уже более десятка уничтоженных вражеских солдат. Сергеев — просто герой. Он оставил пулемет только после того, как был вторично ранен в обе руки."

"Старшина Золотов первым ворвался на передний край противника и из снайперской винтовки уничтожил 8 гитлеровцев. Во время боя был ранен в обе ноги, но при отправке в тыл просил Пискарева: „Не отправляйте меня в госпиталь, а положите в оборону, хотя бы по охране штаба".

Во время боев на Малой земле полк уничтожил 218 солдат и офицеров противника, 4 минометные батареи, 3 тяжелых и 3 легких

пулемета, 6 ручных пулеметов, подавил несколько огневых точек противника. Но и наши потери были немалыми. 88 бойцов и командиров остались лежать в земле Мысхако, 213 получили ранения.

В мае на захваченном у противника плацдарме была создана прочная оборона, и летом 1943 года командование 18-й армии дало указание о поэтапном выводе некоторых частей, в том числе и 290-го полка, в тыл для пополнения и подготовки к штурму Новороссийска. Начинаясь новая героическая страница в летописи части.

Час возмездия

ОТДАТЬ Новороссийск для гитлеровцев означало потерять Таманский полуостров. Поэтому город был превращен ими в неприступную крепость. Тысячи тонн цемента лучших марок новороссийских заводов использовались захватчиками на строительство толсто-стенных бетонных укреплений. Командование 18-й армии понимало, что о лобовом ударе с суши не могло быть и речи. В этом случае войска понесли бы невосполнимые потери. Решено было провести операцию с трех направлений: одновременно атаковать город из района цементного завода, с Малой земли и силами морского десанта, который предполагалось высадить непосредственно в Новороссийском порту. По замыслу командования это должно было стать для гитлеровцев полной неожиданностью.

Морской десант делился на три отряда. Во второй отряд входили 393-й отдельный батальон морской пехоты и 290-й стрелковый полк войск НКВД. Им предстояло высадиться в порту на участке от пристани Старо-пассажирская до пристани Лесная, удерживая часть сил захваченные пристани, в дальнейшем овладеть районом железнодорожного вокзала, выйти на северо-западную окраину предместья Мефодиевского.

Группа офицеров 290-го полка. В первом ряду в центре — Герой Советского Союза полковник И. В. Пискарев. Фото из фондов Центрального архива ВВ МВД России.

883

Когда десантные отряды вышли на исходную позицию, по сигналу командующего армией грянул залп гвардейских минометов, возвестивший о начале артиллерийской подготовки на участках высадки морского десанта. Одновременно авиация и торпедные катера нанесли удары по береговым укреплениям врага.

Артиллерийская подготовка и атака с воздуха были для гитлеровцев внезапными и на некоторое время ошеломили противника. Однако, опомнившись, он все же встретил десантные отряды плотным огнем береговых батарей. В полном составе полку не удалось высадиться — не хватило плавсредств, часть из которых врагу удалось уничтожить. Оставшиеся на берегу подразделения 290-го полка были сведены в отряд и под командованием начальника штаба полка майора А. Лысенко стали пробиваться в город с суши.

Ушедший с Пискаревым десант высадился на Нефтеналивную и Элеваторную пристани. Первыми в бой вступили 2-я рота старшего лейтенанта В. Жукова и штурмовая группа лейтенанта Б. Огородникова. Огородников со своими бойцами выбил противника с Элеваторной пристани и организовал прием десантников с катеров, вплотную подошедших к причалу. Рота Жукова устремилась на опорные пункты немцев, расположенные на набережной, и овладела пятью дотами и двумя зданиями, в которых оборонялись подразделения 18-й портовой команды противника.

За время уличных боев на участке 290-го полка гитлеровцы не раз переходили в контратаки, стараясь сбросить воинов в море, но кроме собственных потерь, ничего не имели. Враги использовали танки, штурмовые орудия "фердинанд", но и это им не помогло.

Из трехамбразурного дота фашисты простреливали весь причал фланговым огнем. За толстой цементированной стеной они чувствовали себя в полной безопасности. Тогда бойцы залпом ударили по амбразурам из противотанковых ружей. Заговорили минометы. Их огонь корректировал сам командир полка. Фашисты были вынуждены оставить опорный пункт.

Стремительная атака в направлении элеватора оказалась успешной. Десантники ворвались на его территорию. Все элеваторные постройки враг приспособил к обороне. Каждое здание приходилось брать штурмом. Пробиваясь к элеватору, старший сержант В. Лошаков заметил, что к одному из блиндажей протянуто несколько телефонных проводов. По сигналу командира полка десантники забросали блиндаж гранатами и ворвались в него. Василий Лошаков автоматной очередью сразил офицера, а его подчиненные расстреляли в упор немецких солдат. Командный пункт гитлеровцев на набережной был разгромлен.

Противник, перейдя в контратаку, попытался окружить пискаревцев. Немцы наступали силами до батальона пехоты при поддержке танков и артиллерии. Но потеснить отважных десантников им не удалось.

Подчиненные Пискарева оттянули на себя значительную часть сил противника, предназначенных для нанесения удара по отрядам морских пехотинцев, штурмующих вражеские укрепления в порту и на городских улицах.

В это время отряд майора А. Лысенко, пробиваясь на соединение с основными силами полка, вел кровопролитные уличные бои. Чтобы сдержать продвижение наших частей, немецкое командование обрушило на них

массированный огонь тяжелой артиллерии и шестиствольных минометов, бросало в бой последние резервы. Враг на каждую атаку отвечал контратакой. Ожесточенные схватки не один раз достигали предельного накала. В критический момент одной из таких схваток рядовой Юнаковский подполз к амбразуре вражеского дзота, через которую фашисты вели шквальный огонь из пулемета. Улучив момент, схватил ствол пулемета и вырвал оружие из рук ошеломленного гитлеровца, а затем забросал дзот гранатами.

Прорываясь к порту, Лысенко не имел связи с полком, так как у Пискарева была выведена из строя рация. В отряде начштаба начали думать, что полк вместе с командиром погиб во время высадки десанта. Но когда утром 15 сентября у Пискарева заработала рация и он узнал, что вдоль берега прокладывают путь в город другие подразделения его полка, то незамедлительно связался с Лысенко. Оба отряда разделяло расстояние в триста метров. Ударами с двух сторон они сумели сломить сопротивление врага и соединились.

В ночь на 16 сентября наши атакующие подразделения прорвали фашистскую оборону и устремились на соединение с частями, наступающими со стороны Мефодиевского. Я находился в боевых порядках малоземельцев и хорошо помню, с какой радостью бросились навстречу друг другу провавшие с двух сторон вражескую оборону наши бойцы. На глазах у многих из них блеснули слезы. Здесь я по счастливой случайности увидел Борю Мильявского — корреспондента нашей газеты. Оказалось, что он высадился с десантом подполковника Пискарева и пришел в город вместе с войсками, наступающими из порта.

Утром 16 сентября войска 18-й армии во взаимодействии с Черноморским флотом и 4-й воздушной армией полностью освободили порт и город Новороссийск. В эту славную победу внесли свой вклад и воины 290-го стрелкового полка внутренних войск НКВД, показав образцы воинской доблести и героизма, железной стойкости.

Награды Родины

Родина высоко оценила героизм, боевое мастерство участников Новороссийской операции. Тысячи солдат, матросов, сержантов, старшин и офицеров были награждены орденами и медалями. Наиболее отличившимся в боях было присвоено звание Героя Советского Союза. Этой высшей награды удостоился и командир 290-го полка подполковник И. Пискарев. Приказом Верховного Главнокомандования войскам Северо-Кавказского фронта и Черноморского флота от 16 сентября 1943 г. соединениям и частям, отличившимся при штурме Новороссийска, в том числе и 290-му полку НКВД, было присвоено наименование Новороссийских и объявлена благодарность. За мужество и отвагу, проявленные в боях на Малой земле и при штурме Новороссийска, 665 военнослужащих 290-го полка внутренних войск награждены орденами и медалями.

... 50 лет минуло с той поры. Но и мы, и наши потомки должны всегда помнить о том, какой невероятной ценой удалось отстоять свободу и независимость нашей Родины в борьбе с германским фашизмом. Неувядаема слава российского солдата, не забываем его подвиг.

Полковник в отставке И. СЕМИОХИН.

ЖАНДАРМСКИЙ КОРПУС РОССИИ

В нашей некогда идеологизированной истории слово жандарм являлось синонимом туповатого полицейского Держиморды из голеговского "Ревизора". Российским блюстителям порядка и "благочиния", приклеили ярлык сатрапов, цепных псов самодержавия, жестоких душителей свободомыслия...

Но так ли было на самом деле? И кто они, эти пресловутые жандармы, так горячо нелюбимые революционными демократами и советскими историками?

В Военной энциклопедии, изданной в Петербурге в 1912 году, французское словосочетание *gens d'armes* переводится как "всадник, закованный в железо". Буквальный перевод звучит так — человек (или люди) с оружием. Позже жандармерией стала называться полиция с военной организацией и дисциплиной.

... В средние века, когда французские короли вели беспрестанные войны с многочисленными врагами, из среды рыцарей выделялись наиболее храбрые и преданные "закованные в железо" воины, составившие королевскую гвардию (жандармерию). Попутно им приходилось выполнять функции современной военной полиции — наводить порядок в разлагавшихся от жестокости и кровью войсках.

К концу XVIII века в армиях ряда европейских государств создаются специальные жандармские воинские подразделения. Их основной задачей становится военно-полицейская служба — поддержание твердого порядка среди военных.

В российской армии жандармы впервые появились после Отечественной войны 1812 года в период заграничных походов. В армии-победительнице стала хромать дисциплина. И тогда главнокомандующий генерал-фельдмаршал М. Б. Барклай-де-Толли для поддержания порядка в армейских рядах берет на вооружение опыт своего противника. Специальным распоряжением он предписывает "избрать в каждом кавалерийском полку по одному благонадежному офицеру и по пять рядовых, на коих возложить наблюдение за порядком на марше, на бивуаках и кантонир-квартирах, отвод раненых во время сражений на перевязочные пункты, поимку мародеров и т. п."

Эти кавалеристов назвали жандармами и в порядке выполнения ими своих новых обязанностей подчинили командирам корпусов. Но такое двойное подчинение ставило жандармов в зависимость от своих полковых командиров, зачастую скрывавших правонарушения от высокого начальства из-за нежелания "выносить сор из избы".

От новшества пришлось вскоре отказаться, а выполнение военно-полицейских обязанностей в армии возложить на Борисоглебский драгунский полк, переименованный в жандармский. Для несения полицейской службы в армии полк рассредоточивается: три его эскадрона распределяются небольшими отрядами по всем кавалерийским

и пехотным корпусам. Еще три — прикомандировываются к главной квартире, т. е. месту пребывания главнокомандующего, и исполняют по его личному указанию.

Особое внимание уделялось комплектованию жандармского полка. Из кавалерийских частей сюда откомандировывались подготовленные во всех отношениях нижние чины, "исключительно расторопные, отличного поведения и... способные исполнять военно-полицейскую службу, требующую особых качеств".

Содействие же гражданским властям в обеспечении "законного, порядка в городах, населенных пунктах и других местностях оказывали специальные драгунские команды, входившие в состав Отдельного корпуса внутренней стражи. В феврале 1817 года эти мобильные полувоенные-полуполицейские силы реформируются. В столичных, губернских городах и главных морских портах на базе драгунских команд формируются конные жандармские дивизионы и команды. По-прежнему оставаясь в подчинении командующих округов внутренней стражи, подразделения жандармов привлекаются для "усмирения неповиновения властям и буйства", по требованию обер-полицеймейстеров несут службу по "охранению тишины и спокойствия", в местах своего расквартирования.

Толчком к укреплению и централизации управления жандармскими частями и подразделениями явилось восстание декабристов. Царствование Николая I началось с кровопролития на Сенатской площади. Военный мятеж декабристов настоятельно потребовал нового жесткого самодержавия. Не доверяя министрам и ведомствам, он сосредоточил решение большинства государственных дел в своей личной канцелярии. Вскоре эта чрезмерно разросшаяся бюрократическая "кантора", получает статус учреждения и становится высшим органом государственного управления.

Собственная Его Императорского Величества канцелярия — высшее государственное учреждение — разделилась на несколько отделений, подотчетных только царю. Особое место заняло Третье отделение, преобразованное "высочайшим" указом от 3 июля 1826 года из особой канцелярии Министерства внутренних дел. Основой для его создания послужила докладная записка государю генерала А. Х. Бенкендорфа "Проект об устройстве высшей полиции".

Третье отделение получило весьма широкую компетенцию: организация политического сыска и следствия; наблюдение за общественными деятелями, революционными организациями, литераторами, иностранцами; "открытие" должностных махинаций государственных чиновников; борьба с фальшивомонетничеством, подделкой ценных бумаг и печатей и многое другое. Сюда стекались вся полицейская статистика, сведения о стихийных бедствиях, эпидемиях и т. д.

Но все же основная задача Третьего отделения и приданных ему жандармов была кратко и предельно четко сформулирована в одном из первых докладов "о действиях, императору: "... безопасность престола и спокойствие государства...", а также слезение "... за общим мнением и толками насчет правительства...".

"Главнoначальствующим, над Третьим отделением Николай I поставил идейного вдохновителя создания тайной политической полиции генерал-адъютанта А. Х. Бенкендорфа. Двумя неделями раньше он был утвержден и шефом жандармов. Таким образом руководство высшей полиции полностью сосредоточивалось в одних руках.

"Всесильный и жестокий прибалтийский барон, личный друг Николая I... — такими неслестными эпитетами наградили некогда первого шефа жандармов составители наших учебников истории. Мнение это бытует и до сей поры. Но справедливо ли оно?..

Александр Христофорович Бенкендорф — личность в истории России далеко не заурядная — высокообразованный генерал с мышлением государственного деятеля. Подтверждается это и его многочисленными обязанностями. Одновременно с заведованием безопасностью империи он являлся командующим императорской главной квартирой (ставкой), членом Государственного совета, Комитета министров и комитетов по управлению Сибирью и Закавказьем. Принимал участие в подготовке "высочайших, указов и постановлений, определявших внутреннюю и внешнюю политику государства. Энергии и всесторонней эрудиции шефа жандармов многие из нынешних государственных деятелей могли бы только позавидовать.

Родился будущий глава высшего полицейского ведомства в 1783 году — в период "мудраго, правления Екатерины Великой, окружавшей себя людьми достойными и образованными. Его отец — Христофор Иванович, прибалтийский барон, генерал от инфантерии, посвятивший себя ревностному служению России, в последние годы жизни занимал пост рижского военного генерал-губернатора. Он и сыну привил любовь к военной службе, которую Александр начал в пятнадцать лет. Бенкендорф-младший участвует во многих сражениях. Но особенно отличился начальник 1-й кирасирской дивизии генерал-лейтенант Бенкендорф в Отечественной войне 1812 года. Командуя авангардом в отряде Винценгероде, он показал себя умелым военачальником и храбрым кавалеристом. К тридцати шести годам он уже генерал-адъютант и начальник штаба Гвардейского корпуса. Так что его назначение шефом жандармов было не случайным. Вот что, например, писал Александр Христофорович в своих записках о назначении на высокий государственный пост: "Государь избрал меня для образования высшей полиции, которая бы покровительствовала утесненным и наблюдала бы за злоумышлениями и людьми, к ним склонными..".

Исполнительным органом Третьего отделения становится корпус жандармов со своими учреждениями на местах. Это была своеобразная организация, состоявшая как из строевых жандармских подразделений, организованных по армейскому образцу, так и из территориальных органов полицейского характера. Корпус отличали жесткая централизация (никакого подчинения местным властям), военная субординация и дисциплина.

Структура нового полицейского органа тоже приближалась к военной. Территория империи делилась на пять округов (позже их число увеличили до восьми). Возглавили их окружные жандармские генералы, которым предоставили права начальников дивизий.

Сфера деятельности каждого округа распространялась на несколько губерний, находившихся в ведении жандармских штаб-офицеров. При окружных генералах и губернских

Николай I

штаб-офицерах создавались небольшие управленческие структуры со штатом чиновников и писарей. Руководство служебной деятельностью жандармов осуществлял сам шеф через штаб корпуса. Назначение, перемещение, награждение и увольнение высших жандармских чинов производилось приказами по военному ведомству.

Говоря о причинах создания корпуса жандармов, нельзя не привести характерные строки из исторической записки, подготовленной в честь его 25-летнего юбилея: "Его Императорское Величество (Николай I. — Н. С.) придал этому новому учреждению собственный свой характер: строгость против всякого важного преступления, великодушие в отношении поступков почему-либо извинительных, снисхождение к неизбежным слабостям человеческого и милости на все заслуживающее похвалы или награды..".

Первоначально основной заботой жандармских чинов являлось наблюдение, а попросту слежка за декабристами, влияние их сторонников, связей, степени влияния идей заговорщиков на общественное мнение. Но вскоре Бенкендорф, проанализировав результаты негласного наблюдения, делает любопытный вывод, о чем и докладывает царю: "... Число дерзких, намерившихся в превратном образе мыслей своих изменить государственный порядок, было не более, как горсть людей в обширном населении... империи..".

Сообщение главы тайной полиции успокоило Николая I и послужило причиной для принятия мер по облегчению участи мятежников: одних освободили, другим разрешили "вольное житье", в городах Сибири, третьим сократили сроки каторги.

А жандармы переключаются на другие дела. В августе 1826 года они выявляют в Москве преступную группу корумпированных чиновников. Губернский обер-секретарь Спасский, уездный судья Тверитинов и секретарь управы благочиния (полицейский орган. — Н. С.) Кумов за крупные взятки вершили дела в пользу тех, кто больше даст. Известные московскими жандармами в ликование, они полностью признали свою вину. Кара за неблагоприятные дела была скорой:

лишение всех чинов, привилегий и предание суду...

Осенью того же года жандармских агентов заинтересовал большой поток иностранных товаров, разрешенных к продаже на внутреннем рынке одним и тем же таможенным клеймом. При сличении оттисков с подлинной печатью обнаружили подделку. Агенты вышли на двух крупных контрабандистов, жителей приграничного местечка Устилуг Вольнской губернии Абрама Ройтенберга и Лейзера Голзанта. При обыске у них были найдены фальшивые печати устилугской таможни, которыми и клеймили переправленные через границу без уплаты пошлины товары. Хитромудрые коммерсанты прятали эти печати в молитвенных торбочках, в которых набожные евреи хранят тефилины — ритуальные предметы и записки «с десятью заповедями»...

Постепенно одной из важнейших обязанностей жандармских чинов становится «наблюдательная», т.е. агентурная, деятель-

Генерал А. Х. Бенкендорф.

ность. Причем эта задача возлагается не только на территориальные органы, но и на командиров строевых жандармских частей. В одном из приказов по корпусу Бенкендорф предложил им «доносить с первой почтой обо всех происшествиях, случившихся как во вверенных им частях, так и в местах квартирования, а также о всех примечательных фактах, о которых они узнают, причем те сведения, которые заслуживают особого внимания, посылать в конвертах с надписью «В собственные руки».

Канцелярии окружных генералов и губернских штаб-офицеров начинают обращаться своей агентурной сетью — доносителями. Сюда также стекается официальная информация, направляемая полицией и другими учреждениями. Политическая благонадежность в армейской среде тоже входит в компетенцию ведомств Бенкендорфа. В крупных воинские штабы он направляет жандармских офицеров для контроля за умонастроениями среди военных.

Но все же жандармы, «действуя правдоушно», сосредоточивают основные усилия на искоренении должностных преступлений среди государственных чиновников. К направляемому в губернии сенаторам для производства ревизий периферийных органов управления прикомандировывались жандармские офицеры. Участвуя в проверках дея-

тельности местных чиновников, они зачастую «открывали истину и там, где губернские следователи затмевали ее».

Уже первые дела, успешно завершенные жандармскими чинами, вызвали ропот среди недоброжелателей их деятельности: не возрождается ли прежняя, наводившая ужас Тайная канцелярия с ее «словом и делом»? Но Бенкендорф отвечает все необоснованные, на его взгляд, обвинения в адрес своего ведомства и заявляет, что «к жандармам питают нерасположение те, которые имеют причины опасаться справедливого взгляда на дела их...».

К новому этапу реформирования структур жандармского корпуса подтолкнуло восстание в Польше (1830 — 1831 гг.). Повстанцы ставили своей конечной целью освобождение от гнета российского самодержавия. Вот какую любопытную трактовку причин мятежа мы находим в докладах шефа жандармов на «высочайшее имя». Бенкендорф, руководствуясь агентурными данными, однозначно утверждал, что искрой, от которой вспыхнул «приготовлявшийся бунт», явились «праздные шляхтичи», которые «вместо того, чтобы наслаждаться счастьем под скипетром российских государей... обольщали себя мечтами о возможности образовать из Польши государство отдельное».

После подавления восстания многие его руководители бежали за границу и, создав там всевозможные комитеты и тайные общества, развернули активную антироссийскую деятельность. Подключили к этому и падкую до сенсаций европейскую прессу. В различных изданиях стали появляться многочисленные статьи о жестокости и дикости русского самодержавия. Их авторы не стеснялись использовать и факты явно клеветнического характера.

Бенкендорф незамедлительно принимает контрмеры. В Царстве Польском создает жандармский округ, а в Варшаве — конножандармский дивизион. За границу — в Германию и Францию — инкогнито командировать «специальные чиновники» (агенты) Третьего отделения, имевшие журналистские навыки. Их задача — помещать в зарубежные газеты и журналы статьи с опровержением «измышлений», западных литераторов о России. Результаты работы секретных агентов превзошли все ожидания. Давая оценку их скромной деятельности на ниве журналистики, шеф жандармов с удовлетворением докладывал государю: «Сами иностранцы убедились, что соотечественники их изображают Россию в ложном виде, и клеветы не производили больше прежнего действия...».

Совершенствование деятельности корпуса жандармов вскоре приносит положительные результаты: резко идет на убыль число преступлений как уголовного, так и политического характера. Любопытна статистика Министрства внутренних дел более чем полутрастовой давности: если за 1827 год полиции было заведено свыше 35000 дел, то в 1833-м — всего лишь 17052 дела. За шесть лет преступность сократилась более чем в два раза.

В жандармской практике встречались и довольно курьезные случаи. Так, в 1834 году в Москве была разоблачена группа студентов университета, принятая вначале за серьезных заговорщиков. В ходе следствия выяснилось, что молодые люди собирались по вечерам на одной из квартир и под гитару «пели пасквильные стихи и дерзко отзывались насчет правительства...».

А в городе Кролевце жандармам пришлось усмирять разбушевавшегося князя Мещерского. «Их сиятельство», изволил буйнить в местном театре. Находившийся там при исполнении обязанностей нижний жандармский чин вежливо предложил ему покинуть помещение и не мешать представлению. Разгневанный князь ударил жандарма тростью по голове и оторвал эполет. Невзирая

на высокий титул, суд приговорил Мещерского "за буйство, и оскорбление жандарма к тюремному заключению..."

В 1836 году Бенкендорф выходит с инициативой о передаче в полное его подчинение находившихся в составе Отдельного корпуса внутренней стражи жандармских дивизионов и команд. В деле укрепления и расширения жандармского корпуса он находит понимание и поддержку военного министра.

Шеф жандармов входит во вкус. За счет военного ведомств он решает и кадровые вопросы. По согласованию с военным министром в жандармерию из армии откомандировываются лучшие нижние чины, во главе дивизионов и команд ставятся прекрасные кавалерийские офицеры. Нарушители же дисциплины за малейший проступок были "тотчас удаляемы, из корпуса для дальнейшего прохождения службы в армии или увольнялись "вовсе."

Отбор на службу в жандармский корпус был очень строгим. Брали сюда далеко не каждого. Жандармский офицер должен был быть высокообразованным человеком и безупречно прослужить несколько лет в армии или гвардии. "Дух чести и бескорыстия, — отмечалось в одном из докладов главы высшей полиции, — вселен в нижних чинах Корпуса жандармов не менее, как и в офицерах."

Император Николай I высоко ценил деятельность Бенкендорфа по "охранению, престолу и безопасности государства. Он произвел шефа жандармов в графское достоинство и пожаловал чин генерала от кавалерии.

В 1844 году, после смерти Бенкендорфа, кресло шефа высшей полиции занял гвардейский генерал князь А. Ф. Орлов, родной брат декабриста генерал-майора М. Ф. Орлова. Наши историки и ему приклеили ярлык "ловкого и жестокого царедворца". А начальником штаба корпуса долгие годы (1831 — 1856) был "умный и хитрый деятель жандармерии, а также крайний реакционер, генерал Л. В. Дубельт. Если следовать подобной логике, то окажется, что в окружении русских царей не было ни одной светлой личности..."

Одним из первых широко известных дел, успешно проведенных жандармами под руководством князя Орлова, явилось "дело петрашевцев". Не вдаваясь в подробности, остановимся только на некоторых фактах известного процесса. Высокопоставленный чиновник Министерства иностранных дел М. В. Буташевич-Петрашевский попал в поле зрения Третьего отделения из-за того, что, создав кружок из единомышленников, "передавал им испорченность своих мыслей..."

Петрашевский являлся достаточно образованным для своего времени человеком: воспитывался в Царскосельском лицее, позже стал кандидатом права. Добившись высокого положения в обществе, этот "поборник передовых идей" и "пламенный патриот" решил выступить в роли "потрясателя, России."

Агенты Третьего отделения в течение года следили за антиправительственной организацией и собирали сведения о ее деятельности. Наконец в апреле 1849 года было получено "высочайшее повеление, на арест сорока семи заговорщиков. Только двадцать три из них предстали перед судом. В качестве свидетелей привлекалось свыше ста человек. Самых активных заговорщиков приговорили к расстрелу. Среди них были сам М. В. Буташевич-Петрашевский, дворянин Н. А. Спешнев, армейские поручики Н. А. Момбелли (Монбелли) и Н. П. Григорьев. Однако высшую меру заменили различными сроками каторги, направлением в арестантские роты и в действующие войска на Кавказ.

Докладывая царю о результатах расследования "дела петрашевцев", шеф жандармов князь Орлов охарактеризовал руководителя

заговора как человека, "склонного к безнравственным поступкам, которого чтение иностранных книг совершенно лишило... здравого смысла..."

После отмены в 1861 году крепостного права пришлось реформировать и полицейские структуры. 9 сентября 1867 года Александр II утвердил Положение об Отдельном корпусе жандармов. Согласно этому "высочайшему" документу управление корпусом осуществлял лично шеф жандармов: по строевой части — через штаб, а по "наблюдательной, — через Третье отделение. Произошли серьезные изменения и в структуре корпуса. Вместо округов создаются губернские жандармские управления, основной задачей которых становится производство розыска и ведение следствия по политическим и особо опасным государственным преступлениям. Для более эффективной работы в этом направлении при жандармских управлениях действует так называемый "наблюдательный состав", конфиденциально именуемый как "дополнительный штат", а попросту — агентура. Жандармские округа сохраняются только в Польше, Сибири и на Кавказе.

По мере строительства и сдачи в эксплуатацию железных дорог создаются жандармско-полицейские управления в отделениях на крупных станциях. В их компетенцию входит "охранение внешнего порядка, благочиния и общественной безопасности в районах железных дорог."

Жандармские дивизионы и команды, наряду с выполнением задач чисто полицейского характера, привлекаются "для охранения порядка, на военных парадах, ярмарках, народных гуляньях и даже на "всякого рода публичных съездах."

Произошли изменения и в армейских жандармских подразделениях. Вместо расформированного полка при штабах корпусов создаются жандармские эскадроны. Появилась и своя гвардия. Для поддержания порядка в Гвардейском корпусе формируется лейб-гвардии жандармский полускадрон.

На армейских жандармов возлагалась военно-полицейская служба при войсках. А именно: надзор и поддержание порядка среди нижних чинов; надзор за маркитантами; пресечение незаконной торговли спиртными напитками в местах расположения войск, контроль за качеством и свежестью продаваемых съестных припасов; задержание и выдворение публичных женщин и лиц, занимавшихся незаконной торговлей; арест нижних чинов, самовольно покинувших свои части, нетрезвых, производящих беспорядки, не по форме или неряшливо одетых и т. п.

Работа всех без исключения жандармских чинов являлась весьма шекотливой и зачастую неблагоприятной. Далеко не каждому нравилось, когда открывались их неблагоприятные дела и поступки.

Борьба с "инакомыслием", развивавшимся революционным движением, осуществление театральной и литературной цензуры не вызывали рукоплесканий просвещенной российской интеллигенции. На жандармов начинают смотреть как на фискалов, душиателей и стукачей.

Совершенно справедливо отмечал генерал Орлов, что "жандармы должны за всем смотреть и не быть явными полицейскими чиновниками, обо всем доносить и не заслужить названия шпионов и доносчиков, преследовать всякое преступление и не входить ни с кем ни в малейшую вражду, не укрывать злоупотреблений даже начальствующих лиц и в то же время оставаться в полном подчинении им..."

Что из сказанного когда-то шефом жандармов можно опровергнуть?

Подполковник Н. СЫСОЕВ.

(Окончание следует)

НЕУЖЕЛИ ПРОПЬЕМ ДЕРЖАВУ?!

Аргументы и факты Федора УГЛОВА

Выдающийся хирург Федор Григорьевич Углов использует все возможности в борьбе за жизнь, здоровье и нравственное совершенствование людей. Он автор не только многих блестяще проведенных операций, но и интересных книг "Сердце хирурга", "В плену иллюзий", "Человек среди людей", которые лечат в самом прямом смысле этого слова и тело, и душу человека. Через все, даже узкоспециальные работы академика Углова красной нитью проходит мысль: "Жить красиво — это значит никогда, ни при каких обстоятельствах не потерять своего человеческого достоинства".

Он искренне хочет красивой жизни не только для себя и своих близких, но и для всех россиян. Именно это и заставило его, человека, абсолютно чуждого корыстных устремлений, активно включиться в антиалкогольную кампанию и участвовать в ней... до сих пор.

Академик Углов убежден: борьба с "зеленым змием", была и есть для России жизненно необходима, ее надо продолжать всем миром, всем народом. И Федор Григорьевич продолжает это многотрудное дело — борется. Он не желает прислушиваться к тем аргументам и фактам, которые, по его глубокому убеждению, способствуют спаиванию русского народа, приводит свои — куда более веские — доводы.

С них-то и начался разговор нашего внештатного корреспондента Д. КОРОЛЕВА с академиком Академии медицинских наук России, лауреатом Ленинской премии профессором Ф. УГЛОВЫМ.

— Федор Григорьевич, в статье "Цена лидера в валюте", опубликованной многомиллионными "Аргументами и фактами", говорится: "...Известно, например, что инициаторы антиалкогольной кампании нанесли только непосредственного ущерба бюджету на 40 миллиардов рублей, а совокупные потери в несколько раз больше".

— Такое безответственное заявление, не подкрепленное никакими данными, одностороннее, тенденциозное, не делает чести ни автору статьи Б. Сергееву, ни газете, поместившей ее на своих страницах. Почему Сергеев так беззастенчиво и нагло обрушивается на трезвость, видно из последнего абзаца статьи: "По некоторым оценкам, вокруг границ ходит около 350 миллиардов долларов свободных средств, могущих быть вложенными в нашу экономику при наличии благоприятных условий".

Речь, думаю, надо вести не о каких-то мифических долларах, которые "ходят вокруг границ", (само выражение это как бы предполагает их скорое вторжение), а о совершенно конкретных миллиардах рублей бывшей и нынешней теневой экономики, что находятся внутри страны и ждут благоприятных условий, чтобы на них можно было все скупить и тем самым полностью разорить наш многострадальный народ. А уж более "благоприятные", условия, чем алкоголизация народа, для этих дельцов вряд ли можно

придумать. Вторжение началось: бесчисленные "комки", заставленные разноцветным дорогим пойлом, реки спирта (нередко фальсифицированного, ядовитого), самопальные водки, настойки и наливки, вина-суррогаты...

Вот почему Сергеев в своей статье похода и нектасты, но с лютой ненавистью отзываясь об антиалкогольной кампании, не стыдясь, прибегает к беспардонной лжи, которая граничит с примитивной нелепостью. Но вывод делает правильный: безудержное пьянство, которое было до и после антиалкогольной кампании, — самое "благоприятное", условие для реализации далеко идущих зловещих планов — выкачать у пьяного народа во много раз больше вложенных теневых денег.

Отмечу то, чего не стал делать автор, и сообщу о тех "потерях", которые нанес нам период относительного отрезвления страны в 1985—1987 годах.

Мы действительно в двенадцатую пятилетку недобрали за алкоголь 37 миллиардов рублей. Это приблизительно соответствует "годовой норме", за которую народу приходится расплачиваться целым миллионом (!) жизней. Недопив алкоголя на 37 миллиардов, мы сохранили миллион жизней. Не это ли Сергеев относит к "совокупным потерям"?

Что же касается денежного вопроса, то Сергеев как экономист должен был бы знать, что за период с 1985 по 1987 год в сберегательные кассы было внесено на 45 миллиардов рублей больше, чем обычно. Кроме того, в тот период мы ежегодно продавали продуктов дополнительно на четыре с половиной миллиарда рублей, на 59 процентов больше продавалось безалкогольных напитков и минеральных вод, производительность труда повышалась ежегодно на один процент, что соответствовало девяти миллиардам рублей. Прогулы снизились в промышленности на 36 процентов, а в строительстве — на 34 (одна минута прогула по стране стоила 4 миллиона рублей). Если все это учесть, то окажется, что прибыль от трезвости в 3—4 раза превышает алкогольный "недобор".

Как врач я могу еще привести данные, свидетельствующие о значительном оздоровлении нации в те годы. В 1985—1987 годах продолжительность жизни мужчин выросла на 2,6 года (сегодня бойкая реклама утверждает, что потребление импортных фруктовых соков продлит вашу жизнь аж на шесть лет, да только кто может себе позволить такую роскошь — покупать их по бешеным ценам). Численность населения увеличилась в тот период: в год рождалось на 500 тысяч человек больше, чем в среднем в предыдущие 10 лет. И умирало на 200 тысяч человек в год меньше.

— Так почему же борьба с пьянством сошла на нет и хлынула новая волна алкоголя?

— Qui prodest? — Кому выгодно? — вот какой вопрос следует задать. И ответ найти не так уж сложно. Алкогольная мафия, от уличных торговцев до самых верхних эшелонов, сколачивает капитал самым аморальным спосо-

бом, спаивая народ, ведя его к вырождению.

Эта-то братия и объединилась, потеряв после принятых государством мер процентов сорок доходов, с партийными чиновниками, многие из которых сами пили до посинения. Принятые на высшем уровне постановления выполнялись так, чтобы дискредитировать разумную идею, чтобы вызвать противоположный эффект.

Никак не могу взять в толк, почему средства массовой информации, всегда послушные и обычно дружно поддерживающие любую партийную кампанию, в то время словно воды (или вина?) в рот набрали. А если и откликнулись, то в основном смакованием всякого рода нелепостей и глупостей, которые допускали переусердствовавшие исполнители постановления и указа. Сколько крокодильевых слез пролил "выдающийся", публицист-аграрник Юрий Черниченко над "уничтожаемой", виноградной лозой в то время, когда надо было сократить производство технических сортов, идущих на вино. Но ни одной слезинки он не пролил по поводу исчезновения из продажи соков, лимонада, кваса — теперь и их предприимчивые коммерсанты завозят из-за моря. В общем, полуправда, подтасовка фактов и прямая ложь — все использовалось для срыва отрезвительских настроений. И алкомафия добила своего.

— Вас, Федор Григорьевич, называют отцом-вдохнителем антиалкогольной кампании наряду с Егором Лигачевым...

— Я, убежденный сторонник трезвого образа жизни вне зависимости от смены власти, рассматриваю проблему и с медицинской точки зрения, и с нравственных позиций российского патриота.

Что касается Лигачева, то он недавно дал интервью газете "Чарка" (несомненно, и ее издатели во главу угла поставили деньги). Так вот, гвоздевой материал номера был у них под заголовком "Пьет ли Лигачев?". Егор Кузьмич, которому, кстати, я писал о необходимости продолжения антиалкогольной работы, так ответил журналистам: "Дело не в том, пьет ли Лигачев. Плохо, что пьет страна. Недаром английская "Таймс" считает, что "решение российских властей отпустить цены на водку и вина является политическим самоубийством для страны, где экономические и иные трудности вызывают массовое желание утопить их в вине". И завершается та беседа тоже на категоричной ноте: "Сегодня страна вышла на очередной круг всеобщей алкоголизации. Пьянство вновь вернулось не только на улицы, но и на рабочие места. Как ни крути, все обязаны сказать: „Егор, ты был прав!“".

— В общем, как я понял, бурно начинавшаяся под флагом КПСС антиалкогольная кампания быстро увяла, свернула не туда, зашла в тупик. Теперь же, похоже, взяты другие ориентиры — востро восхваляется "цивилизованный", Запад, пропагандируется культурпитейство, рекламируются напитки с экзотически-

ми названиями — “Амаретто”, “Чинзано”, “Мартини”,...

— Да Запад-то давно уже понял, что такое алкоголизм. Мало того, что они нам сплавляют свои запасы всякой отравы, еще и на “патриотических” чувствах россиян научились играть — вслед за “самой чистой в мире” водкой “Смирнофф”, появились бутылки разного калибра, но одинаковой убойной силы: “Орлов”, “Распутин”, “Горбачев”, даже “Ельцин”. И смех и грех!

Апологеты пьянства утверждают, что люди пьют якобы из-за общественного неблагополучия. Это очередная ложь. Все совсем наоборот. Наше общественное неблагополучие, несправедливость, безразличность, коррупция, преступность — все это из-за повального пьянства. Говорят еще, что пьянство процветает из-за низкой культуры народа. Опять ложь! В старой безграмотной России в 1913 году среди мужчин было 46 процентов трезвенников, среди женщин — 90 процентов, среди юношей — 95 процентов. О каком же росте культуры можно говорить, если сегодня уровень потребления спиртного (в переводе на чистый спирт) на душу населения в 6–7, а кое-где и в 10 раз превышает тот, что был в царское время? Кто будет бороться с социальной несправедливостью? Кто будет обогащать и развивать национальную культуру? Кто будет передавать опыт и знания предков (не опыт культурпитейства) будущим поколениям? Сливающийся, ничего не соображающий с утра до вечера народ?!

Итак, кому выгодно? Ответ, короткий и красноречивый, дала еще Екатерина II, которая изрекла, что пьяным народом легче управлять. Вот и весь сказ! Дело сегодня дошло до полного маразма. Носители “нового мышления”, ликвидировали государственную монополию на изготовление и продажу алкоголя, при которой этот пагубный процесс хоть как-то можно было держать под контролем. Потом, спохватившись, стали пытаться отработать задний ход. “Новое мышление”, обернулось безумием: продажу винно-водочных изделий уже монополизировала мафия. Мы, врачи, не можем закупить за рубежом лекарства, а на страну обрушивается водопад импортного алкоголя. Последняя и самая заметная диверсия Запада против России — завоз спирта-сырца под названием “Рояль”, в котором столько остаточных сивушных масел, что он действует в десятки раз разрушительнее этилового спирта. И, по-моему, именно этот “король”, добьет наш многострадальный народ.

И экспансия продолжается. В последние 15 лет на импорт спиртного расходуется в год больше валюты, чем на медицинское оборудование. В 1984 году, например, на оплату импорта спиртного не хватило даже выручки от всего экспорта легковых автомобилей, которых было вывезено за рубеж 265,5 тысячи. В 1989 году на те средства, что были истрачены на покупку за границей алкоголя, можно было приобрести 511 тысяч цветных телевизоров и 612 тысяч единиц бытовой видеотехники. А ведь кто-то делает огромные барыши на спаивании соотечественников.

— Федор Григорьевич, вы сказали, что около половины русских мужчин и подавляющее большинство женщин и юношей прежде вовсе не пили спиртного. Тем не менее за Россией прочно закрепилось звание “пьяной страны”. В то же время во Франции, где вино, говорят, дешевле минеральной воды, пьяных вроде бы и вовсе нет. Как это понимать?

— И здесь пишущая братия все перевернула с ног на голову. Когда я говорю о трезвенниках в дореволюционной России, то имею в виду именно тех, кто ни капли вина не пригубил. Другие же выпивали в основной массе по большим престольным праздникам, то есть два, три, четыре раза в году. Поскольку пили преимущественно водку, то хмелели быстро и потому пьяных враз появлялось много на улицах, что и создавало России славу “пьяной”. На самом же деле до 1960 года душевое потребление алкоголя — основной и самый точный показатель — в течение веков было ниже среднемирового уровня и значительно уступало подобным показателям Франции, Италии и других винопроизводящих стран, хотя там почти не встречаются пьяные на улицах.

А что касается “непьяняющей”, Франции, то ее истинные патриоты всерьез обеспокоены вырождением своей нации, так как, по их данным, из десяти новорожденных только один ребенок появляется на свет здоровым. Вот вам и умеренное винопитие.

Давно пора понять, что и табак, и алкоголь — те же наркотики, подрывающие здоровье народа, и распространить на них закон о защите населения от наркомании. Ни много ни мало — 1700 наших российских врачей обратились с письмом об этом в Верховный Совет России, разослали его в демократические газеты. Реакции — никакой.

— Наша беседа будет опубликована в военном журнале. Может быть, вы, Федор Григорьевич, скажете что-нибудь именно для читателей в погонах? А то ведь зачастую тема ваших исследований воспринимается как-то отстраненно от проблем сегодняшней армии?

— Трезвость народа, как в зеркале, отражалась на армии. Русская армия всегда отличалась в этом вопросе от других армий мира, а такие полководцы, как Суворов, Скобелев, Брусилов, очень строго придерживались принципа трезвости в армии, потому и отличались их подчиненные высокой дисциплиной и умением побеждать.

Описания же гусарских, офицерских попок, которые можно встретить в художественной литературе, касаются относительно небольшого контингента военных из аристократических семей, и то в мирное время.

При любых военных или близких к ним ситуациях в армии воцарялась трезвая атмосфера в духе высокой требовательности к себе и к подчиненным. Что касается последних, особенно рядовых и младшего командного состава, то в их рядах трезвость поддерживалась очень строго, не только в военное, но и в мирное время.

О том, что трезвость в русской армии существовала на всех уровнях, говорит, в частности, приказ по военному ведомству N 309 от 22 мая 1914 года: "Государь-император в своих непрестанных заботах о благе армии, дабы оградить ее от признанных опытом и наукой вредных последствий употребления спиртных напитков и охранить в ней вящую силу, здоровье и трезвость духа, столь необходимые для боевитости как в мирное, так и в военное время, высочайше повелевать соизволил: принять к неуклонному исполнению прилагаемые к сему „Меры против употребления спиртных напитков“. А не против злоупотребления, как везде и всюду говорится в наше время! Это самый важный, самый принципиальный вопрос, ибо борьба со злоупотреблением есть не что иное, как поощрение употребления алкоголя, то есть насаждение пьянства.

В первые годы Советской власти в Красной Армии так же категорически запрещалось потребление спиртного в любом виде. Нарком здравоохранения Н. А. Семашко писал: "Трезвость является чрезвычайно важным условием боеготовности армии вообще, Красной Армии в особенности.."

— Стало быть, кроме политического аспекта проблемы, ее нравственной стороны, надо особо подчеркнуть ее военно-прикладное значение?

— Конечно! Хорошо известно, что алкоголь даже в малых дозах чреват тяжелыми последствиями, в особенности для военнослужащих, связанных с эксплуатацией военной техники.

По отзывам крупных военачальников, употребление алкоголя в армии во время Великой Отечественной войны ("наркомовские 100 граммов") стоило нашей стране дополнительно жизни сотен тысяч воинов. Солдаты рассказывали мне в госпитале не раз, что "пьяный офицер заставляет идти в атаку прямо под шквальный пулеметный огонь, при возражении вытаскивает пистолет и требует идти на верную смерть.."

Техническое оснащение Вооруженных Сил ныне неизмеримо возросло, и сейчас идет речь о полном воздержании от алкоголя при работе с современной техникой, требующей при эксплуатации мгновенной реакции, работы самых "тонких" участков головного мозга.

Научно доказано, что прием 4—15 граммов алкоголя нарушает точность восприятия и контроль над чувствами. Человеку кажется, что он видит лучше, а практика показывает обратное, он считает, что соображает быстрее, а между тем этот процесс замедляется и т. д. Кроме того, надо учитывать, что действие алкоголя на мозг, а следовательно, на чувствительность и на реакции сохраняется на 18—20 дней, то есть человек считает, что он давно трезвый, а мозг остается в угнетенном состоянии.

Это понимают многие руководители армий. Например, сотрудники Стенфордского университета, проводя эксперименты на летном имитаторе противолодочного самолета Р-36, установили, что "эффект по-

хмелья" (после полного исчезновения алкоголя в крови, когда сами летчики и контрольные приборы не показывали наркотическую опасность) замедляет реакцию и восприятие реальной обстановки на 30 процентов. Не удивительно, что только у 7,5 процента из 5853 погибших в 1968—1985 годах летчиков содержание в крови алкоголя превысило "допустимую" норму.

Подобные и другие исследования заставили Пентагон начать широкое наступление на пьянство среди военнослужащих. С июня 1985 года (т. е. через месяц после опубликования указа о борьбе с пьянством и алкоголизмом в нашей стране) приказом министра обороны США запрещено употребление алкоголя военнослужащими в возрасте до 21 года, не допускается распитие спиртного, в том числе пива, в казармах и на службе.

Трезвость, подчеркивают многие командиры и специалисты по идеологической и психологической обработке, является главным критерием боеспособности вооруженных сил США.

О положении в нашей стране писал полковник в отставке писатель Ю. Пащенко: "Священный всю свою жизнь со службой в Советской Армии (40 лет в рядах Вооруженных Сил СССР), я прекрасно понимаю пагубность алкоголя и никотина для боеготовности. Если быть откровенным, то за годы службы я практически не встречал непьющих офицеров. Разумеется, подавляющее большинство офицеров не злоупотребляет спиртным, но... любое потребление этого наркотического средства вредит службе.."

Совершенно ясно, что армия, которая является детищем, плотью от плоти своего народа, не может не отражать в себе состояние общества. Поэтому каждый патриот, болеющий за свою страну, должен понимать, что трезвая страна будет иметь и трезвую армию. И наоборот.

Наша армия вместе со всем советским народом отстояла свою страну во времена фашистского нашествия. Что славянам обещал Гитлер? Никаких прививок, никакой гигиены — только водку и табак! А что сделали сегодня самым доступным для народа? Только водку и табак!

— Федор Григорьевич, о вреде пьянства, как и о пагубном влиянии табака, писали и говорили достаточно много всегда, а сегодня, когда все чаще рассуждают о "цивилизованности" нашего общества, чаще уповают на сознательность каждого человека...

— Поэтому я обращаюсь всегда, когда представляется возможность, в том числе и в сегодняшней беседе, к тем россиянам, кто еще способен соображать: объединимся против алкогольного геноцида, задумаемся сами и остановим соотечественников. Беда пришла на Землю Русскую. Страшная беда. Неужели пропьет Россию?!

Юрий СЕМЕНОВ

КОМАНДИРОВКА В НЕИЗВЕСТНОСТЬ

ПОВЕСТЬ

1

СОЙДЯ В Жвирке с поезда и направляясь к зданию вокзала, Сухарь решил перекусить в буфете. Он взял себе почти все, что имелось на витрине. Устроившись в уголке за столом, начал есть, поглядывая на входную дверь и думая о том, что ничуть бы не удивился, если бы вдруг увидел прилипалу Пал Пальча с его бегающими глазами.

Антон Тимофеевич обратил внимание на сидевшего напротив крупного, с благодушным, улыбчивым лицом парня, который, вяло пожевывая, смотрел на него так, будто хотел заговорить. И Сухарь дал понять, что заметил это.

— Подждал вас на перроне, боялся проглядеть, — не помедлил с ответом сосед и, нагнувшись пониже над столом, добавил: — Шевчук Александр Агафонович. Я от В. В., Антон Тимофеевич.

Сухарь в ответ никак не среагировал, продолжая есть, и лишь потом сказал:

— Идите за мной, как сверну в проход между домами, шагайте туда и вы.

Одно не давало покоя Антону Тимофеевичу: «Как руководство узнало, что я должен приехать на поезде? Ведь мог не объявиться вообще или притопать из леса с другой стороны.»

Шевчук все объяснил просто:

— Мы поджидали вас, когда вернетесь сюда после встречи с нашим человеком в лесу. Вы же сказали ему, что будете в Жвирке дня через три. Мой напарник, лейтенант Карпенко, сопровождал вас в Яворов, а несколько часов назад сообщил по телефону, что вы едете в Жвирку. Оставалось не проглядеть на перроне.

— Молодцы! — от души похвалил Сухарь и уточнил: — Выходит, Карпенко засек и дом, в котором я был?

— Ну а как же, Антон Тимофеевич?! У нас даже задание — в случае чего успеть помочь вам. Во Львове четко наблюдают за вашим передвижением.

— Вы разве не из Волинского управления госбезопасности? — уловил очевидную новость Сухарь.

— Нет, мы львовяне.

— Очень приятно. — Сухарь остановился в тихом, неприметном закутке у высокого штакетника и, пригласив Шевчука присесть, сразу заговорил о деле: — Доложите у себя, Александр Агафонович, что встреча у меня состоялась на постое центрального эсбиста Комара. Его фамилия Дербаш. На схище у него связная, высоченная женщина. Теперь запомните: финансового референта Горбуна убрали по приказу Комара. Подозревается и Хмурый, тень на него бросил Горбун. В связи с этим Комар, как он проговорился, вызвал Хмурого срочно к себе. Подчеркиваю, чем закончится у них разговор, трудно сказать. Если Комар захочет расправиться, то наверняка сделает это не у себя. Вы все поняли, Александр Агафонович?

— Понял, — коротко ответил Шевчук.

— Руководство решит, что с ними делать. Но при этом надо учесть

еще одно обстоятельство. Комар направляет меня под Мюнхен, в заграничный центр ОУН, дает личное поручение разобраться со связями убитого Горбуна. Подробнее я опишу и завтра к открытию буфета принесу на вокзал. Постарайтесь встретить меня в дверях, могу быть не один. Ориентируемся по ходу. Прошу руководство учитывать, решая судьбу Комара, как это может отразиться на моей дальнейшей «карьере». И санкционируется ли моя «командировка» в Германию? Вот это надо решить прежде всего, так как меня могут сопроводить к переходу границы в Польшу уже завтра. Какие будут задания? Словом, нужно, чтобы к утру все для меня стало ясно. Так что немедленно отправляйтесь в Луцк к замначуправления Киричуку, он все решит.

...Около трех часов Шевчук добрался на машине до Луцка. Столько же времени ему требовалось на обратный путь. Выходило, прикинул Александр Агафонович, в распоряжении оставалось не больше пяти часов. Терять нельзя было ни минуты. Слишком важные решения за эти короткие ночные часы предстояло принять руководству госбезопасности на Волыни и, вероятнее всего, получить на них добро из Киева. Поэтому, достигнув Горохова, Шевчук предусмотрительно забежал в горотдел МГБ, и удача сопутствовала ему: он моментально связался с Киричуком по телефону, предупредил о срочном приезде.

Однако Шевчук зря тревожился за малость оставшегося времени. Выслушав его, Василий Васильевич столбцом набросал на листе бумаги: «1. Мюнхен, командировка. 2. Легенда Сухаря. 3. Комар — Хмурый. 4. Погрешности». И не стал больше заниматься с измотанным бессонницей оперработником, а отвел его в свободный кабинет, указав рукой на диван:

— Ложитесь и спите, через три часа подъем.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ министра госбезопасности Украины Михаил Степанович Поперека оказался в Киеве. Шифровка особой срочности из Луцка застала его дома, в постели — спящим. В ней говорилось:

«Комар направляет Сухаря — новый оуновский псевдоним его Молоток — переходом границы Мюнхен в ЗЧ (заграничная часть) головного провода ОУН выполнения задания центрального эсбиста. Срок неизвестен. Уход за кордон возможен любое время. Прошу санкционировать загранкомандировку Сухаря учитывая легенду его пребывания в лагере перемещенных лиц американской зоне. Настораживает вероятность проверки на месте службой безопасности, что чревато возможностью провала. Другие данные и соображения по Комару и Хмурому докладываются обычным порядком. Киричук».

Поперека надулся, кашлянул, слегка выпятил губы, прикидывая в уме возможную опасность для Сухаря, когда тот окажется на территории западной зоны оккупации Германии. Угроза поначалу представлялась Михаилу Степановичу достаточно серьезной. Бандеровской службе безопасности ничего не стоило навести справки в лагере перемещенных лиц, где по легенде находился Сухарь после войны и откуда якобы отправился к себе на родину, чтобы выявить фальшивку.

Но постойте, в легенде не обговаривался конкретный лагерь перемещенных лиц в американской зоне Западной Германии. А их там за последний год прекратили свое существование не меньше десятка! Именно один из них следовало выбрать и подсказать Сухарю для «дополнения биографии».

С этой мыслью Поперека оделся и не мешкая отправился к себе в министерство. Он не мог не помнить, как головной бандеровский эсбист Ярема со своим помощником Упырем уничтожили накануне почти всю чекистскую связь в ЗЧ.

Юрий Иванович Семенов родился в 1924 году. Со школьной скамьи добровольцем ушел на фронт. Воевал под Ленинградом, а после окончания военно-морского училища командовал взводом морской пехоты на знаменитом полуострове Рыбачий, в тылу врага, в Заполярье. Награжден орденами Отечественной войны I степени и Красной Звезды. В послевоенные годы он работал в контрразведке, учился в Литературном институте им. А.М. Горького, писал повести и рассказы о виденном и пережитом.

Широкую известность получила его повесть «Комиссар госбезопасности», а роман «Тропа обреченных», вышедший в воениздатовской серии «Военные приключения», был удостоен литературной премии КГБ СССР за 1989 год.

Предлагаемая вашему вниманию повесть «Командировка в неизвестность», имеет в своей основе реальные события конца сороковых годов — борьбу органов безопасности Украины с буржуазно-националистическим подпольем.

Вероятнее всего, Комар послал Сухаря в Мюнхен к Яреме или к ближайшим его сподвижникам, что само по себе предполагало чистоту внедрения Сухаря к оуновцам.

Приехав в министерство, генерал сразу распорядился соединить его с Луцком. Без вступления спросил Киричука:

— Когда рассчитываете повидать «загранкомандированного», Василий Васильевич?

— Утром. Он может оказаться не один.

— Он что, сам высказал беспокойство по легенде?

— Нет, это мое опасение. Он просил только санкции.

— Выходит, уверенность у него есть, как и желание дальнейшей работы за кордоном. Не надо забывать, что он перед войной учился в Польше, думаю, достаточно потерся в абверовской разведывательной школе. Это его козыри. Считаю, опрометчивого решения он не примет. Так что риск оправдан.

Киричук согласно промолчал. А Поперека дал последний совет:

— Постарайтесь сами встретиться с Молотком, Василий Васильевич. Подметьте: в его легенде единственное уязвимое место — лагерь перемещенных лиц. Пусть называет Ингольштадт в Баварии. Запишите, это на юге западной Германии. Лагерь там уже закрыт, а его территорию занял соседний нефтеперерабатывающий завод, который, кстати сказать, отравляет воды Дуная. Так как записали городок, где был лагерь?

— Ин-голь-ш-та-дт.

— Покажите ему на карте, если представится возможность. Бараки лагеря снесены, территория изрыта котлованами под фундаментами, туда эсбисты его не повезут для уточнения деталей.

— Вы говорите так, будто вчера только оттуда, товарищ генерал, — не сдержал удивления Киричук.

— Бывать не бывал, а запомнил... Скажите ему еще о том, что даже головной эсбист Ярема к архивной картотеке лагеря доступа не имеет. Это важно. Однако они могут навести справки через английскую или американскую разведку, которой в свою очередь потребуются обратиться... Но не будем морочить голову. У нас есть информация из Мюнхена. Передайте, связь у него там в случае задержки будет. Это его ободрит. Пароль для связи обговорите. Что еще? Да, вы, конечно, не знаете, где намечен переход границы. Позаботьтесь обеспечить.

...Шифровка от Попереки пришла расторопнее, чем ожидал Киричук, поэтому ему пришлось разбудить Шевчука до обещанного срока.

— Поедем в Жвиру вместе, — сообщил Шевчуку Василий Васильевич и заметил просветление на лице львовянина. Вымученный за последние дни, Александр Агафонович охотно уступал сложное посредничество с Сухарем его руководителю.

Киричуку предстоящая встреча пред-

ставлялась в двух вариантах. Но все оказалось куда проще.

— Александр Агафонович, последите за тылом, мы в закуток с Василием Васильевичем, за газетной каморкой, — энергично распорядился поджидавший их Сухарь и увлек Киричука в сумрачный коридор мимо закрытого еще буфета.

Беседа заняла не больше пяти минут, в которые вместились и пересказ разговора с Поперекой, и пароль для связи, и уточнение легенды.

— Ценно, что возможна связь, — оживился Антон Тимофеевич. — Скорее всего, сегодня вечером отправимся с Пал Палычем, моим прицепистым наблюдальщиком. Вы бы посадили в наш вагон Шевчука: будете знать, где сойдем, и пограничникам дадите знать, чтоб не мешали.

— Исполним! — заверил Киричук.

2

НОЯБРЬ шел на спад. Солнце едва угадывалось в зябко оплывшем свинцовом небе, по которому ошалело неслись на восток лохмы растерзанных низовых туч. Там, в недалекой выси, ветер буйствовал с размахом и озорством. Влажный студенящий воздух, приправленный преловатым духом увядшей осени, к ночи тяжелел, примораживая запахи и обостряя звуки.

Весь ночной путь к пограничной полосе, большей частью по краю леса, четко различимому на фоне холодного мрачного неба, Антон Тимофеевич старался не отставать от легкого на ногу Пал Палыча, но, частенько налетая то на коряги, то на кусты, отрывался от него и затем с поспешностью нагонял, ориентируясь по шуршанию веток о брезентовый плащ провожатого.

— Можно и перевести дух, за бугром наша фатера. — Пал Палыч извлек из кармана часы, взглянул на время и снова ринулся вперед. Но тут же сбавил шаг у мостка с сучковатым перильцем через протоку, а на противоположном берегу, различив контуры крыш, пошел вразвалочку, будто бы заважничав, и Сухарь понял, что добрались до цели раньше назначенного времени.

Впереди гулко гавкнула собака, а следом за ней звонко залилась другая, видать, молоденькая. Остановившись не стали, шли напрямиком на собачий лай, который не враз стих под напористым мужским голосом.

Хозяин ни о чем не спросил, только заглянул в лицо одному, потом другому пришельцу, поднялся на крыльцо, позвав: «Пошли!». В хату заходить не стали. Невысокий, обросший щетиной дядька в сенях зажег лампу и застыл в вопросительном ожидании.

— Давай удочки, — заторпил его Пал Палыч и поинтересовался: — Ограждение заново опутали? И выше будто бы, так, нет?

Из чулана донеслось в ответ:

— И вдоль, и крест-накрест зашнуровали. Но тебе-то что, не ток же пропустили, не ударит.

— Чего возишься, давай снасть, проверю. — Пал Палыч взял из рук хозяина пучок двухвершковых обрезков, через которые была продернута крепкая английская бечева.

Поначалу Сухарь и в самом деле принял бамбуковины за сборные удилища. Но Пал Палыч сдернул с пучка чехол, ухватился за узловатые концы бечевы, живо потряс ими из стороны в сторону, давая разобратся и рассыпаться обрезкам, на лету подхватил верхнюю пару, потянул бечеву на себя, и бамбуковая лестница сразу распрямилась.

Сухарь заметил в середине ее два небольших и крепких крюка, вспомнил только что услышанное "крюки накидывать измучаешься".

— Я тут рейку с вырезом изготовил, на-ко возьми, швырять не надо, приспособь в пазу крюки и навешивай на верхний ряд колючки. — Хозяин протянул Пал Палычу обыкновенную оструганную, с прорезью на конце палку метра на полтора. Тот искренне похвалил его находчивость, ловко собрал лестницу в пучок и, соблюдая суеверную привычку, серьезно и мягко предложил Сухарю: — Присядем на удачу.

Антон Тимофеевич охотно присел на оказавшийся рядом сундук. И только теперь екнуло у него сердце: обратно шагнет он нескорю. Впереди — смутная, опасная и непредсказуемая жизнь в чуждом мире.

Они встали одновременно. Ни суеты, ни поспешности в поведении своих провожатых Сухарь не уловил. Подлаживаясь к ним, он старался шагать осторожно, пригибаясь из-за своего высокого роста круче других. Тропа шла извилисто, как и ручей, вдоль которого они все ближе подбирались к контрольно-следовой полосе и высокому ограждению из колючей проволоки.

Как только поравнялись с ним, сопровождающий наводчик быстро надул три кислородные подушки, с привычной размеренностью уложил их поперек контрольно-следовой полосы, чтобы пройти и не оставить на взбороненной, слегка пристывшей земле следов. Затем он вернулся, взял из рук Пал Палыча приготовленную и переломленную пополам сборную лестницу, живо построил крюки в паз своей жерди и, подойдя вплотную к ограждению, одним подскоком навесил их на верхнюю упругую проволоку возле столба.

Сухарь между тем надул две подушки поменьше, подцепил их на ремень позади себя. Он вчера еще трепетировал все, что теперь ему предстояло проделывать, потому с ходу, придерживаясь одной рукой за столб, а другой перебирая бамбуковые ступени, взобрался наверх, удачно перекинул свободную половину лестницы на противоположную сторону ограждения и не мешкая спустился по ней.

В ту же долгую студеную ночь, выбелившую поля хрупким инеем, Таиська плелась к Порфирьевке. Хвораая, вымученная чирьями, она упорно одолевала ухабистую дорогу в нетерпении увидеть Дашу, дочь свою, которой на этих днях исполнилось три года. Она расталась с ней около месяца назад в Смоленске, когда неожиданно получила для передачи Лукере — связанной Комара — три мотка пряжи, и тотчас срядилась в Яворов на Львовщину. В мотках скрывались "грипсы", (документы секретной переписки оуновцев), которые шли по прямому каналу связи службы безопасности от Рыси к Комару. Краевой эсбист спешно доносил своему зверьнику унылые вести, не догадываясь, что начинает терять его доверие. Не упоминалось в сводках и о взятом под подозрение в измене краевом проводнике Хмуром. Они оба еще не ведали о его аресте. Комар не без оснований счел Хмурого сбежавшим от кары, выжидал. Посланные им "придавить дыхло, предателю боевики обнаружат дом пустым. Решили, Хмурый где-то на переходе.

Глядя на худенькую темноволосую Таиську с большими, будто вопрошающими зелеными глазами — такими невинными и бесхитростными, — никак нельзя было подумать о ее тайной связи с оуновцами, о доверии к ней самого эсбиста Комара. Правда, он до последнего времени относился к Таиське брезгливо из-за перенесенной ею болезни, прозываемой в народе "собачьей старостью". Молодая женщина и сама стыдилась своих впадов, будто всосанных щек. Но в конце минувшего лета с ее лица сошла нездоровая теминка, постепенно оно стало обретать прежний вид.

С бабкой Василисой, или попросту Васькой, Таиська зналась охотно. Полная, благодушная и приветливая хозяйка вызывала у нее родственное расположение. При этом та умела держать язык за зубами. Оуновцы числили ее надежным "симпатиком", не пытались включить в свои ряды. Стара, видать, считали. Но как бы то ни было, ей целиком доверяли.

Таиське уже довелось пожить у нее на исходе прошлой зимы, когда сбежала со своим Фролом из Облапы, что под Ковелем. Активно сотрудничавший с бандеровцами плюгавенький ее муженек вынужден был уйти в подполье, захватив с собой жену и малую дочь. Так они оказались в Порфирьевке. Собственно, и не Таиськой звали ее тогда, а Полинкой. Это бабка Василиса прозвала Полю Таиськой за постоянное ее причитание в те дни: "О-хо-хо, таиська теперича". Обретенный псевдоним "Таиська", понравился и Фролу — отпугивало бандглаварю Гному — убитому недавно вместе с надрайонным проводником (руководитель боевок нескольких районов) Зубром.

Весть о гибели мужа застала Таиську в селе Милянчи на одном из пунктов эсбистского канала связи. Она ужаснулась подробностям лесной казни Зубра

и Гнома, порубленных чекистами, как втолковали ей. Пуще прежнего застрашилась Таисья энкаведистов — громил в ее представлении безжалостных, истажающих жертвы свои до смерти.

Но как ни боязно было угодить в руки НКВД, тем более нарушая заповедь оуновской конспирации никогда не сходить с обозначенного маршрута связи, да еще затоваренной «грипсами», материнская решимость оказалась сильнее женского страха.

Уже рассвело, когда Таисья вошла в Порфирьевку, отороченную с солнечного бока подсветленными дубками. Она печалилась, что не успела проникнуть в село затемно. В знакомом дворе возле подлеска усердно клевали зерно куры. Загрел цепью, заведя Таисью, лохматый большеголовый Тишка. Он ткнул лбом в ноги и тут же уступил дорогу. А гостью поскорее поднялась на крыльцо и скрылась в сенях.

— Святы родимые! — всплеснула обеими руками бабка Василиса и даже отступила, заведя на пороге глазомерно вопрошающую Таисью с кошелкой в синевшей и костлявой, как птичья лапка, руке.

Освободив от платка подбородок, незваная гостья спросила с настороженной надеждой:

— Даша моя, баба Василиса, доченька, у тебя?

— Слава Богу! Забирай ее и на потом ко мне, Христа ради, не шастай, — небывало отчужденно отрезала бабка Васья, по привычке выставляя на стол еду.

Таисья бросилась в спальню, поняв главное — дочь здесь. Целуя и тиская сонную Дашу, она все-таки совладала с собой и, отстраняя не успевшую окончательно проснуться девочку, обеспокоенная, вышла к бабке на кухню. Тут же боязливо уточнила:

— Мне сейчас уйти? И с Дашей?

— Нельзя тебе у меня, заберут. Не знаю, выскользнешь ли. И буду ли я завтра. Следят за хатой.

— Энкаведистов, я поняла, нет в селе.

Бабка Васья и вовсе рассердилась: — Ты что, глупа насквозь?! Не знаешь разве — они везде есть и кругом у них глаза и уши! Меня спрашивали, чье дитя. Сказала, племянницы. А ты за нее не сойдешь.

Сбросив с себя тонкое и старенькое пальтишко, Таисья осталась в ситцевом платье с коротким рукавом, обнажив на запястьях кровотокающие гнойные раны от фурункулов.

— Да ты проскожена до дыр. Куда прешься по холодине в тряпичной одежде? — запричитала старуха, открывая сундук.

— Мне бы столетничка росточек, баба Василиса, чтобы чирьи выветануть.

— Где же я его достану? Тебе дома сидеть надо, а не мотаться. Чирьи, коли они пошли, изведут. От них легко не избавишься. Давай-ка, надень мою кофту, потом отдашь. Забирай Дашку и с Богом исчезай. Я с вами пропадать и по сибирям мытариться не охочая.

Таисья растерянно смотрела на нее, не зная, что ответить.

— Я же не донесу ее... Да и нельзя мне, — не стала она уточнять, почему да отчего. Ее вдруг осенило: припугнуть изосторожничавшуюся бабку, не имеющую права отказать ей, обремененной секретной обязанностью, в помощи.

— Дашка бегает шустро, — живо отстранила жалостливый довод бабка Васья и заторопилась собрать узелок с едой.

Таисья попросила тряпицы перевязать руки, а когда это было сделано, надела шерстяную кофту, поверх натянула свое легкое пальто, накинула платок и твердым волевым голосом произнесла, будто рапорядилась:

— Даша побудет здесь еще трохи, позже возьму ее. А коли что с ней станется, с тебя спросится и пострашнее, чем могут энкаведисты. Чуешь? Береги ребенка!

Оторопело выслушав, бабка Васья не нашла что ответить. Таисья же, поняв, что убеждать хозяйку больше не требуется, положила приготовленную еду в кошелку и молча ушла за дверь.

ОТПРАВЛЯЯ «грипсы», Комару, краевой эсбист Рысь не мог догадываться о смертельной опасности, поджидающей Хмурого в оуновских верхах. Об этом знали всего лишь двое: Комар и Молоток.

Антон Тимофеевич оказывался вроде бы ни при чем, хотя именно он подобрал дезинформацию о предательски крамольных рассуждениях Хмурого насчет того, что прозвание «бандеровец», не только изжило себя, но и стало вредным, потому что воспринимается в народе как «бандит».

Преданный Хмурому эсбист обеспечил ему безопасный проход в Яворов и, прощаясь, предложил следующую встречу через неделю в Жвирке на постое у Влады, нюхом даже не чуя, что там произошло. Но краевой проводник не пожелал контактов на Львовщине — не любил он ее и не доверял тамошним людям. Порекомендовав Рыси вернуться на постой в Милянчи и продолжать заниматься своим делом, он пообещал на следующей неделе дать о себе знать. Но прошло полмесяца, а вестей не поступало. Нетерпеливый и подозрительный, как большинство эсбистов, Рысь обеспокоился. Слишком губительные для оуновцев события начали разворачиваться в западных областях Украины. Прежде всего на ум приходили порешенный топором надрайонный проводник Зубр, убитый главный референт по пропаганде Жога, казненный по сомнительному обвинению в измене эсбист Сова. А тут еще показательный суд над Кушаком и Хрисанфом, приговоренными к высшей мере наказания — расстрелу. Ощущение того, что и к нему тянется цепкая уничтожающая рука, сковывало, обостряя подозрительность Рыси. Он боялся убийственных новостей о Хмуром, сам не зная почему уверовал, что ненадолго переживет его. Краевой эсбист весь издергался в неведении,

опасаясь предпринимать решительные шаги в поиске Хмурого, клял связную Таиську, как будто от нее одной зависела какая-никакая весть о нем.

Не меньше Рыси всполошился в это же время Комар, ошарашенный вестью сожительницы Лукеры о странном исчезновении Хмурого вместе со своей связной. В его планы входило дать Хмурому спокойно уйти на постой, где и прикончить вместе со связной, либо позволить им уйти из Яворова, а потом накрыть их где-нибудь на переходе.

Негласно сопроводив обреченного краевого проводника до поста, боевики Комара и заподозрить не могли присутствия в хате чекистов, успевших арестовать связную Хмурого и терпеливо поджидавших его самого.

Боевики ворвались в опекаемый дом с темнотой. Двери ни снаружи в сенях, ни внутри не заперты. В комнате было аккуратно прибрано. И только вызвала недоумение валявшаяся возле кровати спутанная веревка: ею будто кого-то связывали. Но об этой детали незадачливые преследователи постарались поскорее забыть.

Не дослушав в гневе их рассказа о поиске беглецов, Комар неожиданно так двинул по скуле главаря боевки, что тот не устоял на ногах.

— Вон, ублюдки! Передушу!.. — орал Комар, заметавшись по комнате. Его угловатые скулы покрылись испариной, круто выпирая от злости. Лукера легонько придержала его сзади за плечи. Он брыкнулся, но тут же на глазах притих, вразумительно приказал: — Организуйте за той хатой присмотр на неделю. За моей — тоже. Особо, пожалуй, за моей пригляд неотрывный имейте. Явится кто, установите личность, берите под арест. Сам разберусь. Тут необходимо пресечь провал наперед. Докладную наблюдения заложите в тайник, Лукера укажет место. А теперь живо проверьте, чисто ли вокруг. Через пятнадцать минут доложите. Ни секундой позже!

Когда боевка ушла, Лукера без подсказки, видя, как распахивает по карманам бумаги и одновременно одевается ее обожаемый покровитель, живо набросила черный, с потертыми рукавами бархатный жакет и неуверенно заинтересовалась:

— Чекистов, думаешь, Хмурый навратит на тебя? Ты же ему ничего плохого не сделал.

— Нужны они ему, как кобелю намордник... Ты раньше сообразительней была. Наша боевка опоздала к нему — как бы его не подоспела к нам в самый раз.

— Ай, верно, дура я, колода! — хлопнула себя по щекам пухлыми ладошками Лукера. — Только чего нам пугаться сейчас-то, их к утру если ждать-то...

— Кончай балаболить! — незло одернул Комар. — Соберись путем, Таиське сигнал выставь, чтоб не завалилась сюда, пусть в тайник "грипсы" положит... Шевелись давай!

3

АРЕСТОВАННЫЙ и содержащийся во львовской тюрьме Хмурый не давал показаний. А они были очень нужны от него, как от одного из главарей верхнего эшелона ОУН на западе Украины. Как развязать ему язык? С этим вопросом начальник Львовского управления госбезопасности полковник Майструк обратился к Василию Васильевичу Киричуку, надеясь, что у того должен отыскаться в запасе какой-нибудь свой тонкий подход к бывшему краевому проводнику, которым непосредственно занимался на Волини больше полугода.

Киричук выехал во Львов. Он угадал возможность контакта с Хмурым. Однако за всю дорогу до Львова Василий Васильевич так и не решил, стоит ли раскрывать прожженному националисту суть участия чекистов в его компрометации. Он и не догадывался, насколько все далеко зашло. И как ни крути, а выходило, что сами же чекисты помогли ему в последнюю минуту, вызволив из могильной ловушки. Так, может быть, пусть сам рассудит: стоит ли дальше играть в молчанку.

С Майструком у Василия Васильевича предстояла уже третья встреча. Плотный, среднего роста, со строгим, непроницаемым лицом, малоразговорчивый полковник был замкнутым человеком. Приподнятый настрой, в котором Киричук пришел к нему первый раз, как-то сразу сошел, уступив сдержанному, строго деловому тону разговора. Во второй раз Василий Васильевич испытал от общения с Майструком даже некоторое отягощение после черствого, без живинки, обсуждения прикрития Сухаря и связанного с ним обеспечения проводимой операции. Потому, встретившись с ним через несколько дней вновь, Киричук только сухо и официально поздоровался, уточнив:

— Значит, Хмурый все так и молчит?

— Попробуйте сами с ним поработать, — предложил начальник управления.

— Добро, — согласился Киричук и тут же не столько спросил, сколько упрекнул: — Как же львовяне упустили Комара? Где его теперь искать?

— Закончу совещание, обсудим, — пообещал Майструк, еще более хмурясь.

...Александр Агафонович Шевчук освободил Киричуку место за столом, поправил телефонный аппарат, положил на стекло под руку несколько листов чистой бумаги и распорядился, чтобы привели Хмурого, который так и не назвал ни настоящей своей фамилии, ни имени и отчества.

Оуновец вошел неспешно, с напускным безразличием на усталом от бессонницы лице. Обритый наголо, без усов и бороды, он выглядел моложе, чем на фотографии, которую Киричук видел по весне.

Представившись Хмурому, Киричук попросил его назвать себя.

— Какая вам разница, — обрезал тот.
— Значит, есть... — продолжал Киричук. — Должен же я к вам как-то обращаться. Не по кличке же?

— А чем она плоха?... Зовите Иваном Ивановичем, как раз станет, отца у меня Иваном звали.

— Другое дело, Иван Иванович, — согласился Киричук. — Вы знаете, что мы, чекисты, вам жизнь спасли?

— Вы?! Спасли?! — повисил от удивления голос Хмурый. — Благодарители-гробовщики! Не в ноги ли вам поклониться?

— Зачем так-то, с иронией? Я вам правду говорю. Неужели вы не почувствовали у Комара близость своего бесславного конца?

— У Комара? Своего конца? Допустим... — мелькнула в глазах Хмурого догадка. — Ну и что?

— А то, что мы благословили вашу явку к Комару по вызову и дали возможность убедиться в том, что удавка вам уже приготовлена. Но мы не допустили расправы. Иначе бы не разговаривали сейчас. А вы до сих пор не поймете, что случилось, и не хотите этого знать.

— Наверное, хочу. Только погодите. Откуда вы можете знать о моих подозрениях? Я ведь подумал и отбросил эту мысль. Не Комар же вам доложил?

— Нет, разумеется. Но как нам не знать своей работы, если мы сами внушили ему подозрение в вашей измене?

— Какой измене? — сразу ухватился за слово Хмурый.

— В ваше-то краховое оуновское время утверждать, что бандеровщина изжила себя, что даже само прозвание "бандеровец" стало вредно, воспринимается как "банда", "бандит".

— Ну, довольно! — отстранился, вскинув руку, Хмурый, как, должно быть, делал в разговоре с низшими чинами. — Сработано ловко. Хоть я никогда и никому не говорил об этом, в точку попали.

— Значит, мы вас неплохо знали, — не давал погаснуть разговору Киричук.

— А я-то мозгами кручу-верчу, где и когда моим тайными мыслям утечка была, как их усек этот раскоряка Комар? То-то он все вокруг прозвания "бандеровец", и оппозиции вертелся, — размышлял вслух, не видя смысла остерегаться, Хмурый и вдруг со злой усмешкой бросил: — Но вы преждевременно радуетесь. Я же не предал, не разочаровался в ОУН! А мои размышления о слабости организации не во вред ей. Нужно избавляться от изжившего себя, тем более в сильно обескровленную пору. Если этого не способен понять твердолобый Комар и подобные ему в руководстве центрального провода, то пусть хоть моя гибель поможет им прозреть.

Киричук понял, что малость поспешил, раскрывая краевому проводнику тайну его "вины", но не подал виду.

— Очень благородно, — с иронией подхватил Василий Васильевич. — Но какой смысл жертвовать ради прозрения твердолобых, безнадежно слепых ваших вчерашних соратников? Вас расстреляют, чашего скрывать. Вам теперь

час должен быть дорогим, а сутки — десятерю.

— Перед смертью не надышишься.

— От вас зависит, когда ей прийти. Подумайте хорошенько. На свободу вам все равно нельзя. Боевики Комара немного опоздали к вам на постой — мы их опередили. Центральный эсбист сразу после этого исчез. Додумайте сами, когда и чего он испугался? Так что в ваших интересах помочь нам найти Комара. А заодно с ним и вашего эсбиста Рысь — этот тоже загулялся на свободе.

Хмурый облизал губы, задумался.

— Меняться-то мне не на что, — наконец сказал он. — Комара без меня отыщите, коли он клонит на ваши подкидки, а Рысь не та фигура, чтобы мне на пользу зачлась.

— Ничего, зачтется. Приплюсуйте к ним и то, что считаете повесомей. Игра-то ведь, Иван Иванович, давно проиграна, пора не зажигать свечи, а снимать огарки. Так что стоит подумать. Советую!

Когда Хмурого увели, Шевчук подытожил и свои наблюдения за ним:

— Брови-то лохматые у него как свелись и дрогнули, когда вы ему про огарки-то! Врет, сволочь, жить хочет.

— Значит, не зря беседовали, — добавил Киричук.

Освободившийся начальник управления пригласил Киричука с Шевчуком к себе. Только теперь Василий Васильевич разглядел в лице полковника не столько суровость, сколько бесконечную усталость.

— Поговорили с Хмурым, результаты показались обнадеживающими, — решил не вдаваться в подробности Киричук, чтобы не утомлять полковника лишним разговором. И тот понял его, но не отпустил.

— Значит, спрашиваете, как же льявьяне упустили Комара? — напоминающе заговорил Майструк. — Просмотрели, ушел эсбист. Был бы Шевчук там, скорее всего, этот кровосос не сумел бы оторваться. Но Александр Агафонович в это время доставлял Хмурого в управление. Ну а те, кто остался в Яворове после ареста проводника, расслабились, зевнули крепко. Искать будем! Розыск возглавит Александр Агафонович.

...Вернувшись в Яворов и проходя мимо постоя Комара, Шевчук обратил внимание на одну деталь: штор с крестиками на лицевых окнах не было. Александр Агафонович, проникнув ночью в пустующий дом, отыскал их и водворил на место. Других перемен он не заметил. Стали ждать гостей.

Связная Таисья с кошелкой в руке, не обнаружив сигнала об опасности, вошла во двор и постучала в кухонное окно. Она не удивилась, увидев появившегося во дворе знакомого парня из своих, не успела и слова молвить, услышав предупреждающе-грубое:

— Куда, шалава, поперлась, тебе же сигнал выставили, чтоб не заходила. Живо за мной!

Она послушно засемила следом, косясь на окно со шторами и бормоча:

— Никакого сигнала... Где он, сигнал-то?

Шевчук с Карпенко, наблюдая из дома напротив за вышедшей из калитки парой, сначала решили, что они явились сюда вместе, только специально подошли с разных сторон, чтобы присмотреть за тылом друг друга. Но когда к парочке подбежал мужичок постарше и увел их в дом на углу улицы, чекисты поняли: враг действует. Решили понаблюдать, что будет дальше. Надо нико-го не упустить и желательнее взять поодиночке. Но как?

Шевчук и подумать толком об этом не успел, а ему уже доложили, что худенькая женщина с кошелкой в руке прошагала по улице к окраине. Мужчины не появились.

— Виктор Антонович! — обратился Шевчук к Карпенко. — Я думаю, эти люди из боевки. Их, видать, Комар оставил. Смотри не упустит. Выйдут — бери. С темной дом обложим, проверим, сколько их там. Понял?

Карпенко кивнул.

— Я за ней, куда-то она шустро нацелилась, как с перепугу, — пояснил уже около двери Шевчук.

Александр Агафонович не ожидал, что преследуемая им женщина, миновав последний дом, обойдет овраг и скроется в роще. Наискось преодолев ложину и вполыхах выбравшись наверх, он облегченно вздохнул. Худенькая большеглазая женщина сидела у обрыва возле одинокой березки и торопливо разматывала моток шерстяных ниток. Она так увлеклась, что не сразу заметила подходившего к ней сбоку солидного мужчину. От неожиданности она вздрогнула, клубок выпал из рук.

Александр Агафонович остановился и укоризненно сказал:

— Продолжайте, разматывайте, что вы сплунгулись?

— А тебе от меня что надо? — огрызнулась, приходя в себя, Таисья. — Иди своей дорогой.

Присев на корточки и взяв в руки оброненный моток, чекист стал не спеша разматывать его, глядя прямо в глаза незнакомке. Та с приоткрытым ртом, будто онемев, тоже уставилась на него.

— Что это? — спросил Шевчук, когда в его руке остались три свернутых в трубочку «грипса».

Таисья молчала, пока мысли ее метались от Даши, дочери, к мужу, погибшему недавно, а от того — к Лукере, но, не совладав с разрастающейся душевной болью, она заревела безутешно, в голос, как будто прорвалось у нее все пережитое за последнее время.

Пытаясь успокоить задержанную, Александр Агафонович взял Таисью за руку и тут заметил у нее припухшие с фурункулами запястья. Он знал, что эта простудная хворь вымучает, сама не отстанет, и с сочувствием спросил:

— Давно они у вас, чирьи-то?

Таисью, на удивление, враз успокоил вопрос:

— С холодов, терпенья уж нет...

— И мотаетесь, когда в тепле у печки притулиться б надо, — участливо говорил Шевчук, раскручивая один за другим остальные мотки, оказавшиеся пустыми. Он дотянулся до дюралевой, наподобие портсигара, коробочки, которую заметил у ствола березы, и раскрыл. В ней лежала сложенная записка. Но Александр Агафонович не успел прочитать ее, потому что женщина вдруг сунула руку за пазуху. Он живо ухватил оуновку за локти, развел их и тихо, но напористо произнес: — Куда?! Что за нужда приспела? Подымись-ка! Вскинь руки!

И когда та подчинилась, Александр Агафонович провел рукой у нее под мышками и обнаружил в кармашке маленький немецкий пистолет «Модуль-27» и деньги.

— Я поправить только хотела, сползло, вы не подумайте... — тряслась Таисья, уже несколько не сомневаясь, что перед ней бывалый чекист.

— Это что в коробке? Вы положили? — заспешил Шевчук, развертывая клочок бумаги и читая про себя торопливо написанное: «Друже Рысь! Изменник Хмурый сбегал от меня. Организуй немедленно розыск и уничтожение. Нещешь личную ответственность за проглед в работе. Реабилитируй себя. Комар».

Повторять Шевчуку свой вопрос не пришлось, он и так все понял. Положив записку в бумажник, спросил:

— Что же вам следует оставить в тайнике? Размотанные «грипсы», надо понимать? — Он внимательно следил за оуновкой.

Таисья согласно закивала головой и взяла из рук чекиста «грипсы», сунула их в коробку, нацелилась спрятать ее в нише у ствола березы, но Шевчук остановил:

— Документики мы, пожалуй, с собой возьмем.

Он извлек «грипсы», вернул пустую коробку в тайник, прикрыл его опавшей листвой и повернулся к задержанной: — Пойдемте отсюда. Вам надо перевязать свои болячки.

Послушно и удивленно глядя на чекиста, Таисья устало поднялась.

СТРЕМИТЕЛЬНОСТЬ, с какой Антон Тимофеевич Сухарь проскочил за несколько дней Польшу, Чехословакию и часть западной зоны оккупации Германии, очутившись под Мюнхеном в Баварии, поразила его. И дело тут не в четкой организации перебросок функционеров через границы и территории государств, а в той тревожной спешности, с какой прогнали Сухаря сквозь тысячи километров, не давая задержаться на одном месте.

Оказалось, в одиночку тут такие личности, как Молоток, не путешествуют. У содержателя постоя в польском приграничье его познакомили с курьером, который уже несколько дней поджидал его. Им был вихлястый парень с напускной хмурью на лице: судя по всему, этим он хотел подчеркнуть свое ответственное отношение к порученному де-

лу. Он живо запряг лошадь в бестарку с сеном, в котором без промедления и вывез прищельца с приграничья. К вечеру они уже достигли Ярославля. Лошадь оставили на хозяйском дворе под городом и автобусом добрались до вокзала. Нужный поезд уже ушел, и курьер, не раздумывая, отвез Сухаря на автобусную станцию. Купив билеты, привел изголодавшегося вояжера в уютную кафешку — небольшое кафе.

На узловую станцию они прибыли вечером, когда стрелки часов на башне старинной ратуши приблизились к десяти. Было свежо и ветрено и на душе неуютно. Сухаря угнетали непривычная обстановка, мелькающие непонятные названия, не воспринимаемая на слух речь. Но с этим предстояло свыкнуться, сжиться.

Они вовремя подоспели к поезду, спокойно сели в вагон и утром, выпавшись, прибыли на конечную для них в Польше станцию. Километров семь прошагали пешком лесной дорогой, пока не оказались возле двух хуторских дворов. Вдалеке путь перегораживал шлагбаум с полосатой будкой справа.

— Там, дальше, за этой пограничной перегородкой, чешский городок Опава, — сообщил курьер и вслух прикинул: — Какая же сегодня пятница? Если наша, «переходная», считай, повезло, до обеда проскочим.

Им повезло. Об этом узнали от бойкого с налетом немецкой выправки поляка. Он дал прищельцам по клетчатой зелено-коричневой куртке, по шапочке с удлиненным козырьком и по рюкзаку. Накормив, вручил еще по топору с пилой, подмигнул курьеру, а заодно и Сухарю вместо доброго пожелания и выпустил за ворота. Эта процедура была тут, по всему виду, отработана.

— Друже, мы с тобой лесорубы, — направляясь к шлагбауму, коротко наставлял курьер. — Иди возле меня уверенно, помалкивай, мы с тобой направляемся в словацкую корчму. Они нас пускают. И одежда наша им примелькалась. Остальное увидим.

С польской стороны, сбоку у дороги, стоял пограничный столб. Никакой охраны не примечалось. А словацкий пограничный наряд без интереса отнесся к двум проходившим мимо лесорубам и не ответил даже на подчеркнуто солдатское приветствие одного из них.

Корчма была как корчма — с дощатыми столами и лавками, с деревянными пивными кружками и размешившимися здесь же, в углу, дубовыми бочками в широких обручах. К пиву подавали горячие свиные колбаски с зеленым горошком без хлеба.

Антон Тимофеевич успел проголодаться, и вид колбасок вызвал у него нетерпеливое желание побыстрее съесть хотя бы одну. Он привалил к стене пилу с топором, сбросил заплечный мешок с неизвестным ему легким грузом и увидел, как напарник, подобрав это имущество, зачем-то перенес его к краю стола, за который они сели и где лежал его инструмент.

«Неужто боится, что украдут?» —

мелькнуло у Антона Тимофеевича. Но, следуя примеру курьера, он снял с себя куртку с шапочкой и повесил на вешалку возле двери.

В корчме находились еще трое за соседним столом, пили пиво. Сухарь умышленно сел к ним спиной, ограничивая возможность заговорить с собой. Он сразу набросился на еду и даже не заметил, как его напарник обменялся с присутствующими быстрым жестом рукой, говорившим о том, что проход удался чисто и возвращаться обратно они не станут.

Блаженно вытянув под столом гудящие ноги, Сухарь дожидаясь вторую порцию колбасок, когда двое из троих посетителей у него на глазах подошли к вешалке и по-хозяйски начали надевать чужие зелено-коричневые в клеточку куртки, оставляя на вешалке брезентовые с подстежкой плащи.

Антон Тимофеевич локтем толкнул своего сопровождающего и глазами вопросительно указал на открытый лавкеж. Он даже привстал немного с лавки, но сразу же ощутил осадившую его тяжелую руку и услышал насмешливо-спокойные слова:

— Не дергайся, наше все на месте.

А те двое тем временем воротились к своему столу, допили пиво и, направляясь к выходу, подхватили каждый «свой» топор и пилу. Подмена состоялась. Теперь и пришедшим с польской территории на чехословацкую надо было побыстрее оставить корчму, удалиться на запад. Кто знает, может, пограничники обнаружат свою ошибку — и тогда, чего доброго, бросятся в погоню.

— Ничего, успеем, — увлекая прищельцев в лес, успокаивал их новый попутчик, отставший от тройки сидевших за столом. — Пару километров рысью одолеем, а там вильнем на Опаву.

В Опаве их ждал зеленый «опель-капитан». К стати сказать, до недавнего времени он принадлежал Степану Бандере и раскатывал по улочкам Мюнхена. Теперь у того такой же, только голубой.

Всю дорогу шофер ехал с предосторожностью, стараясь не превышать скорость, чтобы не быть задержанным, а главное — не угодить в аварию. Когда до границы с западной зоной Германии оставалось менее десяти километров, он распорядился, чтобы пассажиры пригнулись, и рванул с шоссе по неровной, заросшей сушняком дороге. «Опель» выскочил к озеру, обогнул его и снова вырвался на шоссе, но тут путь ему перекрыла немецкая полицейская машина.

Патруль окружил «опель-капитан», распахнул дверцы, приказав нарушителям границы западной зоны Германии выходить. По дороге к пограничному посту шофер начал было объяснять старшему патруля желание попасть завтра на ближний базар. Но тот неожиданно остановился, предложив показать деньги. Когда шофер достал бумажник, полицейский взял его, извлек

пачку марок, пересчитал и вернул, сказав всего одно слово: "Мало!".

Шофер, признаться, так и не понял, что тот имел в виду: мало денег на покупки или недостаточно для взятки. Выяснить было глупо, и тут вмешался сопровождающий Сухаря курьер. Он попросил соединить его по телефону с Мюнхеном, пообещав хорошо заплатить, и дал номер эсбиста Яремы. По-везло, тот оказался на месте. Узнав о сложившейся ситуации, эсбист пообещал уладить конфликт.

Прошло часа два, прежде чем задержанных отпустили, с подчеркнутой учтивостью разрешив въезд в западную зону Германии.

— Никак, через американских или английских друзей действовал Ярема, — зевнув, предположил курьер. Он прикрыл глаза и всю оставшуюся дорогу до Мюнхена крепко проспал, как может спать человек, оставшийся позади все тревоги и твердо знающий, что он наконец добрался до цели.

4

ВСЮ ДОРОГУ до Львова Александр Агафонович пытался внушить Таисье, что никаким он не "пан Шевчук", как она обращалась к нему, а обыкновенный рабочий, который до органов госбезопасности почти всю войну просидел за рычагами, испытывая танки. А она опять ему: "Та нет, який вы мне товарищ, пан Шевчук? Курица с удавом!". И он опять объяснял, что в начале войны закончил ремесленное училище, работал слесарем по ремонту паровозов, а потом уж обучился на водителя.

— А-а... — будто поняла она и снова: — Пан Шевчук! Вы правда из безпеки? И не обидите меня?..

— Почему же я тебя должен непременно обидеть? Ты взгляни на себя: еле-еле душа в теле. Тебя к врачу надо вести, а ты, вижу, в тюрьму собралась.

Александр Агафонович решил прежде всего оказать Таисье медицинскую помощь, а уж потом начать работать с ней. Поэтому прямо с львовского вокзала они направились в чекистскую поликлинику, где задержанной сразу занялись врачи. И пока ей делали кварцевое прогревание, перевязывали раны от фурункулов, Шевчук связался по телефону с начальником отделения капитаном Федором Никифоровичем Фоменко, доложив ему обстановку и свое намерение поработать с задержанной у себя на квартире, для чего просил организовать немедленное наблюдение за домом на трое суток, чтобы в случае чего не дать уйти связной.

Фоменко помедлил с решением, и тогда Шевчук напомнил ему о болезни Таисьи и возможности расположить ее к себе, что даст чекистам куда больше пользы, чем содержание под стражей.

— Смотри не подведи меня, — наконец согласился Фоменко.

Дома Шевчук застал мать. Хлопотли-

вая и добродушная, Агафья Емельянова отложила все дела и занялась гостьей, не подозревая, кто она. Втроем они сидели за столом, обедали.

— Ты, мама, займись Таисией, пока она хворает, домашнее платье ей из чего-нибудь перешей, а то она пообносилась. Я ведь ее от лесных бандюг увел, с ними она якшалась, — незлобиво подметил Александр Агафонович, уловив, как удивилась мать, но поставилась не подать виду.

— Теперь скажи, Таисия, куда Комар с Лукерой ушли? Ты должна знать.

Отрицательно покачивая головой и перестав жевать, она ответила:

— Не знаю, ей-Богу, шукать надо, не сразу нападешь. Рысь, думаю, должен быть на запасной хате.

— Ты его сховище знаешь?

— К нему должна вернуться, в Милянчи.

— Он там на хате, в клуне или на горище?

— О схронке ничего не знаю, — сразу ответила та и, подумав, добавила: — Мы же не всегда видимся, в тайник под крыльцо кладу то, что приношу. Но последние два раза он потребовал меня для опроса: где шла, чист ли проход, с кем встречалась? О настроении Комара выпытывал, как выглядит.

— Для чего это ему, как думаешь?

— Боятся стали всего. Чуть что не так покажется, сразу тикать. И Рысь едва ли задержится в Милянчах. Знаюбу не пошлет к тайнику, а направит какого-нибудь замухрыгу и понаблюдает за ним. Знаю я его...

Александр Агафонович счел рассуждения Таисьи толковыми и сразу отказался от намерения поехать с ней в Милянчи на захват Рыси, решив побыстрее предупредить об этом волянян.

ПОСЛЕ ДОПРОСА Хмурого подполковник Киричук решил, что целесообразнее перевести его из Львова в Луцк. На Воляни натворил бед, там пусть и ответ держит. Да и не возникло у львовян к краевому проводнику того оперативного интереса, какой оставался к нему на Воляни, где еще сохранилось его влияние в подполье.

Очень хотелось Киричку выудить хоть что-нибудь, пусть косвенно выводящее на его зверхников. Теперь, когда исчез эсбист Комар, учекистов заметно пошла на убыль уверенность в надежном выходе на центральный провод, а стало быть, и в возможности накрыть в скором времени всю оуновскую верхушку в западных областях Украины. Подполковник нетерпеливо искал способа вернуть утраченное. Но Хмурый непреклонно возражал:

— Повторяю, мои убеждения никак не зависят от двусмысленности звучания фамилии руководителя ОУН и от того, в чей рот он смотрит.

— Отчего же Комар счел вредными ваши суждения?

— Друже Комар — хитрый, опытный, но недалекий эсбист. Он падок на славу. Ему бы только выуживать врагов — так легче выслужиться. Подумать только:

чекисты руками нашей службы безопасности расправляются с лучшими оуновскими кадрами! Теперь мне понятна гибель Сова, Жоги, Зубра...

— Положим, Жога случайно оказался в облаве, — пояснил Киричук. — Но в остальном... Осмотритесь, остались одни обрывки ОУНа... Да вы лучше меня об этом знаете.

— Вы считаете, окончательно одолели нас?

— Мы одолели, Иван Иванович, в открытой борьбе гитлеровских фашистов. А с бандитствующим национализмом, как с коварной болезнью, мы возимся, лечим.

— Есть неизлечимые болезни, — хитрово прицелился в подполковника изпод лохматых бровей Хмурый и добавил: — В определенных условиях они очень даже способны одолеть здоровый, дюжий организм.

Киричука задело:

— Новую войну, что ли, определенными условиями называете? Знакомо. Ваши мюнхенские верхи рады-раदेशеньки хоть как-то напомнить о себе. А им бы, радетелям, сюда ваться, а не за три кордона прятаться да надеждами вас кормить.

— Нечего им тут делать!.. — забывшись, отмахнулся рукой Хмурый и сразу сник, пробормотав: — Мы тут сами верхи.

— Кто же вашим преемником станет? Уж не Рысь ли? — неожиданно спросил Василий Васильевич и увидел, как дрогнули, сойдясь, широкие брови арестованного.

— Не-ет! — снова вскинулась рука Хмурого, в этот момент, должно быть, решившего выдать своего референта по службе безопасности. — Его место — в Милянчихах, там ему и велено сидеть до моего возвращения.

— У него сложное укрытие? Где? — спокойно уточнил подполковник.

Хмурый не торопился с ответом.

— Вы мне можете свои вопросы на бумаге прописать? Чтобы я под ними ответ собственноручный уместил. Иначе никаких следов в моем следственном деле не сыщется.

... Не успел Киричук поставить задачу перед оперуполномоченным Анатолием Яковлевичем Чуриным по захвату Рыси в Милянчихах, как из Львова пришла записка по ВЧ с той же ориентировкой на эсбиста краевого проводника. В ней также сообщалось о задержании связанной Таиськи, у которой изъято письменное указание Комара эсбисту Рыси об организации поиска предателя Хмурого и уничтожении его.

Выезд Чурина в Милянчи пришлось задержать. Рысь не мог не знать каналы связи Комара, а следовательно, еще до ухода зверхника с постоя в Яворове наверхника заранее обговаривалась другая точка связи, и скорее всего не одна. Через них-то и можно было определить направление, а затем и место, куда ушел Комар. Выходило, Рысь или пока не трогать, или уж если брать, то только после встречи с Таиськой, когда направит ее с почтой для эсбиста централь-

ного проводника. А он обязательно пошлет "грипсы", хотя бы ради оправдания перед зверхником и запоздалого доклада своих соображений о предательстве Хмурого.

Порассуждав так, Василий Васильевич с Чуриным обнаружили и еще одну возможную ситуацию. Прочитав указание Комара, Рысь вполне может испугаться предательства Хмурого и поскорее уйти в глубокое подполье — а тогда еще одного эсбиста иши-свищи.

Но что же делать? Какой вариант счесть самым подходящим? Чуринов высказал свое мнение:

— Когда много ходов, надо выбирать самый естественный.

— Ну что ж, пошлем Таиську, — согласился Киричук. — Свяжитесь с Шевчуком, договоритесь о месте встречи, чтобы во Львов не ездить. Пусть везет Таиську с документом к Рыси. А вы тем временем обеспечьте прикрытие и наблюдение за той особой в Милянчихах. Действуйте!

За обедом Шевчук сообщил Таисье о предстоящей поездке, уточнив только:

— Прежде заедем в поликлинику на прогревание и перевязку, а потом отправимся в Милянчи. — Он показал ей записку Комара для Рыси. — Дальше действуй так, как обычно поступала. Постарайся встретиться с эсбистом, настайрно лезь, хотя это тебе не положено, скажи, Комар велел срочно доставить и исполнять приказ.

Затем Александр Агафонович сказал такое, чего Таисья совершенно не ожидала:

— Освободишься в Милянчихах, подброшу тебя в Порфирьевку, забереешь дочь, нечего вам поврозь... — не договорил он, увидев, как Таисья, всхлипнув, обхватила ладонями голову и зарыдала.

Еле успокоила ее Агафья Емельяновна, решив, что у гостьи какая-то беда с девочкой. Когда же узнала, что ничего и похожего не случилось, ребенок временно живет у хорошего человека — бабы Василисы, хозяйка с непониманием развела руками, а Таисья в свою очередь, проморгавшись, пораженно молвила:

— Вы и о бабке Ваське знаете?!

— Знаем! — подтвердил Шевчук и окончательно добил оуновскую связную вопросом: — Как же впредь лучше именовать тебя, настоящим именем или псевдонимом? Муж-то покойный, помнится, звал тебя Полей.

— Пан Шевчук! — плаксиво пропела Таисья, уткнувшись чекисту в плечо.

Такой оборот понравился Александру Агафоновичу. Что ж, вовремя подоспела важная информация волынских чекистов. Он охотно ехал к ним, чтобы продолжить новый этап удачно начатой работы.

(Продолжение следует)

Анатолий БОГДАНОВИЧ

Анатолий БОГДАНОВИЧ родился в Ростове-на-Дону в июне 1941 года. В том же году на фронте погиб его отец. Школа-семилетка, горнопромышленное училище, работа на шахте, освоение целины по путевке комсомола, служба во внутренних войсках – все это вехи биографии Анатолия Александровича – поэта, члена Союза писателей, автора тринадцати книг и Человека (именно с большой буквы!), долгие годы тяжелейшим недугом прикованного к постели, но не сломленного, напротив – стремящегося своим проникновенным, сердечным словом поддержать других в наше трудное время.

ЧЕРЕЗ ВСЕ ВРЕМЕНА

РАССВЕТНОЕ

И.С.

В половецкой степи залегла тишина
И на травах — полотнище солнца.
И оно сквозь туман
Через все времена
Озаряет лицо незнакомца.
По горящей росе я к нему подойду
И как есть, вольноликим, приемлю.
Это Игорь с дружиной
в далеком году
Встал сражаться за Русскую землю.
А несметные вороги силой грозят,
Словно хищники, рыщут в округе...
Тридцать было ему
или все пятьдесят,
Но ценил он отвагу в кольчуге.
То не луч, а копьё заблестело вдали,
То не ветер,
а кони стремятся лавиной.
И нигде не сыскать
благодатней земли,
Как нельзя надыхаться равниной.
Сколько Игорю лет?
Как и Русской земле,
Осененной березой рассветной.

И качается день в богатырском седле,
Будто всадник
в кольчуге бессмертной.

СУМА

Иностранная слышится речь,
И чужие стучат башмаки.
Учат Родину хлебушек печь
Из какой-то хваленной муки.
Кто из нас от стыда не ослеп?!
Кто не умер?! Господь, сохрани!
Пусть не сладкий,
Но собственный хлеб
Ели мы и в блокадные дни!
И куда подевалась та печь,
Из которой и бабка, и мать
Умудрялись такое извлечь,
Что душою лишь можно понять?!
Хлебы, хлебы!
И корочки хруст,
И пшеничного мякиша дух...
Самым вечным из камня искусств
Остается лишь Мельничный круг.
Да еще удивленья в груди
Перед самым обычным зерном.
Что осталось?
А ты погляди,

Как мы бьем суетливым челом.
 Ой ты гордость!
 Войди не стучась,
 Будь хозяйкой в российской семье.
 Но будить это чувство подчас —
 Как у нищего шарить в суме.

ПЕЙЗАЖ НА «ГО»

...Гражданской обороны эшелон
 На рубеже знобящего тумана.
 И, натянув резиновый шелом,
 Бегу, как все, по знаку капитана.
 Чернеет небо выжженной стерней.
 Идет ученье в ярости и злости,
 Чтоб не пришлось, как в шутке —
 Простыней
 От взрыва укрываться на погосте.
 Туда-сюда, как будто муравьи,
 Снуем в парах то хлора, то бензина.
 Здесь даже листья кажутся в крови
 Мишенями, что осень поразила.
 Бинтов сугробы... Радуга ремней...
 И на носилках тишина распята.
 А лес глядит сквозь нас

из-под ветвей

Куда-то вдаль, что инеем объята.
 Флажком взмахнет вечерняя заря
 Над глубиной российской обороны.
 И дуб, усталым пламенем горя,
 Стоит, сжимая скользкие патроны.

ОРДЕН

Дымились гильзами патронными
 Дни отступлений и побед.
 И в передышках душу трогали
 Лады гармонии, как рассвет.
 Пел маршал голосом простуженным
 В раскрытом настезь блиндаже.
 Смердело на земле оружием,
 И кровь впеклась на рубеже.
 Он под снегами и под ливнями
 Брал смело на себя грехи,
 Войска развертывая в линии,
 Сжимая, будто бы мехи.
 Вокруг прицельно пули жалили,
 Струился едкий пот с лица.
 И он с нашивками державными
 В траншее обнимал бойца.
 Гармонь, осколками пробитая,
 Вздохнув, застыла на ремне
 И, плащ-палаткою накрытая,
 Осталась где-то на войне.
 Но из далекого и жуткого —
 Всего, что испытал солдат,
 Пора б отметить профиль Жукова
 В салюте воинских наград.
 На равных, как с друзьями близкими,

Своих дорог вплетая нить,
 Он с полководцами российскими
 Найдет о чем поговорить.

СКАТКА

Сколько лет мы пишем мартиролог.
 И в тяжелом, как война, дыму
 К нам приходят воины, которых
 Не дождался в праздничном доме.
 Гимнастерки у одних кровавы,
 А других — бинтуют ковыли...
 И на всех венки солдатской славы —
 Скатка легендарная в пыли.
 Видели не раз родные земли,
 Как от вражьих пуль сукно рвалось...
 В тихом Историческом музее
 Я его рассматривал насквозь.
 Вот она, реликвия Победы,
 Русская армейская шинель!
 Скатывать ее умели деды,
 И отцы прошли полсвета в ней.
 Стрелы разноцветные на карте —
 Дальний отблеск выжженных высот...
 И хребет Уральский,
 Словно скатку,
 На плече страна моя несет.

РОДИНКИ

Снова в листьях забрезжила осень
 И проглянула хмурая даль...
 Над землей паутины разносят
 Непомерную птичью печаль.
 Крик гортанный и щебет летучий,
 И в груди леденящий восторг,
 И цепляются низкие тучи
 За овин, за овраги, за стог.
 Подпоясалась речкой деревня
 И окошками чистыми в ряд
 Отражает высокий и древний
 Путь суровый пернатых бригад.
 Вдоль домов по дороге размытой
 Пробирается к нам грузовик,
 И шофер, пожилой и небритый,
 Показался знакомым на миг.
 Трясса кузов от дымного ветра,
 И колеса жевали кювет...
 Второпях, прикурив от рассвета,
 Я умчался за ливнями вслед.
 Как бы ни было грустно и больно,
 Но, вдали от родимых полей
 Птиц встречая, я думал невольно,
 Что они из деревни моей.
 Поднимаются, будто завеса,
 И плывут на разгульных ветрах
 Из того древнерусского леса,
 Где, как родинки, гнезда в ветвях.

Дороти Л. СЕЙЕРС

ЧЬЕ ТЕЛО?

Роман

Глава 9

ВЕРНЫЙ своему обещанию, Паркер привлек к делу Томаса Пигота — студента-медика, который напоминал переросшего щенка с невинными глазами. Он сидел перед камином в библиотеке лорда Петера, чрезвычайно смущенный выпавшей на его долю миссией и окружением таких важных персон. Он наслаждался дорогим вином, казавшимся каким-то необыкновенным нектаром после дешевого виски и мутного пива в третьеразрядном ресторанчике в Сохо, что только и мог себе позволить сын обойщика из Ливерпуля.

— Если бы я спросил, чем вы занимались неделю назад, смогли бы вы ответить тотчас, без подготовки? — обратился к Томасу лорд Петер.

— Нет, по-моему, нет. Скажу только, что был, как обычно, в больнице. Если брать вторник, то с утра шли лекции, потом — практические занятия. А вот вечером мы с Томми Принглом отправились погулять. Впрочем, точно не помню, может, это был понедельник или даже среда.

— Почему такая неопределенность? — недовольно заметил Вимси. — У вас есть рабочий блокнот, куда вносите результаты анатомирования, рисунки или какие-то пометки?

— Да, есть.

— И что там записали в последний раз?

— Восстановить это легко, так как писалось сегодня утром: препарировал мышцы ног.

— Кого анатомировали?

— Старушку, умершую от пневмонии.

— Ладно. Переверните страницу. Что было до того?

— Мышцы животных. У меня сейчас такая тема по сравнительной анатомии профессора Каннингема.

— Когда лекция этого преподавателя?

— В пятницу.

Окончание. Начало в N 7, 8.

— Хорошо. Что было еще раньше? Например, во вторник?

— Была рука мужчины.

— Видите, вы все вспомнили. И сейчас расскажите, что это был за человек.

— Я же не видел его целиком, а попросил только руку, так как слабо разбираюсь именно в мышцах руки. И Воттс обещал мне помочь.

— И так, вы пришли, объект уже ждал, работа началась. Кожа оказалась молодой и свежей?

— Нет, нет! Совсем обыкновенная, с темными волосами на ней. Я даже рассердился, так как рука была довольно полная, со слабо развитыми мышцами.

— Как у человека, занятого умственным трудом?

— Вот именно.

— Ну, препарировали ее, зарисовали. Должны были заметить мозоли.

— О, их не существовало вовсе.

— Значит, скорее всего, рука принадлежала молодому?

— Нет, человеку средних лет, с ревматизмом, это было видно по суставам пальцев, немного опухшим. Думаю, покойному что-то около пятидесяти.

— И много студентов анатомировали его?

— В общем, да.

— Кто, например?

— Томми Прингл. Он еще назвал его старым евреем.

— Почему так?

— Сказал, что похож.

— А вы голову видели?

— Нет, ею занимался сам Фреке.

— А что сэрз Джулиана могло в ней заинтересовать?

— Обычно он созывает нас, студентов, и показывает челюсти, поврежденные нервные окончания.

— Ну, вернемся к нашему приятелю.

— Томми Прингл работал с еще одним студентом, который считает, что наш еврей умер от переедания: попросту объелся, вот и все.

— Напарник Томми особое внимание уделял органам пищеварения?

— Да, и этот студент пошутил, мол, если бы его кормили так же, как этого умершего, он бы добровольно пошел за решетку.

— Значит, покойный из бывших заключенных?

— Надо полагать, так.

— Стало быть, Лиггот, во-первых, вы анатомировали мышцы на руке со следами ревматизма у еврея среднего возраста; во-вторых, этот человек умер вскоре после того, как объелся жирной, а следовательно, тяжелой пищей; в-третьих, прибыл он из колонии.

— Да.

— И вы не отречетесь от своих показаний?

— Безусловно, нет.

Мистер Пиггот еще несколько минут просидел молча, а затем ушел.

— Завтра же я отправлюсь в ближайшую колонию и свяжусь там с нужными людьми, — заявил лорд Петер.

— А правильно ли мы поступаем, Вимси? — спросил Паркер.

Лорд Петер подошел к окну и глянул на освещенную Пиккадилли.

— Если мы правы, то завтра кое-что выясним. А пока советую вам, Паркер, переночевать у меня.

Детектив с удивлением уставился на говорившего:

— Неужто думаете, что на меня могут напасть?

— Вполне возможно.

— Кто-нибудь маячит на улице?

— Сейчас нет, а полчаса назад — да.

— Когда Пиггот уходил?

— Да.

— Послушайте, по-моему, мальчик вне опасности?

— Хорошо бы. Но у меня есть опасения, хотя вряд ли кто-либо догадается, зачем мы приглашали Лигготу. А вам все-таки лучше остаться. Если не верите, идите, но только помните: я вас предупреждал. По крайней мере, возьмите такси, не ходите пешком.

— Очень хорошо, так я и сделаю.

— И никого не подсаживайте по пути.

— Разумеется.

НОЧЬ БЫЛА сырая и неуютная. Паркер с трудом остановил авто и только успел дать адрес шоферу, как незнакомец подбежал к машине с противоположной стороны. Он был в вечернем костюме и плаще.

— Какая удача, что это вы, мистер Паркер! Прошу вас подъехать к клубу и захватить заболевшего. Мне никак не удастся перехватить такси, а дело касается жизни или смерти.

Он говорил с трудом, задыхаясь, будто пробежал уже много миль. Паркер вышел из машины.

— Рад услужить вам, сэр Джулиан, — сказал он. — Возьмите мое такси, а я пойду пешком, мне спешить некуда.

— Вы очень добры, — с трудом выдавил хирург, — мне, право, так неудобно.

— Не волнуйтесь, — бодренько произнес детектив, помогая Фреке влезть в машину, а сам вернулся и позвонил в дверь лорда Петера.

— Входите, входите! — заторопил Вимси.

— Спасибо. Вы были правы. Пожалуй, я останусь.

— Я наблюдал за вами из окна. Не понял только, что все-таки случилось?

Детектив рассказал, а хозяин рассмеялся.

— Послушайте, Вимси, давайте по-

ВХ

другому взглянем на ситуацию. Где то письмо?

Лорд Петер протянул послание Бантера. Паркер молча некоторое время изучал его.

— Дело вот в чем, Вимси. Для меня много неясного здесь. И я не во всем согласен с написанным.

— Выкладывайте ваши возражения.

— Ну, хотя бы это: в одну ночь два таинственных происшествия. Их связывает друг с другом один и тот же человек. Довольно дикий сюжет, но все-таки нельзя сказать, чтобы совсем невероятный. Я понимаю, есть один или два совершенно неоспоримых момента. Будто бы ясно: с одной стороны, Леви исчез, и его видели в последний раз что-то ищущим в направлении Дороги Принца Узльского в девять часов вечера. А на следующее утро в девять часов на Квин Каролин Меншенс найден в ванне мертвец, похожий на Леви. Сэр Рубен, по утверждению Фреке, пришел посоветоваться с ним. По сообщению из колонии в Челси, пропал один из бродяг, который оказался в море у того же Фреке. А у Фреке есть желание избавиться от Леви — старая ревность.

— Дело очень давнее. Это неубедительно, по-моему.

— Однако бывает. Может, не примитивная грубая ревность, а какая-то постоянная тайная боль, терзающая тщеславие и вызывающая чувство униженности, иногда и разочарования. Посмотрите на Фреке, он пишет книги, он ученый, очень крупный специалист. Разве ему не обидно потерпеть поражение от человека, стоящего, на его взгляд, гораздо ниже? Тем более, двадцать лет назад Леви был вообще никто и все-таки отбил у него любимую, прямо из-под носа увел.

Теперь второй аспект. Фреке нравятся криминальная тема. Он буквально пожирает книги по криминалистике и сам пишет об убийцах. Его преступники обычно удачливые люди, они в нужный момент никогда не теряют головы.

Идем дальше. Человек, который вошел в дом Леви вместо хозяина, был рыжеволос, росточком пониже его, но ненамного, поэтому смог влезть в его одежду и не казаться огородным пугалом. Вы видели Фреке и представляете его рост и каштановую гриву. Вероятно, он надел хирургические перчатки. Как врач Фреке привык действовать обдуманно, не торопясь.

Посмотрим с другой стороны. Человек, принесший тело на Баттерси, должен был иметь доступ к трупам и не бояться мертвецов. Хирурги как раз таковы. Ему надо обладать силой, чтобы проташить тело через крышу к окну ванной Типса. У Фреке есть все эти данные, к тому же он — член клуба альпинистов. И расположение жилища хирурга подходяще: девушка-служанка как раз слышала шум на крыше соседнего

дома, где и живет доктор. Всякий раз этот человек старается перевести наш взгляд на других, например на Миллигана, Типса, Кримплшема, чтобы сбить с толку следствие.

— Подождите, все не так просто: а что делает Леви, тайком отправившись к Фреке в понедельник ночью?

— Ну, у вас же есть объяснение самого доктора. Допустим, Фреке лгал, но зачем ему это?

— Для чего тогда он сам рассказал о поздне м визите?

— Леви видели на углу Дороги. Но главное — он, конечно, рассчитывал, что никто не свяжет исчезновение Леви с происшествием на Баттерси.

— Вернемся к началу. Зачем Леви пошел к доктору?

— Точно не знаю, но, возможно, интересовался, для чего Фреке скупал перуанские нефтяные акции. Тем не менее доктор ожидал его и приготовился встретить. Да так, чтобы слуга не видел, кто этот гость. И действительно, тот ничего и не заметил, в обычный час ушел в свои покои.

— А где же был Леви?

— Он зашел в библиотеку и остался там.

— Вот как.

— А слуга слышал, как почти всю ночь хозяин хлопал дверями: входил и выходил.

— Вы думаете, что Фреке к трем часам утра уже закончил свое черное дело?

— Почему бы нет?

— Что-то уж очень быстро.

— Но Камингс не видел хозяина, пока не позвал его завтракать в девять утра.

— Вроде бы Фреке в три утра мылся в ванной, по мнению слуги?

— Камингс, возможно, ошибался, так как доктор только вернулся в это время.

— А что скажете о пенсне Кримплшема? — спросил Паркер.

— Загадочная история, — промолвил лорд Петер.

— И почему ванная Типса?

— Чистая случайность или дьявольское наущение.

— Так вы считаете, что оба события произошли в одну ночь, Вимси?

— Далеко от этого. Все началось с того, что человек, внешне напоминавший Леви, попал в колонию, а затем в клинику.

— Понятно.

— Фреке и Кримболд не случайно разошлись во взглядах о сроке наступившей смерти.

— Мистер Типс и доктор Кримболд сходятся во времени, а Фреке другого мнения.

— Похоже, сэр Джулиан ошибается. И неспроста.

Глава 10

ОТКЛАДЫВАЯ В СТОРОНУ томик Данте, лорд принял окончательное решение. Днем он оказался на улице Гарлей.

Сэр Джулиан Фреке консультировал обычно с двух до четырех по вторникам и пятницам. Лорд Петер позвонил у его дверей.

— Назначены на прием, сэр? — спросил открывший ему человек.

— Нет, но вы передайте доктору мою визитную карточку. Я думаю, он примет меня.

Вимси уселся в великолепной приемной, где больные обычно ожидали вызова. Она и сейчас была полна людьми. Две-три пожилые дамы рассуждали о магазинах, слугах и других важных, по их мнению, вещах. Высокий взвинченный мужчина нервно посматривал на часы чуть ли не каждую минуту. Лорд Петер узнал его. Это был Винтрингтон — миллионер, несколько месяцев назад пытавшийся свести счеты с жизнью. Он контролировал финансы пяти стран, а вот со своей нервной системой не справился. Около камина сидел одетый в военное молодой человек, по-видимому, в возрасте Вимси. На софе расположилась старушка с девочкой; юное лицо выражало полное равнодушие к окружающему, тогда как морщинистое — наоборот, светилось надеждой.

Рядом с лордом Петером устроилась еще одна молодая особа с крошечной девчушкой на руках. Обе были скуластые, с прекрасными серыми славянскими глазами. Ребенок беспрестанно возился, задевая Вимси, и мать всякий раз извинялась за дочку:

— У нее не в порядке с нервами, сэр.

— Помогает?

— Да, это великолепный доктор, уверяю вас. Дочурке стало гораздо легче благодаря ему. Мы молимся на него.

— Сэр Джулиан примет вас через несколько минут, — сообщил Вимси подошедший слуга.

Лорд Петер поклонился соседке и встал.

Доктора Фреке Вимси видел несколько раз, но все издали и никогда с ним не разговаривал наедине.

Доктор был выше лорда Петера ростом, широк в плечах. Красивое бесстрастное лицо с каким-то фантастическим, целеустремленным выражением ярко-голубых глаз обрамлялось густой рыжей шевелюрой и бородой. Он никак не напоминал добродушного доктора

Айболита. Его глаза, казалось, буравили вас насквозь.

«Вперед! — произнес про себя Вимси. — В разговоре с ним нужно быть уверенным».

— Что беспокоит вас? — спросил сэр Джулиан.

— Понимаете, я оказался лицом к лицу с удивительной случайностью.

— Возможно, неожиданностью?

— С очень странным фактом. И я не знаю, как поступить...

— А вам надо принять ответственность на себя и не сомневаться.

— Очень тяжелое дело.

— Затрагивающее и других?

— Связанное с жизнью одного человека и большим количеством косвенных персонажей.

— Время было позднее? Вы сидели в темноте?

— Сначала нет, я зажег свет.

— Было тепло?

— По-моему, камин угасал. Мой слуга сказал, что зубы у меня клацали, когда я вышел к нему.

— Живете на Пиккадилли?

— Да.

— Среди ночи громыхает транспорт, наверное?

— О, частенько!

— Я так и думал. Все это приводит к беспокойству или даже чувству опасности?

— Трудно точно определить состояние.

— Такие приступы бывали у вас часто после 19... года?

— Да, я болел тогда несколько месяцев.

— С того времени они случались реже?

— Гораздо.

— А когда был последний?

— Около девяти месяцев назад.

— Под влиянием обстоятельств?

— Кое-какие семейные дела тогда меня вывели из строя. Вопрос касался капиталовложений, и на мне лежала большая ответственность.

— А кроме того, последнее время вы связывались с полицией?

— Да, участвовал в раскрытии дела о бриллиантовом колье лорда Аттенбери.

— Это могло повлиять на ваше состояние?

— Пожалуй, но дельце было очень захватывающим.

— Вы были увлечены, но не расстроены?

— Конечно!

– Денежными операциями вы занимаетесь и прежде?

– Иногда.

– Но они не отражались пагубно на здоровье?

– Ничуть! Свои болячки я все-таки связываю с отголосками войны.

– А женаты вы были?

– Нет.

– Позвольте осмотреть вас, только подойдите ближе к свету: мне надо видеть глаза. У кого лечились?

– У сэра Джеймса Ходжиса.

– О, он кончил очень печально, хотя это был сильный человек и хороший ученый. Хочу испытать на вас один тест.

– А для чего?

– Он покажет мне вашу нервную реакцию. Сядьте сюда.

Когда исследование кончилось, сэр Джулиан заговорил:

– У вас, лорд Петер, довольно бедная лексика.

– Благодарю, вы правы. Ужасно не люблю длинные слова.

– Участвуете ли вы в домашних спектаклях?

– Нет, они чересчур скучны, – проговорил Вимси, искренне удивившись вопросу.

– Мне почему-то так и подумалось, – сухо вато продолжил врач. – Теперь давайте подведем итог: вы расстроили нервную систему на войне, и следы

ощутимы до сих пор. Отсюда безотчетный ужас, и непонятные страхи, и излишнее чувство ответственности, и все прочее.

– Я понимаю, доктор.

– Вам надо избегать стрессовых ситуаций. Учитесь быть безответственным, лорд Петер! Думаю, сейчас вам не помешал бы хороший отдых с поездкой на Средиземное море. Как насчет этого?

– Спасибо большое за совет.

Сэр Джулиан поднялся и прошел в кабинет. А Вимси следил, как он двигался за стеклянной перегородкой, кипятил что-то и писал. Вскоре хирург вернулся с рецептом и шприцем.

– А теперь поднимите, пожалуйста, рукав – предстоит небольшая инъекция.

Вимси было подчинился, но тут же заявил, что плохо переносит уколы: они ему действуют на нервы.

– Что ж, придется отменить, – скрывающая досаду, заметил доктор. – Возьмите рецепт. Постарайтесь не волноваться.

– Очень вам обязан, – промолвил лорд. – Если болезнь обострится, снова прибегну к вашей помощи.

– Милости просим! – бодренько отозвался сэр Джулиан Фреке. – Надеюсь, ваша мамочка здорова? Видел ее на днях в Баттерси. Случившееся там, видимо, и вас должно интересовать.

Глава 11

ГНУСНЫЙ сырой туман лезет в горло и ест глаза. Не видно даже собственных башмаков. Вы спотыкаетесь и не находите дороги. Неприятно. Но именно так чувствовал себя Паркер, пробираясь на кладбище в старомодном легком пальтишке. Перед ним маячили, подобно привидениям, людские фигуры.

– Будьте осторожны, джентльмены, поблизости открытая могила, – проговорил кто-то негромко. – Сверните направо и не топчитесь по глине.

– Пойдите, старина, – сказал Паркер, – где леди Леви?

– Она в морге, с ней герцогиня из Денвера.

Лорд Петер, тоже оказавшийся здесь, услышал комплимент в адрес своей матери: «Она просто великолепна».

Из желтого тумана выступила еще одна фигура, поманила их рукой.

– Вот вы где! – послышался голос.

Кто-то чихнул. И незнакомец тут же представился:

– Мистер Левет, секретарь.

– Лорд Петер Вимси. Очень сожалеем, что вытащили вас в такую погоду.

– Ничего, работать приходится в любой день, – хрипло произнес мистер Левет. Он был закутан в шарф по самые глаза.

В течение нескольких минут слышался стук лопат.

Неожиданно около Вимси появился чернобородый призрак. Им оказался хозяин колонии в Челси.

– Очень сомнительное дело, лорд Петер. Простите великодушно, но, надеюсь, вы и мистер Паркер могли ошибиться.

– И мне бы самому этого хотелось.

Послышались тяжелые шаги, и из тумана выплыла какая-то фигура.

– Это вы, старина? О, мистер Левет, познакомьтесь, вот мой друг Паркер.

— Приветствую, Вимси, наконец-то увидели вас.

Кругом темнели надгробные камни, разросшиеся кусты. Шелестел гравий на дорожке, ведущей к моргу.

В тускло освещенном помещении они увидели двух женщин в трауре и доктора Кримболда. Гроб стоял на столе. Послышались рыдания, но их прервал резкий, повелительный голос герцогини:

— Тише, Кристина! Вы не должны плакать!

Невнятное бормотание сменил спокойный, как бы доносящийся издали голос доктора Кримболда:

— Принесли лампу, мистер Вингат? Спасибо. Поставьте на стол, пожалуйста. Мистер Левет, зайдите с этой стороны. Вот так, отлично.

Над столом неожиданно вспыхнул яркий свет, осветивший бороду врача и очки мистера Левета. Паркер подался вперед, а хозяин колонии выглянул из-за него. Остальная комната погрузилась в полумрак. Взоры устремились к свету.

И доктор Кримболд снова заговорил:

— Нам бы не хотелось волновать вас, леди Леви, но кое-что необходимо знать, к сожалению. Итак, была ли родинка на левой стороне груди у вашего супруга? Какие зубы потеряны? А шрам над локтем? Не знаю, сумеем ли мы все это найти. На суставах пальцев бугорки — следы артрита, понятно. Благодарю, леди Леви, теперь все ясно. Не подходите, пока я вас не позову. Где врач Калегров? Вы присутствовали во время анатомирования человека из колонии? Помните его? Ошибиться мы не должны. Кто обрабатывал голову покойника? А-а, Фреке. Великолепный хирург. Я помню его начинающим. Неважно, что прошли годы: птицу видно по полету. Леди Леви, посмотрите на шрам, узнаете его? Соберитесь с духом и отвечайте.

— Люси, не оставляй меня.

— Я здесь, дорогая!

Две женские головки склонились над столом.

— О да, да! Я не могу ошибиться. На шраме маленький бугорок. Я видела его сотни раз. Ах, Люси, это — Рубен!

— Еще минуту, леди Леви. А родимое пятно? И шрам? По трем признакам вы утверждаете, что это тело вашего мужа, сэра Рубена?

— Да, он мой супруг. О...

— Спасибо, леди Леви. Вы очень мужественная особа и очень помогли нам.

— Мне непонятно, как же он попал сюда? Кто совершил такое?

— Тихо, родная, — сказала герцогиня, — преступник не минует кары.

— Бедный Рубен! Кто хотел его смерти? Можно глянуть на лицо мужа?

— Не советую, дорогая, — опять произнесла герцогиня, — пойдем же домой. Мы не нужны вам больше, доктор Кримболд?

— Нет, благодарю вас и леди Леви.

Наступила тишина. Две женщины вышли, и Паркер посадил их в автомобиль. Только тогда доктор Кримболд продолжил:

— Я думаю, что лорд Петер Вимси абсолютно прав. И его заключения подтверждаются с помощью леди Леви. Мне никак не верилось — выдающийся хирург и вдруг способен на преступление! Работа великолепная, хотя чудовищная. Сильным ударом он убил пациента. Мне бы хотелось в это время видеть его собственное состояние. Такой поступок — позор всему цивилизованному миру! Но на моих губах печать, разумеется. И всем нам пока придется помалкивать.

Влажный тяжелый туман так и висел над землей, и гравий скрипел под ногами, когда все возвращались.

— Где полицейские, Чарльз?

— Я отослал их, когда увидел, что леди Леви обходится без посторонней помощи.

— Кто с ними?

— Саг.

— Саг? Все рассказанное Типсом о ночном клубе подтвердилось. Сагу пришлось объяснить, что он несколько пересолил, выполняя свой долг, и в другой раз ему надо быть осмотрительнее. Но горбатого, к сожалению, только могла исправить. Мне жаль его: когда-то подавал большие надежды, но вырос в обычного служаку — не хуже и не лучше других.

ПАРКЕР И ЛОРД ПЕТЕР отдыхали на Пиккадилли, 110 "а", когда появился Саг.

— Мы арестовали преступника, сэр, — доложил он.

— Боже праведный! — воскликнул сэр Петер. — И что — живой?

— На месте мы оказались как раз вовремя, милорд. Позвонили и ринулись прямо в библиотеку. Он сидел и что-то писал. Когда мы ворвались, он схватил шприц, но мы не дали воспользоваться им.

— И он теперь в тюрьме?

— Да, два охранника с ним, чтобы не сделал ничего с собой.

— Ну вы просто молодец, инспектор. Угощайтесь за компанию.

— Спасибо вам, сэр, что дали верную ниточку.

— О, пустяки, инспектор, мне просто повезло, — отмахнулся Вимси.

— Вот и сам Фреке того же мнения. Когда мы его схватили, он заканчивал исповедь, в которой обращается к вам, ваша светлость. Этот документ, разумеется, будет подшит к делу, но сначала, конечно же, вы должны прочесть его. Вот возьмите, — и Саг протянул лорду Петеру густо исписанные листы.

— Хотите послушать, Чарльз? — обратился Вимси к детективу.

— А как же! — удивился вопросу Паркер.

Глава 12

«Дорогой лорд Петер, будучи юношей, я любил играть в шахматы с другом моего отца. Он был нерасторопный игрок, никогда не видел, что поражение неизбежно. Каждый раз он упорствовал до конца, и я понимал его. Вот и теперь, не желая идти по его пути, я охотно принимаю Вашу игру. Мне предстоял выбор: остаться дома и быть повешенным или бежать за границу, скрываясь в извечном и безнадежном мраке. Я предпочел признать поражение.

Если Вы читали мою книгу «Преступный сомнамбулизм», то помните, что я там пишу: «Чаще всего преступники выдают себя ненормальным состоянием нервной системы. Психическая нестабильность выражается по-разному: например, в самоуверенном тщеславии, ведущем к хвастовству своими достижениями; или в чересчур серьезном восприятии обиды, оскорбления, результатом чего являются религиозные галлюцинации и стремление к исповеди, эгоomania, порождающая чувство ужаса и осуждение греха, а следствием — опрометчивые поступки без сокрытия следов преступления.

То же случилось и со мной. Меня выдали два неудачных обстоятельства, которые я не предвидел. Первое — это то, что Леви был узан девушкой на Баттерси, а второе — что Типс собрался поехать утром во вторник в Денвер, но, найдя тело в ванной, сообщил своей клиентке о том, что не может посетить ее и по какой причине. Это дошло до вашей мамы, и вы обо всем узнали раньше полиции.

Немало времени я отдаю анатомированию трупов. И когда врач из колонии в Челси сообщил мне, что неизвестный бродяга попал в аварию, вряд ли выживет и тело его можно будет использовать в научных целях, я, разумеется, откликнулся. Увидев умирающего, я был поражен его сходством с сэром Рубеном...

В четверг и в субботу мне удалось купить акции на перуанскую нефть и довольно дешево, поэтому и не хотел, чтобы об этом стало широко известно. Пока занимался ценными бумагами, мой пациент умер, и около одиннадцати надо было подготовить его для препарирования. Но мысли работали уже в определенном направлении.

Я отправился к дому Леви и по дороге встретил его. Сэр Рубен был сначала удивлен: почему я оказался в этой части Лондона. Но я сочинил на ходу какую-то довольно правдоподобную историю, а его пригласил позавтракать со мной, что мы и сделали. Я заказал хорошего

вина и соответствующую закуску. Спросил его о делах на бирже. Сэр Рубен ответил, что все в порядке, поинтересовался моими делами. Я рассказал, что совершил недавно удачную сделку, подсел к нему поближе, и мы заговорили полупрошепотом.

— Полагаю, это не касалось перуанской нефти, не так ли? — спросил он.

— Как раз ее, и я уже кое-чего достиг.

— А мне это занятие казалось нестоящим, — заметил он.

— Совсем наоборот, — уверил его я. — Послушайте, мне хотелось бы сделать добро для вас с Кристиной. Вы же помните, что я был к ней неравнодушен. Конечно, вы меня обставили, но дело прошлое... Хотите, докажу, что, включившись в нефтяное дело, вы получите миллионы?

Говоря это, я был очень взволнован, а он, видимо, решил, что причиной тому выпитое вино.

— Вы очень добры, старина, но я — Фома неверующий. Мне действительно нужны доказательства.

Я пожал плечами.

— Они будут вам представлены, — заметил я, — только, конечно, не здесь. Приходите вечером ко мне и увидите сами.

— А куда? На Гарлей-стрит?

— Нет, лучше на Баттерси, прямо в клинику. Просьба одна: никому ни слова о моем предложении. Терпеть не могу беготни наперегонки с конкурентами.

— Хорошо, — согласился он, — буду нем как рыба. Приду около девяти.

Итак, мы расстались. Я отправился домой на такси и неожиданно заметил чье-то золотое пенсне, зацепившееся за воротник моего пальто.

К семи часам вернулся в больницу и решил взять тело умершего бродяги в анатомичку. Отпустил Воттса, сказав, что сам займусь трупом. Зашел домой и перекусил. Слугу предупредил, что буду весь вечер работать в больнице и чтобы он, как обычно, в 22.30 ложился спать и не ждал меня.

Леви позвонил уже после девяти. Я ему открыл сам. Он снял плащ и поставил зонт.

— Вы насквозь промокли. Чем добились? — спросил я.

— Автобусом, — ответил сэр Рубен, — и сошел по ошибке раньше времени, а дождь льет как из ведра, темнота хоть глаз коли. Очень жалею, что не взял такси.

«Ваша скаредность не доведет до до-

бра., — подумал я, усаживая его у камина и наливая виски.

У него было хорошее настроение. Мы проговорили с четверть часа о том, о сем, а потом гость захотел увидеть обещанные документы.

Мы отправились наверх в библиотеку. Я зажег свет, дал ему сигару и, открыв сейф, достал нужные бумаги. Он взял их и начал читать. А я, улучив удобный момент, ударил его сзади тяжелыми каминными щипцами. Все получилось так аккуратно, что даже кожа оказалась неповрежденной. Обследовав тело, я понял, что Леви мертв. Я отнес его в спальню и раздел. Было без десяти минут десять. Потом взял его зонт и громко попрощался, чтобы мои слуги слышали, стукнул дверью, а потом тихонько вернулся к себе.

Когда Камингсы улеглись, отправился в анатомичку и понес Леви. Признаться, занятие это оказалось не из легких, но его труп должен был лежать там же, где и умерший бродяга. Переоделся в костюм Леви, который был немного велик мне, взял даже его зонт.

Около половины одиннадцатого вышел на улицу. Не без труда остановил машину на углу Дороги Принца Уэльского и велел отвезти меня в Гайд-парк. Заплатив хорошо таксисту, попросил вернуться на прежнее место, тот улыбнулся понимающе, но ничего не сказал и уехал. А я пошел в Парк Лейн. В чемодане у меня была моя одежда, на руке я нес свой плащ и зонтик Леви. Я подошел к дому 9 "а", в верхнем этаже горел свет. Пришлось дожидаться полноты, и лишь после того, как все стихло, я открыл дверь ключом сэра Рубена.

Составляя план убийства, я заранее продумал малейшие детали. Леви должен был исчезнуть, оставив только кучу одежды на коврик перед камином. Я зажег свет, повесил одежду хозяина и поставил зонт. Расположение комнат я знал хорошо и привычки сэра Рубена тоже: он не любил беспокоить слуг, особенно ночью, поэтому все делал сам. Сняв перчатки хозяина, я надел хирургические, чтобы не оставить отпечатков. Хотелось изобразить, будто Леви, как обычно, лег в кровать, для чего я сам улегся в нее и немного смял. Расческу его я не брал, так как мои волосы другого цвета, а его зубную щетку просто смочил.

В час ночи оделся в свои вещи, погасив себе карманным фонариком. У двери надел ботинки и старые галоши и потихоньку вышел.

На улице внезапно услышал шаги констебля. Пришлось подождать. К счастью, дождь усилился, и никто не обращал на меня внимания, кроме разве что полицейского, которому я хорошо заплатил за молчание.

Теперь я спешил домой. Впереди ждала самая трудная работа. Первым делом — надо было изменить внешность

бродяги: чисто выбрить, помазать волосы, сделать маникюр. Руки его тщательно вымыли в больнице, хотя мозоли не загримируешь. Время меня поджимало: труп мог начать быстро разлагаться. И я туго перебинтовал его.

Занятием не из легких оказалась и его транспортировка. Я привязал тело к маленькой лестнице и потащил через крышу, чтобы не оставлять следов на раскисшей от дождя земле. Чтобы заглушить шум шагов, уходя, включил воду в ванной: пусть слуги, если и проснутся, думают, что я отмываюсь после работы; ну а на крыше старался не греметь, ступать как можно осторожней. К счастью, обошлось: все крепко спали.

Остальное было гораздо проще. Подходя к квартире Типса, вспомнил его глупое лицо и постоянную привычку болтать без толку о вивисекции и с удовольствием представил, как он будет выглядеть, получив мой "подарок". Когда распеленал труп, в голову пришла еще одна мысль, и я нацепил на мертвеца пенсне, которое нашел в такси. Это весьма изменило его внешность.

Вернулся домой я прежним путем, выключил воду. Затем привел все в порядок в больнице, Я отсек голову Леви и изменил кое-что в его лице. Через двадцать минут и собственная жена его бы никогда не узнала.

Осталось часа два на сон — от пяти до семи.

Как и обычно, слуга разбудил меня. Я извинился перед ним за шум в ванной и принялся завтракать, обнаружив, к своему удивлению, зверский аппетит. Потом отправился заниматься своей обычной работой. Утром явился полицейский инспектор, чтобы узнать, не исчез ли какой-нибудь труп из мертвецкой. Убедившись, что в клинике порядок, он пригласил меня посетить Типса. Я пошел с ним и полюбовался плодами своего труда...

Мне остается только поздравить Вас с успешной работой на ниве криминалистики. Желаю здоровья Вашей матушке.

Преданный Вам Джулиан Фреке.

P. S. Моя последняя воля — все свои деньги завещаю больнице Святого Луки, а тело мое прошу использовать в анатомическом театре на благо науки".

— На этом манускрипт завершается, — задумчиво сказал лорд Вимси.

— И как вам эта эпитафия? — вывел его из оцепенения Паркер.

— Странно и страшно. Такая холодность, даже цинизм...

— Что же дальше, лорд Петер?

— Соберу на ужин всех попавших под подозрение: мистера Джона Миллигана, его секретаря, Кримпшема, Вика и беднягу Типса в придачу. Они, по-моему, этого заслужили.

— А я получил удовольствие от знакомства с миссис Типс.

— Бантер!

— Что, милорд?

— Бренд "Наполеон", мигом!

КАЛЕЙДОСКОП ИНТЕРЕСОВ

Уроки по методике школы Тадеуша Касьянова
дает инструктор рукопашного боя
майор Владимир БАРАНОВСКИЙ

СЭН'Э - ПУТЬ ЖИЗНИ

ТЕМА ЗАНЯТИЯ:

**защита от ударов ножом,
палкой, малой пехотной
лопатой.**

1. Традиционная разминка и акробатические упражнения – 30 мин.

2. Повторение специальных подготовительных упражнений, необходимых для изучения приемов обращения с ножом.

3. Повторение ранее изученных приемов самозащиты с ножом (см. уроки в предыдущих номерах журнала).

4. Новые приемы против ударов ножом.

Атакующий бьет ножом снизу. Его партнер проводит нижний блок предплечьем (фото 1, все фотографии – на следующей странице) с уходом влево (живот убрать).

Захватив правой рукой кисть атакующего болевым приемом, перегибая ее через свою левую руку, вырвать нож (фото 2). Левая рука при этом остается на месте. Повторить прием 20 раз левой и правой рукой и поменяться ролями.

5. Повторение изученных на предыдущих уроках подготовительных упражнений, необходимых для самозащиты от ударов палкой (малой пехотной лопатой).

6. Новые приемы самозащиты от ударов короткой палкой или малой пехотной лопатой.

Атакующий наносит удар лопатой в голову сверху. Его партнер с шагом левой ноги вперед правой ладонью проводит верхний блок (фото 3) в руку атакующего. Своей левой рукой снизу захватывает предплечье нападающего (фото 4), резко поворачивается, перегибает руку через свое плечо (при этом корпус прижат к партнеру) и своей левой рукой перехватывает лопату (фото 5). С уходом назад за спину атакующего вырывает лопату, наносит удар в подколенный сгиб партнера (фото 6). Прием повторить 20 раз левой и правой рукой и поменяться ролями.

Гонорар за публикацию перечисляется в фонд помощи военнослужащим внутренних войск "Чужого горя не бывает".

Фото 1

Фото 2

Фото 3

Фото 4

Фото 5

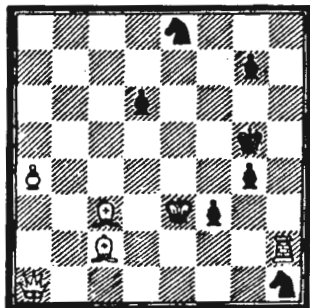
Фото 6

Под редакцией
мастера спорта
А. Калинина

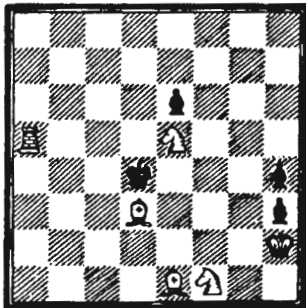
КОНКУРС РЕШЕНИЙ

№ 19 (1 балл)

Мат в 2 хода

№ 20 (2 балла)

Мат в 3 хода

№ 21 (2 балла)

Мат в 4 хода

Продолжаем публиковать конкурсные задания. Письма с их решениями присылайте в редакцию не позднее 1 ноября с.г. Желаем успеха в раскрытии секретов этих красивых композиций. Они просты, но, как сказал В. Белинский, "простота художественных произведений есть красота истины".

«БЕССМЕРТНАЯ ПАРТИЯ»

Такое название получила "легкая" партия, игранная в дни проведения международного турнира в Лондоне в 1851 году А. Андерсеном (белые) с Л. Кизерицким (черные). Несмотря на ряд ошибок, она вызвала в те годы всеобщий восторг.

1. e4 e5 2. f4 ef 3. Сс4 Фh4+ 4. Крf1 b5 5. С: b5 Кf6 6. Кf3 Фh6 7. d3 Kh5 8. Kh4 Фg5 9. Kf5 c6 10. g4 Kf6 11. Лg1 cb 12. h4 Фg6 13. h5 Фg5 14. Фf3 Kg8 15. С: f4 Фf6 16. Кс3 Сс5 17. Kd5 Ф: b2 18. Cd6 С: g1 19. e5 Ф: a1+ 20. Крe2 Ка6 21. К: g7+ Крd8 22. Фf6+ К: f6 23. Се7X!

Пожертвовав ладью, слона и ферзя, белые объявили мат. Финал эффективный. Эту историческую партию желательно знать каждому любителю шахмат.

ЖАНР КООПЕРАТИВНЫХ МАТОВ

Жанрами в композиции называют сложившиеся разновидности произведений. Одной из них являются задачи на кооперативный мат, в которых обе стороны стремятся заматовать черного короля.

В прошлом номере журнала мы предлагали решить миниатюру: Крf4, Cd6, Кс5, п. a6 – Кра8, Cf2, коопмат в 3 хода. Первый ход делают черные: 1. С: c5 Се5 2. Cd6 a7 3. Сb8 abФX.

Приводим для любителей этого жанра другую миниатюру: Крb2, Сс2, Сс3 – Крc4, Фf2, Се4, коопмат в 2 хода, два решения. В чем красота этой задачи? Ответ можно получить после раскрытия ее секрета.

Обе задачи оригинальные, ранее нигде не публиковались.

РЕШЕНИЯ

КОНКУРСНЫХ ЗАДАНИЙ

(На боевом посту, 1993, № 2, 3)

№ 1. Т. Браун, 1860. Крb6, Фh1, Ле8, Лf2, Кb8 (5) – Крd6, Кf7, пп. c4, d5, e5, f6 (6), мат в 2 хода. 1. Фе4!

№ 2. Публикуется впервые. Крb1, Лс5, Се4, Кb3, пп. c2, c4 (6) – Крс3, пп. b4, f7, g7 (4), мат в 3 хода. 1. Сg6! fg 2. Лg5 Кр: c4 3. Лс5X1, 1... f6 2. Лf5!

№ 3. Публикуется впервые. Крf2, Лс3, Сb1, Kh1, пп. d5, g2 (6) – Крд1, Сс6, пп. d2, h2 (4), мат в 4 хода. Задача логического стиля, главный план 1. Крf1 и 2. Кf2X не проходит из-за 1... Сb5+! Поэтому вначале 1. Сg6!, но не 1. Cf5? Cd7 2. Се6 Сс8 3. Крf1 Са6+ 1... Се8 2. Cf7! С: f7 и теперь 3. Крf1 – 4. Кf2X.

№ 4. Публикуется впервые. Крд8, Фg2, Лс4, п. e4 (4) – Крд6, Cd7, Кf6, п. e6 (4), мат в 2 хода. 1. Фg7!, цугцванг.

№ 5. В. Хольцхаузен, 1905. Крд7, Лb2, Лh1 (3) – Кра6, пп. a7, a5, h3 (4), мат в 3 хода. 1. Лb4! ab 2. Крс6 Кра5 3. Ла1X1, 1... h2 2. Крс6.

№ 6. Публикуется впервые. Крс2, Са5, Сb3, Ке7 (4) – Кра3, Ch6, Kh7, пп. a6, b4, c3, d7, g4, g5 (9), мат в 4 хода. 1. Kd5 – 2. С: b4X; 1... Cf8 2. Сb6 с угрозой 3. Се3 и 4. Сс1X, 2... Сс5 3. К: c3! bc 4. С: c5X, 2... Cd6 3. Ке3 и 4. Кс4X. Не проходит 1. Сb6? g3 2. Се3 g4 3. С: h6 Kg5!

ПРИМЕЧАНИЕ. Публикуемые впервые произведения составлены редактором "Шахматного клуба", специально для данного конкурса, из них № 4 – совместно с новосибирским шахматистом В. Чернавным.

НИ ПУХА НИ ПЕРА

НАКАНУНЕ охоты шел дождь. Но вот налетел ветер и в течение нескольких часов разогнал тучи. Пока мы вместе с егерем добирались до места утиной охоты, над озером матово светила луна, высвечивая нам путь. Предрасветное небо было усыпано светяч-

луна. Светает. Теперь не зевай, охотник, смотри в оба!

До боли в глазах всматриваюсь в светлеющий горизонт — не появится ли стайка пернатых. Нет, уток пока не видно.

Неожиданно утреннюю тишину раскалывает ружейный выстрел, затем еще один. «Кому-то, может, уже повезло», — мелькнула

НА УТРЕННЕЙ ЗОРЬКЕ

ками звезд, которые, как и луна, отражались в темной озерной воде и казались удивительно красивыми.

Вскоре тропинка вывела нас к небольшой пристани, и, погрузившись в довольно вместительную лодку с высокими бортами, мы продолжали путь уже по воде. Егерь, уверенно ориентируясь по знакомым лишь одному ему проходам в камыше, быстро развез охотников по шалашам, пожелал традиционного «ни пуха ни пера». Томительно потекли минуты ожидания начала утренней зорьки.

В такие минуты все мысли, конечно же, об охоте. Сидишь, прислушиваешься к криканью уток в камышовых зарослях, к поспеву крыльев проносящихся во мгле птиц и думаешь: как-то сложится предстоящая охота, удачным ли окажется выбранное для тебя егерем место...

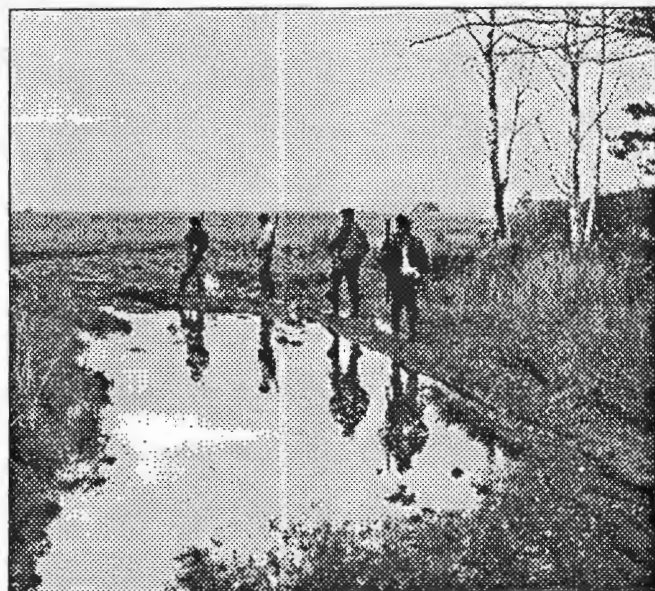
Постепенно догорают в небе огоньки звезд. Гаснет

мысль. И тут же буквально над головой стремительно пронесится стайка чирков. Среагировать не успеваю, и она быстро исчезает из виду.

В разных концах озера раздаются несколько выстрелов. Замечаю летящую прямо на меня тройку крыкашей. Тщательно прицеливаюсь и плавно нажимаю на спусковой крючок... Почин сделан.

За утреннюю зорьку успеваю взять еще трех уток. Время охоты заканчивается. Из-за стены камышей появляется лодка с егерем и охотниками, которых он уже взял на борт. Сажусь в лодку и я. По пути обмениваемся впечатлениями, сетуем на промахи и все как один твердо верим: на вечерней зорьке удача также не покинет нас.

**Полковник
Г. ЧЕРНЫШЕВ.**

Охотничья тропой.
Фото Ю. КАММЕРА.

СОВЕТУЕМ ПРОЧИТАТЬ

«ОХОТА
В РОССИИ»

Эту книгу с полным на то основанием можно назвать малой охотничьей энциклопедией. Потому что в ней есть все, что необходимо знать как начинающему охотнику, так и профессионалу. К примеру, немало страниц посвящено истории развития охоты, являющейся страстью миллионов россиян. С большим интересом читатель знакомится с разделами, где речь идет о местах обитания и повадках диких зверей и птиц, о правилах и приемах охоты на них.

Большой заряд информации несут страницы книги, на которых рассказывается о характеристиках многих марок охотничьего оружия и боеприпасов, приводятся сведения о стрелковой подготовке охотника, о породах охотничьих собак, их воспитании и полевой подготовке.

Многих читателей, и особенно специалистов, наверняка заинтересуют высказанные авторами взгляды на проблемы организации любительской охоты и биотехнических мероприятий.

Весьма полезным представляется и заключительный раздел, содержащий дельные советы по проведению охоты, обработке трофеев и изготовлению чучел.

К сказанному необходимо добавить, что книга создана на базе 2-го издания «Спортивной охоты в СССР», выпущенной издательством «Физкультура и спорт», в 1981 году.

И уж конечно, каждый, кто познакомится с «Охотой в России», обратит внимание на прекрасные цветные и черно-белые иллюстрации, сделанные, как, впрочем, и весь этот капитальный труд, людьми, влюбленными в природу, в родную землю.

Г. ЯКОВЛЕВ.

Охота в России /Сост. Дежкин В.В. — М.: ВИМО, 1992. 576 с., ил.

000303—А.С.

Ищу Борисову—Солопан Нину, 1929 г.р., проживала в Таджикистане (пгт Кокташ). Если кто-то что-либо знает о ее судьбе — напишите по адресу: 464020, Актюбинская обл., ст. Мартук, ул. Сейфулина, д. 10, Сайфулину А.К.

000406—С.Щ.

Я курсант Новосибирского высшего военного командного училища МВД России, мне 20 лет, рост 182, знак Зодиака — Рак. Хотел бы познакомиться с девушкой 17—20 лет (к письму желательно фото).

Стас.

000407—В.Я.

Двое курсантов (по 21 году, рост 175 и 185) желают познакомиться с девушками 18—20 лет, очень симпатичными, добрыми, нежными, верными и с хорошей фигуркой. Ответим на все письма, но желательно с фото.

Александр, Валентин.

000408—Н.М.

Родилась в год Тигра под знаком Овна, смесь получилась "адская", но смотрю на мир в свои 19 лет с высоты 164 см серо-зелеными глазами очень даже оптимистично. Ценю дружбу, верность, уважение и не приемлю лжи, подлости, предательства. Романтик, мечтатель, философ, верю в добро, чудеса, Судьбу, астрологию, магию. Веселая альтруистка, но и эгоистка немного. Люблю детей, путешествия, природу своего Урала и все необычное. Не хочу быть "как все". А мой идеал — не "Мистер красота", не герой боевиков, а просто хороший парень 20—22 лет, похожий на меня. Желательно, чтобы он носил форму милиции (хотя отвечу на все письма).

Надежда.

000409—Е.И.

Мне 19 лет, рост 164, мой знак Зодиака — Козерог, в общем, я скромный человек, характер уравновешенный, люблю детей и животных, музыку и бассейн. Буду рада переписываться с порядочным добрым человеком постарше меня, желательно военнослужащим (а кто он — солдат, прапорщик или офицер — неважно, лишь бы не злой). И еще: если не трудно, пришлите свою фотографию.

Лена.

000410—Т.С.

Домашних хлопот хоть отбавляй — двух сыночек вырастила одна, взрослые уже

За публикацию одного объявления надо переслать почтовым переводом 300 руб. в наш банк (его адрес: 111250, Москва, Е-250, коммерческий банк "Лефортовский", р/с 340616, МФО 201207, к/с 437161900 в РКЦ ГУ ЦБ РФ), затем текст объявления вместе с квитанцией об оплате направить в редакцию.

За высылку адреса одного выбранного вами абонента таким же образом надо направить в банк 50 руб., а в письме с заявкой и квитанцией — в редакцию.

Если вы хотите опубликовать свое письмо в газете "Ситуация" (приложение к журналу), надо точно так же заплатить за него 300 руб. При публикации письма одновременно и в газете, и в журнале вы пользуетесь 10-процентной скидкой, т.е. платите не 600, а 540 руб.

Военнослужащие срочной службы платят за объявление 100 руб., при одновременной публикации в двух изданиях — 180 руб., за адрес одного абонента — 30 руб.

Для более оперативного ответа на ваше письмо присылайте, пожалуйста, конверт с вашим адресом.

Напоминаем, что мы личных писем не пересылаем, а только адреса выбранных вами абонентов, переписку вы должны вести сами.

— моя радость и мои слезы; работа, как у всех женщин в нашей стране, — сверх меры и почти за "спасибо". Вот и хочется почувствовать себя просто слабой женщиной, любимой и желанной, чтобы можно было прислониться к надежному, верному плечу. Надеюсь, что найдется для меня такой человек в клубе "ВВ", ведь и среди офицеров

внутренних войск есть одинокие люди. Мне чуть больше пророка, и если мое письмо заинтересует кого-то из военнослужащих запаса — буду рада ответить.

Татьяна.

000411—В.Л.

Мне 17 лет, рост 169, шапка, говорят, что симпатичная, мой знак Зодиака — Водолей. Учусь на первом курсе института, люблю готовить, немного играю на гитаре, пою. Хотела бы познакомиться с симпатичным, добрым и веселым человеком в возрасте до 23 лет, курсантом военного училища или молодым офицером. Жду писем от вас, ребята! Отвечу всем, но буду особо благодарна за письмо с фотографией.

Вика.

000412—С.В.

Два симпатичных парня, проходящие службу во внутренних войсках, надеются познакомиться с красивыми, добрыми, милыми девушками. Нам по 19, русские, высокие, веселые, общительные, любим современную музыку, владеем приемами каратэ, родились под знаками Ближнецов и Тельца. Ценим в людях красоту, верность, доброту и юмор. Вот насчет "симпатичных" — это не нам, вообще-то, судить, а вам, девушки, от которых мы ждем писем (тогда и фотографии мы обменяемся, идет?).

Сергей и Виталий.

000413—М.Д.

Для создания семьи познакомлюсь с молодым человеком 20—24 лет, военнослужащим, желательно жителем г. Перми. Мой идеал мужчины, с которым намереваюсь прожить бок о бок всю жизнь, — это высокий, широкоплечий, с мужественными чертами лица, смуглый брюнет или шатен, с доброй душой, искренний, заботливый, любящий детей и с чувством юмора. А мне 19 лет (рост 154), худощавая, приятной внешности, мой знак — Дева. Считаю, что обладаю всеми качествами доброго человека, хорошо шью, вяжу, играю на фортепиано, очень люблю собак, природу. Буду ждать письма с фото.

Марина.

000414—Л.Л.

Хотелось бы в вашем клубе встретить надежного человека (бывшего военнослужащего) примерно моего возраста (а мне 50 лет), который сможет стать для меня вер-

ным и заботливым другом, может быть, на всю оставшуюся жизнь. Претензий у меня особых нет, жизнь закалила, трудностей хватало (одна двоих сыновей вырастила, одного уже женила, живет отдельно), люблю домашний уют, порядок в доме, умею вкусно готовить, шить, вязать...

Людмила Александровна.

000415—А.Б.

Военнослужащий срочной службы, потерявший веру в то, что девушки умеют ждать, все-таки желает познакомиться с девушкой 16—20 лет, симпатичной, стройной и веселой, которая докажет мне обратное. Мне 19, рост 178, крепкого сложения, не курю, родился под созвездием Стрельца, такой же, как все юнoshi моего возраста, что называется, рубаха-парень. Люблю веселые компании, занимаюсь спортом (боксом), ценю в людях ум и красоту. Пишите, девочки!

Жду писем с фото по возможности, но ответу всем, кто напишет.

Андрей.

000416—О.П.

Я обыкновенная девчонка 21 года (рост 165) с серыми глазами, говорят, что симпатичная — ну это я уж не знаю. По характеру добрая, спокойная, хотя иногда бываю и вспыльчива. Очень люблю ухаживать за комнатными растениями, слушать музыку.

Но не скажу, что домоседка, мне нравятся путешествия и разные приключения. Надеюсь познакомиться с человеком (военнослужащим), который бы умел понять другого. Мечтаю иметь дружную семью и знать, что есть рядом человек, который поддержит меня в трудную минуту, воспримет мою боль и радость как свою и никогда не предаст.

Оксана.

000417—П.К.

Скоро кончается служба во внутренних войсках, пора думать о будущем в 20 лет. В моей жизни были знакомые девушки, уходя же в армию, решил остаться один и теперь очень жалею об этом, но ничего уж не вернуть. А так хочется, чтобы тебя ждала не только мама. Надеюсь, что на мое письмо ответит милая девушка, а если письмо придет с фото, то буду просто счастлив.

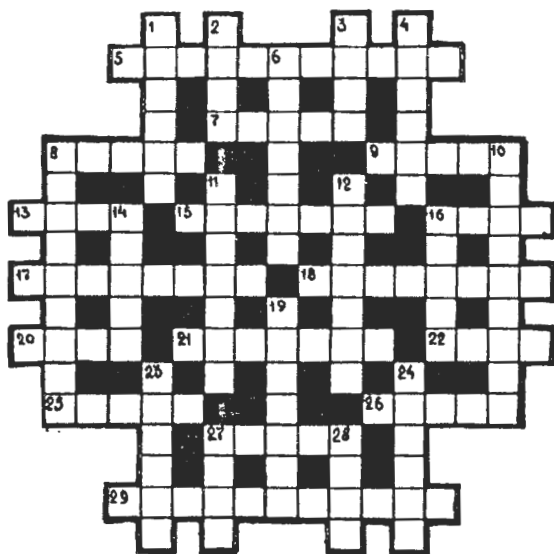
Павел.

000418—В.Ш.

Мне 31 год, рост 155, стройная, образование высшее, разведена, воспитываю сына 9 лет. Надеюсь, что найду в вашем клубе надежного для семейной жизни человека, желательно военнослужащего 35—38 лет, не злоупотребляющего спиртным.

Вера.

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Высшее командование армии. 7. Древнеиндийский царь, который, проникнувшись отвращением к войне, стал ревностным буддистом. 8. Летчик. 9. Солдат монгольской армии. 13. Первый в мире подводный минный заградитель. 15. Летчик-космонавт СССР. 16. Одно из средств спасения при кораблекрушении. 17. Ряд военных действий, объединенных одной целью. 18. Город, за освобождение которого солдат был награжден

медалью в популярной песне "Враги сожгли родную хату...". 20. Чин, звание. 21. Взрывчатое вещество, применяемое в шахтах для отбивки горных пород. 22. Противник, неприятель. 25. Помещение для стоянки и ремонта самолетов. 26. Спортивный снаряд для метания. 27. Королевский чиновник во Франции XI—XVIII вв. 29. Подаянность, способность воинов к быстрому передвижению, действию.

По вертикали: 1. Нашивка из галуна на рукаве форменной одежды. 2. Компонент дымного пороха. 3. Разновидность длинного копья. 4. Казенная прислуга при офицере в царской армии. 6. Способ ведения боя на море в эпоху грешного и парусного флота. 8. Картина Ф.Рубо. 10. Город-порт, основанный Петром I как крепость для защиты Петербурга с моря. 11. Изобретатель, напечатавший в 1762 г. первый курс русской артиллерии. 12. Деталь прицела. 14. Роман Ю.Бондарева. 16. Изобретатель радио. 19. Декабрист, полковник, участник Отечественной войны 1812 г. и зарубежных походов. 23. Русский механик, придумавший скоростную батарею из 44 мортирок на горизонтальном круге. 24. Артиллерист, один из создателей первых в мире минометов. 27. Неприятельское судно или какое-либо имущество, захваченное в морской войне, морской трофей. 28. Фортификационное сооружение.

Составил Е.ОРДИН.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД,
опубликованный в № 8—93 г.

По горизонтали: 1. Автономия. 9. Наган. 10. Культ. 12. Рой. 13. Акр. 15. Сан. 16. Мел. 17. Лист. 18. Арго. 21. Бор. 22. Тир. 23. Тол. 25. Акт. 26. Яхонт. 28. "Титан". 29. Коммандос.

По вертикали: 2. Оман. 3. Омск. 4. Инжир. 5. Угра. 6. Клан. 7. Штамп. 8. Дирижабль. 11. Коллонтай. 14. "Ротор". 15. Старт. 19. Армяк. 20. Варна. 22. Трос. 24. Литр. 27. Трюм. 28. Трон.

«ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ»

продолжает оставаться верным традициям объективности, научности и профессионализма

● В первой половине 1994 года журнал намерен публиковать недоступные ранее читателям мемуары трех сталинских маршалов о тяжелейших испытаниях, выпавших на долю советского народа в годы Великой Отечественной войны.

● Под рубрикой «К 300-летию российского Военно-Морского Флота» будут напечатаны документы и материалы о гибели славного сына Отечества адмирала А.М.Щастного, спасшего Балтийский флот от позорной сдачи немцам в 1918 году.

● О героических буднях советских людей в арабо-израильской войне 1967 года расскажет начальник штаба Главного военного советника в Египте генерал-лейтенант в отставке Е.И.Малашенко.

● Никто и никогда не печатал материалов об испытаниях ракетных систем стратегического назначения. Это сделает только «Военно-исторический журнал».

● О гражданской войне в России написано много, но мало кто или почти никто не знает, как проходил первый суд над Филиппом Кузьмичом Мионовым, правдолюбом, защитником народных интересов.

● Деятельность шефа абвера адмирала Канариса и руководимой им агентуры в европейских странах накануне и в ходе второй мировой войны, несмотря на обилие публикаций, все еще

остается заповедной тайной. К этому же роду материалов относятся документальные свидетельства очевидцев последних дней и часов жизни Адольфа Гитлера.

● В 1994 году будет продолжена публикация материалов о работе советской военной разведки в годы Великой Отечественной войны. Совершенно секретные документы Главного управления контрразведки «Смерш», предоставленные для опубликования только редакции «Военно-исторического журнала», поведают о судьбах советских генералов, вернувшихся из фашистского плена.

● Только здесь вы познакомитесь с воспоминаниями советских военных специалистов, участвовавших в войне во Вьетнаме.

● Наиболее интересные материалы первой половины 1994 года будут представлены в постоянных рубриках «Военная летопись Отечества», «Военная реформа: прошлое и современность», «Летопись полков российских», «Военно-геральдическое общество представляет», «Шла "холодная война"», «Из фондов военных архивов», «Казачество: в прошлом, настоящем и будущем», «Палачи и жертвы», «Эпоха в документах», «Глазами зарубежного историка», «С юмором к победе», «Форма одежды — мундир Отечества».

Подписка на «Военно-исторический журнал» (индекс 70137) принимается во всех без исключения отделениях связи на территории СНГ.

Цена одного номера по каталогу 400 рублей, на три месяца — 1200 рублей, на полугодие — 2400 рублей. Плата за прием подписки и доставку назначается почтой. В розничную продажу журнал поступает по заявкам киоскеров.

**НЕ ЗАБУДЬТЕ СВОЕВРЕМЕННО
ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ
НА «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ»
на первое полугодие 1994 года**

ПРИВЛЕКАТЕЛЬНАЯ СЛАВА

МОСКОВСКОЕ
АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО

Московское акционерное общество «Слава» ПРИГЛАШАЕТ воинов внутренних войск, отслуживших срок действительной военной службы, на работу наладчиками, операторами автоматических линий станков с ЧПУ, электриками, специалистами инструментального профиля. Акционерное общество гарантирует среднюю зарплату в размере 45 тысяч рублей и более в месяц. Повышен заработная плата производится ежеквартально. Ежемесячно выплачивается дотация в 6 тысяч рублей, а к отпуску — дополнительная материальная помощь.

Лица, имеющие специальности, обучаются избранной профессии. Во время учебы выплачивается стипендия в размере 6 тысяч рублей.

В акционерном обществе имеются детские сады, база отдыха для детей, базы отдыха в Подмоскowie и в Сочи, спортивный комплекс. Желающие продолжить учебу имеют возможность заниматься на вечерних и заочных отделениях приборостроительного института и техникума.

Наш адрес: 125040, Москва,
Ленинградский проспект, д. 8,
отдел кадров.
Контактные телефоны:
251-71-24, 257-06-64.

СИБИРСКАЯ ЯРМАРКА

World Trade Center[®]
Novosibirsk

**СибОхрана-93, СибОптика-93
ПОЖАРНЫЕ СИБИРИ-93, СпаСиб-93
ИНСПЕКЦИЯ И КОНТРОЛЬ НА ТРАНСПОРТЕ-93**

16–19 ноября 1993 г. Новосибирск

Приглашаем все заинтересованные организации к участию во второй международной выставке-ярмарке полицейской и криминалистической техники.

Одновременно состоятся ярмарки пожарного, спасательного оборудования, контрольно-измерительной аппаратуры для транспорта, оптических приборов.

Справки по тел. (круглосуточно):
(3832)23-78-54, 23-94-69;
факс: 23-63-35;
телетайп: 209116 Лабаз, 4738 Лабаз;
телекс: 133166 SFA SU; 614627 SFA SU.
Sprint Network: c:ussr, a:sovmail,
o:customers, un:siberian fair.
СИБИРСКАЯ ЯРМАРКА.

